

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (8)

Academic Journal

Series
Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (8)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2017

УДК 101(05)+316(05)+7.01(05)
ББК 87я5+60.5я5+85я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклена, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Е.Н. Ивахненко, гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Д. Губин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Ж.Т. Тощенко, зам. гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Киташева, отв. секретарь, канд. социол. н. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначёва, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствоведения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаки (Ун-т Чуо, Япония)

Ответственные за выпуск: А.И. Резниченко, д-р филос. н., проф.
Е.А. Колосова, канд. социол. н., доц.
И.О. Шевченко, канд. ист. н., доц.
А.В. Кученкова, канд. социол. н., доц.
А.В. Марков, д-р филол. н., доц.
В.А. Колотаев, д-р филол. н., проф.
С.Ю. Штейн, канд. искусств., доц.

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

ISSN 2073-6401

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- С.В. Балданов*
О взаимосвязи моделей и мысленных экспериментов
в экономической науке 9
- И.В. Белая*
О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь
в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 1: Пу-Ча Дао-Юань 20

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- М.М. Галкина*
Перспективы сельской интеллигенции: село или город? 30
- Е.А. Кранзеева*
Политическое сознание женщин: предвестники кризисного состояния
в позднесоветский период 37
- Д.Г. Цыбикова*
Участие собственников в решении вопросов
капитального ремонта многоквартирных домов 46
- С.Н. Майорова-Щеглова, С.Ю. Митрофанова*
Детство в социогуманитарной перспективе: методологические
и технологические основы создания научно-прикладного тезауруса 57
- Н.В. Иванова, А.Г. Сумарокова*
Исследование этнофункционального аспекта фольклорных образов
детей старшего дошкольного возраста 68
- Е.А. Колосова*
Потребительская социализация детей и подростков:
возрастные особенности 74
- И.О. Шевченко*
Семья, семейные ценности, материальное положение семьи
в представлениях интеллигенции 80

Искусствоведение

<i>В.А. Колотаев, Е.В. Улыбина</i> Варианты преобразования феномена веры в несправедливый мир в кинематографе	91
<i>И.Ю. Перфильева</i> Ювелирные украшения в семиотическом поле советского кинематографа первой половины 1930-х гг.	107
<i>А.И. Андреев</i> О связи концепций истории кино и понятийного аппарата в киноведении	117
<i>С.Ю. Штейн</i> Онтологизация как метод искусствоведения	125
<i>Т.Е. Савицкая</i> Рыцарь-Фальстаф: форма и содержание образа (кувшин эпохи историзма из собрания радищевского музея)	135
<i>Д.Ю. Мильников</i> Условность киноизображения в документалистике: история формирования предпосылок художественности	144

Рецензии

<i>А.В. Марков</i> Правда искусства в толще жизненной сферы. Рецензия на книгу: <i>Дуров А.А. Народная культура и проблема становления творческой личности «в минуты роковые».</i> Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 224 с.	150
Abstracts	153
Сведения об авторах	160

CONTENTS

Philosophy

- S. Baldanov*
Regarding connectivity of economic models
and thought experiments in economics 9
- I. Belaya*
On the development of the female sisterhood at Daoist school Quanzhen
during the Jin and Yuan dynasties. Part 1: Pucha Daoyuan 20

Sociology: theoretical and empirical researches

- M. Galkina*
Prospects of rural intellectuals. Village or city? 30
- E. Kranzeeva*
Women's political consciousness. Signs of crisis
in the late Soviet period 37
- D. Tsybikova*
Participation of the owners in matters of major overhaul
in the apartment buildings 46
- S. Mayorova-Shcheglova, S. Mitrofanova*
Childhood in socio-humanistic perspective. Methodological
and technological basis for scientific-applied thesaurus creation 57
- N. Ivanova, A. Sumarokova*
Study of the ethno-functional aspect
in folklore images for children of senior preschool age 68
- E. Kolosova*
Consumer socialization of children and adolescents. Age features 74
- I. Shevchenko*
Family, family values, family financial situation
in the views of the intelligentsia 80

Art Studies

<i>V. Kolotaev, E. Ulybina</i> Variants of transforming the phenomenon of faith into an unfair world in the cinema	91
<i>I. Perfilieva</i> Jewelry in the semiotic field of the Soviet cinema of the first half of the 1930s	107
<i>A. Andreev</i> On the connection between the concepts of the history of cinema and the conceptual apparatus in film science	117
<i>S. Schtein</i> Ontologization as the method of art history	125
<i>T. Savitskaya</i> “Sir Falstaff”. The form and content of the image (a jug of the era of historicism from the collection of A.N. Radishchev Saratov State Art Museum)	135
<i>D. Mylnikov</i> The conditionality of cinema image in the documentary. History of forming prerequisites for the artistry	144

Рецензии

<i>A. Markov</i> The truth of art in the thick of the life sphere. Book review: <i>Durov A.A.</i> Folk culture and the problem of the formation of a creative personality “in the fatefull moments”. Stavropol: Design Studio B, 2016. 224 p.	150
Abstracts	153
General data about the authors	162

О взаимосвязи моделей и мысленных экспериментов в экономической науке

В данной статье рассматривается роль мысленных экспериментов в экономической науке. Указывается, что благодаря методам моделирования и мысленного эксперимента экономическая наука получает возможность бороться с проблемой недоопределенности эмпирических данных. В дальнейшем, рассматривая методологические проблемы использования мысленных экспериментов, мы приходим к парадоксальному выводу, что чем менее точны первичные эмпирические данные, тем более полный и простой мысленный эксперимент удастся провести. В этом смысле искусственные рамки мысленного эксперимента дают подходящие возможности для применения гипотетических моделей экономической науки.

Ключевые слова: мысленные эксперименты в экономике, экономическая модель, методология мысленных экспериментов, М. Фридман, предпосылки мысленного эксперимента.

Экономисты очень редко могут ставить эксперименты для того, чтобы получить важные факты или проверить свои теории. Это особенно справедливо по отношению к макроэкономике, поскольку есть очевидные трудности и запреты экспериментирования на макроуровне, когда вопросы касаются общества в целом или больших групп людей. Здесь ситуация может быть сходна с некоторыми естественными науками. Например, астрономы тоже не могут экспериментировать с очень удаленными и большими космическими объектами, но у них, в отличие от социальных наук, более строгие и точные методы наблюдения и измерения. Огюст Конт в этом плане сравнивал социологию с метеорологией. Некоторые современные экономисты сравнивают экономику с физикой

атмосферы, которая разрабатывает разные модели загрязнения и глобального потепления. Здесь тоже конкурирующие модели дают различные результаты, как в экономике. И все же экономическая наука не является чистым теоретизированием, а пытается при возможности использовать опытные данные. Наряду с этим в ней применяются такие инструменты, как моделирование и мысленный эксперимент, что позволяет рассматривать реальные экономические ситуации в искусственных условиях, выделяя необходимые аспекты для обнаружения возможных регулярностей. Поэтому возникают вопросы: могут ли результаты, полученные в ходе мысленных экспериментов и моделирования в экономике, иметь познавательную значимость, можем ли мы доверять им в рамках экономических исследований?

Исторически, уже в ранних формах экономических теорий можно проследить использование метода мысленного эксперимента. К примеру, Дэвид Юм, размышляя о свободе внешней торговли и ошибочности меркантилистской теории, предлагает такой эксперимент: «Если половина денег Англии внезапно была бы уничтожена, труд и товары сразу бы стали намного дешевле, в результате чего произошло бы увеличение объема экспорта, что привлекло бы к нам деньги всех наших соседей. После того, как мы поднимемся до их уровня, мы немедленно потеряем наши преимущества дешевого труда и товаров; и дальнейший приток денег будет остановлен нашей полнотой и перенасыщением. Если бы та часть денег, которая находится в Англии, внезапно бы удвоилась, товары сразу же стали бы дороже, объем импорта увеличился в ущерб экспорту, и наши деньги растеклись бы среди наших соседей. Вряд ли уровень денег, как и воды, можно изменить в одном месте гораздо выше или ниже существующего уровня, если сообщение открыто; этот уровень должен подниматься или опускаться пропорционально количеству товаров и рабочей силы, имеющихся в каждом государстве»¹.

Данный мысленный эксперимент демонстрирует выявленную Юмом каузальную связь в распределении денежных масс. Заметим, что здесь также используется своего рода «гидравлическая модель» их перемещений, аналогичная поведению воды в сообщающихся сосудах. В дальнейшем эти идеи будут развиты Адамом Смитом в рамках раскрытия механизмов свободного ценообразования. Тем не менее, насколько доводы этого мысленного эксперимента являются эмпирически достоверными? Ведь они, как отмечает сам Юм, являются скорее умозрительными или интуитивными, что связано со сложностями в проверке балансовых книг как своей страны, так и других государств и относительностью курсов валют. Известную

в современной философии науки проблему недоопределенности теории эмпирическими данными он описывал так: «Каждый, кто когда-либо размышлял на эту тему, всегда подтверждал свою теорию – какова бы она ни была – фактами и расчетами, перечислением всех товаров, отправленных во все зарубежные страны»². Эта проблема до конца не устранена и до сих пор. Тем не менее рамки мысленного эксперимента позволяют провести Юму упрощение, за счет которого ему удастся снять проблему выяснения реальных эмпирических доказательств для своей теории, и получить возможность наглядно показать каузальную связь между описываемыми явлениями.

Можно привести и другие мысленные эксперименты из истории экономической мысли. Так, иногда интерпретируют аргументацию А. Смита о «невидимой руке» рынка как мысленный эксперимент. Многие ученые занимались экспериментированием с «хозяйством Робинзона Крузо». С некоторыми оговорками к мысленным экспериментам можно отнести знаменитое «изолированное государство» И. фон Тюнена и «изолированное социалистическое хозяйство» Л. Мизеса. Нарастание мысленного экспериментирования произошло после маржиналистской революции 1870-х гг., когда произошел переход от трудовой теории ценности к теории предельной полезности и новому пониманию экономической теории как теории максимизирующего рационального выбора в условиях ограниченности средств. С этого времени мысленное экспериментирование характерно для выработки различных вариантов модели «экономического человека» и ее «поведения» в различных ситуациях.

Казалось бы, изучение явлений в таких идеализированных – нереалистичных, искусственных, возможных – условиях мало что может дать. Но логика построения оригинальных научных теорий весьма далека от простого обобщения наличных фактов. Это хорошо отмечает выдающийся экономист и социальный теоретик Ф. Хайек: «Полезно отметить еще одно распространенное заблуждение относительно целей и возможностей науки. Я имею в виду веру в то, что наука занимается исключительно тем, что существует, а не тем, что могло бы существовать. Но ценность науки заключается, главным образом, в том, что она говорит нам, что произойдет, если некоторые факты будут иными, чем они есть. Все утверждения научных теорий имеют форму “если... то...” и представляют интерес именно возможностью подставить после “если” не те условия, которые существуют в реальности... Плодотворная социальная наука должна преимущественно заниматься исследо-

ванием несуществующего: конструировать гипотетические модели возможных миров, которые могли бы существовать при изменении некоторых условий»³.

Следует отметить также, что в современной экономической науке одним из основных средств для изучения различных реалий и процессов являются модели. Еще Дж. Кейнс говорил о том, что «экономисты мыслят моделями». Ныне же широкое использование моделей привело к распространению этого нового стиля мышления, что ставит вопрос: как возможно познание посредством моделей?

Обычно считается, что научные модели репрезентируют и замещают изучаемые феномены и объекты. Это, например, модель газа как упругих шаров, модель атома Резерфорда, модель ДНК как двойной спирали, модель рынка совершенной конкуренции и т. п. Работа с моделями проходит три стадии: конструирование, изучение и манипуляции, интерпретация. Конструирование модели предполагает ее описание и установление отношения репрезентации между моделью и объектом. Потом нужно исследовать свойства модели, чтобы выработать определенные теоретические утверждения о ее внутреннем механизме и его работе. В конце эти утверждения нужно преобразовать в утверждения о самом объекте, т. е. дать реалистическую интерпретацию. Эти шаги хорошо видны в работе с материальными моделями. Например, конструктор создает уменьшенную модель самолета, затем помещает ее в аэродинамическую трубу и изучает ее поведение в различных режимах потока воздуха, затем интерпретирует полученные результаты в плане их переноса на реально создаваемый самолет.

Но как быть с этой схемой в экономической науке, которая работает с идеальными моделями? Здесь средняя и ключевая стадия – изучение и манипуляции с моделью – не может осуществляться в реальном экспериментировании. Поэтому естественно предположить, что это можно осуществлять с помощью мысленных экспериментов.

Попробуем подкрепить эти общие рассуждения конкретным примером, в котором совмещаются моделирование и мысленный эксперимент. В методологии экономической науки такой тип моделей обладает «ключевым свойством экспериментирования: речь идет о моделях, основанных на изоляции»⁴. В качестве такого примера можно взять модель асимметрии информации на рынке подержанных автомобилей, за которую Дж. Акерлоф получил премию имени Нобеля по экономике. Здесь Акерлоф размышляет о стандартной модели ценообразования, о факторах, влияющих на

образование цены и показывает, что одна из предпосылок стандартной модели, а именно, равное знание между участниками рынка, не находит оснований в реальной ситуации рынка «лимонов» (так в США называют плохие подержанные автомобили).

«Пример с подержанными автомобилями позволяет уловить самую суть проблемы. Время от времени можно услышать рассуждения или недоуменные замечания по поводу значительной разницы в ценах на новые автомобили и автомобили, которые только что покинули витрины торговых залов. Обычное объяснение этого феномена сводится к тому, что указанная разница представляет собой плату за удовольствие от обладания “новым” автомобилем. Предположим (ради простоты, а не реалистичности), что автомобили классифицируются всего по двум признакам: с одной стороны новые и подержанные, а с другой – хорошие и плохие»⁵.

Уже здесь мы видим отличия от типичной модели. Акерлоф не просто описывает ситуацию реального мира, но формулирует проблему, говоря о том, что общепризнанная теория образования цен противоречит данным о рынке подержанных машин, следовательно, требуется новая модель. Также следует отметить, что в качестве основания для своего моделирования и мысленного эксперимента Акерлоф не выбирает объективные данные рынка, содержащие численное отношение подержанных и новых машин, и не проводит наблюдения изменения этих значений за определенный период, но выбирает достаточно упрощенный и обобщенный показатели. Это позволяет, с одной стороны, добиться того, чтобы допущения могли быть приняты на веру и проверены каждым, а с другой стороны, позволяет осуществить переход к искусственной ситуации, где можно показать каузальную связь между данными допущениями и тем, как они могут влиять на рынок. На этом основании он проводит мысленный эксперимент.

Предположим, что изначально все покупатели ничего не знают о приобретаемых ими машинах. Однако некоторые, покупая как новые, так и подержанные машины, сталкиваются с тем, что они приобрели некачественный автомобиль – «лимон». Со временем автовладелец разбирается с тем, что за машина ему досталась, и дает уже ясную оценку, что ему достался плохой автомобиль. Если он решает продать этот автомобиль, то возникает асимметрия информации: ведь, выходя на рынок, данный продавец будет знать о своем автомобиле больше, чем покупатель. За счет отсутствия знаний у покупателя, на этом рынке не формируется дополнительное различие автомобилей – хорошие и плохие, а остается только то, которое было в начале – новые и подержанные. Получается, что

хорошие и плохие автомобили, за счет незнания покупателя, будут торговаться по одной цене. Однако если продавец хорошего автомобиля стремится к его продаже по средневзвешенной цене рынка, продавец «лимона» готов продать машину дешевле, поскольку все равно получит прибыль, тем самым оставляя продавца качественного автомобиля в проигрышном положении. Поскольку, таким образом, продажа «лимонов» оказывается выгодней продаж хороших автомобилей, доля «лимонов» на рынке постепенно начинает расти⁶.

Как можно заметить, Акерлоф не ограничивается чистым мысленным экспериментом. Используя допущения, которые были описаны выше, он представляет мыслимую ситуацию распределения «хороших и плохих» автомобилей и применяет к ней модель определения равновесной цены. Затем, показывая, что данная модель не может объяснить выстроенную им гипотетическую ситуацию, делает вывод о необходимости пересмотра базовой модели. Таким образом, идеализированные условия и результаты мысленного эксперимента начинают получать реалистическую интерпретацию, а в рамках мысленного эксперимента происходит проверка и реконструкция экономической модели.

Такое использование мысленных экспериментов становится возможным, поскольку: «мысленные эксперименты являются версиями реального мира, пойманного в искусственных лабораторных условиях, модели – искусственные миры, построенные с целью репрезентации реального мира»⁷. Однако каким образом мысленные эксперименты, которые носят умозрительный характер, могут иметь отношение к реальному миру и даже быть его версией? И даже если мы можем себе представить подобное, то перед нами остается задача доказать, что умозрительное представление может корректно отражать сложные связи реального мира.

Рассматривая с этой позиции мысленные эксперименты в экономике, интересно отметить взгляды зарубежных методологов, которые занимались проблемой обоснования доказательной силы мысленных экспериментов. Одной из обсуждаемых здесь проблем являлось оправдание перехода от конкретной ситуации, описываемой в мысленном эксперименте, к индуктивному обобщению, в рамках которого вывод, получаемый из мысленного эксперимента, оказывается применим ко всякой подобной ситуации в реальном мире. К сожалению, доводов, которые непротиворечиво отвечали бы на данный вопрос, выработать не удалось. Однако рассматривая структуру мысленных экспериментов в экономике, можно обратить внимание, что вопреки традиционному взгляду, в рамках

которого мысленный эксперимент разворачивается в идеализированной среде, где сталкиваются реальные предпосылки, следует отметить, что уже сами предпосылки в экономических моделях предстают идеализированными. То есть, говоря о предпосылках мысленного эксперимента, мы уже имеем дело не с конкретными явлениями или данными, а уже с их обобщенной формой. В этом смысле вопрос, занимавший западных методологов, можно снять, по крайней мере, в рамках экономической теории. Таким образом, проблема индуктивного обобщения сдвигается от конца мысленного эксперимента к его началу, к предпосылкам. И проверка хода мысленного эксперимента должна начинаться с проверки самих допущений. К примеру, верна ли посылка Юма о том, что деньги перетекают свободно, подобно воде в сообщающихся сосудах, или допущение Акерлофа о том, что часть машин, выставляемых на продажу, может быть с большими скрытыми изъятиями, которые не может выявить при сделке покупатель? В той мере, в какой эти обобщения оказываются верными, в той мере и результат мысленного эксперимента предоставит нам более определенные данные. Но здесь опять поднимается спор методологов о том, насколько самостоятельным от простой логической аргументации остается мысленный эксперимент.

На рубеже веков разные авторы, например, Дж. Браун, Т. Гендлер, Дж. Нортон, Н. Мицкевич⁸, дискутировали по этим проблемам, но приходили к различным, зачастую противоположным выводам относительно того, каким образом нужно ставить мысленные эксперименты, и каков статус их результатов.

Например, достаточно ли утверждения об индуктивной достоверности предпосылок для заключения о достоверности проведенного мысленного эксперимента? Очевидно, что проверки такого рода будет недостаточно. Критика данного утверждения может быть сходной с критикой верификации предпосылок экономических гипотез на соответствие реальности. Эти вопросы рассматривались М. Фридманом в его знаменитом эссе «Методология позитивной экономической науки». В нем он критикует привычное представление о том, что с помощью проверки предпосылок на реалистичность мы можем говорить и о реалистичности выдвигаемой гипотезы. М. Фридман отмечает, что даже если мы докажем реалистичность предпосылок, из этого не следует реалистичность гипотезы. Поскольку, как уже отмечалось выше Юмом, для экономических теорий не является определяющим факт полного соответствия эмпирическим данным. Или, формулируя в терминах У. Мяки, ясно, что Дж. Акерлоф проводит

идеализацию модели, посредством конструирования нереалистичных предпосылок⁹.

Нужно также учитывать тезис Куна-Фейрабенда о том, что всякий факт может быть проинтерпретирован с помощью различных гипотез. Фридман в некотором смысле предвидел данные представления и отмечал, что сам характер экономической гипотезы таков, что она важна, если «она объясняет многое малым, т. е. извлекает общие и решающие элементы из массы сложных и детализированных обстоятельств, которые окружают подлежащие объяснению явления, и позволяет делать верные предсказания на основе одних лишь этих элементов»¹⁰. Отсюда можно сделать несколько парадоксальный вывод, что чем менее предпосылки являются реалистичными описаниями, тем более общей и простой получается гипотеза, и тем выше сила ее прогнозов.

С данной оценкой соотношения экономических теорий и их предпосылок согласен и Р. Лукас, лауреат премии Нобеля 1995 года: «Для должного исполнения лабораторной функции необходимо, чтобы искусственная “модельная” экономика была в ходе рассуждений и дискуссий максимально четко отграничена от реальных экономик. До тех пор, пока будут смешивать утверждения, касающиеся того, как, с нашей точки зрения, реальные экономики реагируют на определенную политику, и верифицируемые утверждения о том, как на них реагирует модель, теорию невозможно эффективно использовать при ответе на вопрос, какие именно точки зрения относительно поведения реальных экономик обоснованы, а какие – нет»¹¹. Тем самым в рамках данной стратегии нам не удастся убедительно проверить выбранную гипотезу на достоверность.

Вместо этого М. Фридман предлагает два варианта рассмотрения предпосылок, где, хотя бы косвенно, у нас появляются возможности оценить качество предлагаемой гипотезы. Первой возможностью является возможность поменять местами предпосылку и следствие. На примере эксперимента Акерлофа: если мы знаем, что часть подержанных машин на рынке продается существенно дешевле остальных, то их качество чем-то отличается от сходных на вид машин, продающихся по более высокой цене, и вероятно, это отличие не в пользу более дешевых машин. В той мере, в какой возможно сделать такого рода замену, мы можем применить к предпосылкам проверку на реалистичность. В том случае, если предпосылка соответствует реальности и может выступать в качестве следствия гипотезы, мы можем осмелиться утверждать ее достоверность. Наряду с этим Фридман выдвигает в качестве критерия проверки достоверности гипотезы ее возможности для

прогноза. Данный критерий выступает в достаточно стандартном смысле для философии науки: какое количество явлений удастся предсказать и объяснить с помощью данной гипотезы. Но здесь он несколько расширяет обычное определение предсказания, указывая на тот факт, что сила предсказания зависит не только от самой гипотезы, но также и от принадлежности ученого к определенной традиции. Связано это с тем, что достаточно редко мы имеем дело с абсолютно новыми гипотезами, обычно они представляют собой развитие или переосмысление некоторых предшествующих теорий. В этом смысле новая гипотеза встает в один ряд с существующими теориями, описывающими данный класс явлений. В том случае, если связанные с ней теории проверены и уже пользуются авторитетом в научном сообществе, новая гипотеза также имеет большие шансы оказаться достоверной. С этим связана и другая проблема: оцениваемые в различных научных областях одни и те же предпосылки могут как поддерживаться существующими в данной области теориями, так и отвергаться. Примером этому могут служить предпосылки о причинах человеческого поведения в экономической теории и социологии, объяснения работы сознания в нейрофизиологии и философии, различия в понимании рациональности в этике и экономике. В связи с такими различиями данный критерий также не может иметь определяющей роли, он носит лишь косвенный характер, указывая на возможность, но не дает окончательного ответа.

В итоге анализа предпосылок моделей и проводимых в их рамках мысленных экспериментов указывающими на достоверность и реалистичность факторами оказываются такие, как простота, возможность предсказания, подобие предшествующим хорошо обоснованным теориям. Оказывается очевидным факт, что все эти критерии, как отмечено самим М. Фридманом, являются интуитивными и не формализуемыми критериями проверки.

Но если у нас не получается выделить формальные критерии для анализа проверки предпосылок на достоверность, возможно, мы сможем воспользоваться соответствием самого мысленного эксперимента определенным эпистемическим нормам? Концепция эпистемических норм была разработана Дж. Поллоком как результат стремления к проверке рассуждений на соответствие истине. Согласно его пониманию, мысленный эксперимент представляет собой действие и, как и всякому действию, мысленному эксперименту можно научиться. Рассмотренный таким образом мысленный эксперимент должен соответствовать неким определенным нормам, чтобы приводить к достоверному и проверяемому выводу.

Но понятая таким образом нормативность оказывается принадлежащей не самим понятиям и научным конструкциям, а ментальному состоянию познающего. И в этом смысле она строится на основании индивидуально усвоенных норм каждого отдельного познающего. Здесь Поллок отмечает парадокс: «какими бы ни были наши эпистемические нормы – это правильные эпистемические нормы»¹². Отсюда Поллок делает вывод, что эпистемические нормы в принципе не нуждаются в эксплицитной формулировке, так как, с одной стороны, этого не требует их применение на практике, а с другой стороны, это привело бы к составлению бесконечного и постоянно меняющегося списка. В результате нормы оказываются индивидуальными, что указывает нам на интуитивную проверку достоверности рассуждений в рамках методов моделирования и мысленного эксперимента.

* * *

Мысленные эксперименты и модели представляют собой часто применяемый и взаимодополняющий инструментарий экономической науки. С помощью мысленных экспериментов, которые начали использоваться в экономике со времени ее зарождения, удавалось фиксировать важные и интересные связи экономических феноменов. Разрабатывая в дальнейшем эти связи, верифицируя их эмпирически, ученые приходили к достаточно надежным и практически применимым экономическим теориям. С другой стороны, с помощью мысленных экспериментов появляется возможность пересмотреть какие-то основания или предпосылки казалось бы утвержденных теорий, открывая тем самым новые возможности для исследования. В такой ситуации важно понимать, каким образом мы можем проверить разработанные модели и мысленные эксперименты на достоверность. Одним из широко распространенных способов является проверка предпосылок на реалистичность. Однако М. Фридман достаточно убедительно показал, что этот способ нельзя переоценивать. Таким образом, приходится признать, что достоверность моделей и мысленных экспериментов устанавливается за счет не какого-то одного критерия, а совокупности многих косвенных признаков, связь и значимость между которыми устанавливается в зависимости от конкретного исследования. При этом нужно учитывать отличия в мысленном и реальном экспериментировании. Как отмечал один из родоначальников экспериментальной экономики Вернон Смит, «абстракции в лаборатории гораздо менее значительны, чем в экономической теории»¹³, а потому такой интуитивный и идеализированный

характер мысленных экспериментов в экономической науке отвечает своим задачам, обеспечивающим продуктивный стиль мышления в экономической науке.

Примечания

- ¹ Юм Д. О торговом балансе // Вехи экономической мысли: В 6 т. Т. 6. Международная экономика. Институт «Экономическая школа». М.: ТЕИС, 2006. С. 114.
- ² Там же. С. 113.
- ³ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 35.
- ⁴ Maki U. On the method of isolation in economics // Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. 1992. Vol. 26. P. 318.
- ⁵ Акерлоф Дж. «Рынок лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // 1994. THESIS. № 5. С. 91.
- ⁶ Акерлоф Дж. Указ. соч. С. 92.
- ⁷ Morgan M. Experiments versus models: New phenomena, inference and surprise // Journal of Economic Methodology. 2005. Vol. 12 (2). P. 317.
- ⁸ См.: Brown J. Thought experiment: a platonic account // Thought Experiments in Science and Philosophy / Ed. by T. Horowitz, G. Massey. Lanham, 1991; Norton J. On Thought Experiments: Is There More to the Argument? // Philosophy of Science. 2004. Vol. 71. No. 5; Gendler T. Galileo and the Indispensability of Scientific Thought Experiment // The British Journal for the Philosophy of Science. 1998. Vol. 49 (3); Miscevic N. Mental models and thought experiments // International Studies in the Philosophy of Science. 1992. Vol. 6 (3).
- ⁹ Maki U. Models are experiments, experiments are models // Journal of Economic Methodology. 2005. Vol. 12 (2). P. 310.
- ¹⁰ Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. № 4. С. 29.
- ¹¹ Lucas R. Methods and problems in business cycle theory // Journal of Money, Credit and Banking. 1980. Vol. 12 (4). P. 696.
- ¹² Pollock J.L. Epistemic Norms // Synthese. 1987. Vol. 71 (1). P. 74.
- ¹³ Smith V. Microeconomic systems as an experimental science // The American Economic Review. 1982. Vol. 72 (5). P. 936.

И.В. Белая

О развитии женского монашества
в даосской школе Цюаньчжэнь
в эпохи Цзинь и Юань.
Ч. 1: Пу-Ча Дао-Юань

Статья посвящена изучению становления женской монашеской традиции в даосской школе Целостности и совершенства (Цюаньчжэнь) в эпохи Цзинь (1115–1234) и Юань (1271–1368). В основу исследования был положен текст стелы с эпитафией даосской монахини Пу-ча Дао-юань (1152–1204), которая внесла весомый вклад в развитие этого религиозного движения. На примере ее жизнеописания рассматриваются важные аспекты женского подвижничества, а также приводятся сведения об истории возникновения первых женских обителей даосской школы Цюаньчжэнь в Китае XII–XIII вв.

Ключевые слова: Китай, даосизм, школа Целостности и совершенства, даосские монахини, учение Цюаньчжэнь, нью гуань, Пу-ча Дао-юань.

В эры *Чжэн-лун* (1156–1160) и *Да-дин* (1161–1189) эпохи Цзинь (1115–1234) на севере Китая возникает даосское учение – школа Целостности и совершенства (Цюаньчжэнь 全真), которая к эпохе Юань (1271–1368) становится одной из самых влиятельных «новых даосских школ». Ее последователям полагалось вести уединенный и аскетический образ жизни в стенах монастыря, следовать нравственным предписаниям и совершенствовать себя с помощью даосских методов «внутренней алхимии»¹. Развитие этой школы связано с деятельностью не только ее первых патриархов, но и выдающихся подвижниц, таких как Сунь Бу-эр 孫不二 – основательницы субнаправления Чистоты и покоя (*Цин цзин пай* 清靜派)², Пу-ча Дао-юань 蒲察道淵, Во-лэ Шоу-цзянь 幹勒守堅, Ао-дунь Мяо-шань 奧敦妙善 и др. Столь существенная роль женщин в школе Цюаньчжэнь и в даосизме

в целом делает актуальным исследование становления женского монашества.

С появлением первых монастырей даосы начали фиксировать на стелах сведения не только о выдающихся наставниках своей школы, но и о знаменитых женщинах-даосках, прославившихся своими добродетелями или внесшими существенный вклад в развитие учения³. Тексты стел или их фрагменты, которые сохранились до нашего времени, содержат информацию об именах, происхождении, духовном пути, методах самосовершенствования и религиозной деятельности даосок, управлявших этими обителями. Кроме того, в этих записях сохранились сведения о структуре, божественном пантеоне и местоположении монастырей школы Цюаньчжэнь и, соответственно, о локальном распространении женского монашества.

Одной из первых даосок, внесшей весомый вклад в развитие этой школы, посвящена стела «Жизнеописание достопочтенной наставницы Пу-ча, Совершенной, постигшей тонкости [Дао-Пути]» (*Тун-вэй чжэнь-жэнь Пу-ча цзунь ши чжуань 通微真人蒲察尊師傳*)⁴. Запись о ее деяниях оставил официальный историограф школы Цюаньчжэнь Ли Дао-цянь 李道謙 (1219–1296). Памятную стелу установил наставник Бао Дао-юань 鮑道元 по прозвищу Совершенный покой (Чжэнь-цзин 真靜) в год под циклическими знаками *гэн-чэнь* (1280 г.). Подвижничество Пу-ча Дао-юань происходило уже после смерти основателя школы Цюаньчжэнь Ван Чун-яна 王重陽 (1113–1170), когда вторым патриархом стал его ближайший ученик Ма Дань-ян 瑪丹陽 (1123–1184)⁵, распространивший учение в провинции Шэньси.

Пу-ча Дао-юань 蒲察道淵 (1152–1204) носила даосское прозвище (*дао хао*) «Наставница, постигшая тонкости [Дао-Пути]» (*Тун-вэй-цзы 通微子*). Она родилась в Шанцзине 上京 (пров. Хэйлунцзян) в 4 г. эры *Тянь-дэ* (1149–1153) и была по происхождению чжурчжэнькой. Ее предки помогали основателям империи Цзинь, вследствие чего ее семья стала одной из влиятельнейших в Яньду (совр. Пекин). С самого рождения у Дао-юань наблюдались выдающиеся способности будущей даосской подвижницы. Еще в младенчестве, когда кормилица давала ей мясную пищу, она начинала плакать и выплевывала ее. С малых лет, увидев статуи даосских божеств, с благоговением взирала на них, почтительно приклонив колени, и долго не хотела уходить. Если видела, что мимо ворот проходил странствующий даос, непременно приглашала его зайти в дом и специально для него просила приготовить постную пищу (см. ДЦЦШЛ, с. 626).

Когда Дао-юань выросла, родители решили выдать ее замуж, но она сбежала в Лоян, сказав, что хочет узнать, как вознестись к чудесным небожителям, а мирские дела претят ее природе. Там она стала вести строгую отшельническую жизнь, поселившись в горах Наньшань 南山. Свое жилище она обустроила в одной из пещер, где подстилка из веток и листьев служила ей вместо кровати. Все свое время девушка посвящала самосовершенствованию, питаясь лишь листьями кипариса и ключевой водой. Несколько месяцев спустя ее увидел дровосек, и местные жители, прослышав о даосской отшельнице, стали приносить ей еду. Как гласит традиция, однажды, погрузившись в самозерцание, она увидела трех небожителей-сяней необыкновенной красоты, которые плавно парили в воздухе, а затем спустились к ней в келью. Небожители сказали, что в одиночку невозможно постичь принципы Дао и наказали ей спуститься с горы и найти учителя. Послушавшись советов сяней, Пу-ча Дао-юань вернулась домой, еще больше утвердившись в желании изучать Дао-Путь (см. ДЦЦШЛ, с. 627).

Однажды она увидела на рынке даоса, продававшего снадобья и обманом зарабатывавшего деньги на простых людях. Какой-то человек в толпе сказал: «Это самозванец! Я слышал, что в Гуаньси [пров. Хэнань. – И. Б.] есть учитель Цю. Вот это настоящий чудесный небожитель!» Услышав его слова, Дао-юань пригласила этого человека в таверну, где угостила вином и подробно расспросила, как найти наставника Цю. Той же ночью ей приснился даос, на котором была накидка из оленьей шкуры и деревянные сандалии. Девушка бросилась вслед за ним, со слезами умоляя взять ее в ученицы. Даос ответил ей, что их встреча состоится после того, как ей исполнится 30 лет, но к этому времени она должна порвать все, что ее связывает с мирской жизнью. Проснувшись, Дао-юань еще больше преисполнилась решимости постичь Дао и постоянно уходила в горы.

Когда родители скончались, дядя увез ее из Яньду в Чаньянь (пров. Шэньси), где снова поднял вопрос о замужестве. Для того чтобы навсегда покончить с мирской жизнью, Пу-ча Дао-юань изуродовала свою внешность. Ее раны сильно воспалились и загноились. Когда девушка была на грани смерти, ей явились во сне те же самые небожители. Они дали ей рецепт чудодейственного снадобья, и уже через 10 дней она поправилась. После этого Дао-юань отправилась к озеру Синцинчи 兴庆池⁶, где повстречала ученицу Цю Чан-чуня⁷ – даосскую монахиню Лэй Цюн 鑄瓊. Дао-юань стала расспрашивать даоску, как ей разыскать Цю Чан-чуня. «Мой учитель сейчас уединился в горах Луншань» [т. е. Лунмэньшань 龍門山. – И. Б.], – ответила Лэй Цюн. Вскоре наставник вернулся.

Когда Дао-юань пришла к нему, чтобы попроситься в ученицы, она увидела, что Цю Чан-чунь был одет в накидку из оленьей шкуры и деревянные сандалии, как тот самый даос, которого она видела во сне. В этот год, пришедшийся на циклические знаки *синь-чоу* эры *Да-дин* (1181 г.), ей как раз исполнилось 30 лет (ДЦЦШЛ, с. 627).

В год под циклическими знаками *бин-у* (1186 г.) Пу-ча Дао-юань вместе с учителем Цю Чан-чунем покинули горы Лунмэньшань и направились в Чжуннаньшань 終南山, где располагалась родовая обитель школы Цюаньчжэнь Патриарший двор (Цзу-тин 祖庭)⁸. Проходя через Цяньян 汧陽 (совр. уезд Цяньянсянь 千陽縣, пров. Шэньси), Цю Чан-чунь восхитился красотой этого места и построил скит «Зал Целостности и совершенства» (Цюаньчжэньтан 全真堂). Он оставил там Дао-юань, а сам продолжил путь в Чжуннаньшань. Пу-ча Дао-юань беззаботно странствовала в окрестностях скита «среди покрытых лесом холмов, где Совершенное было ей приютом, а Бескрайнее – пищей» и обрела Дао-Путь (ДЦЦШЛ, с. 627). Этот скит стал одной из первых обителей школы Цюаньчжэнь, настоятельницей которой стала женщина. Название обители не только перекликается с названием самой школы, но и имеет свою историю. Изначально имя Цюаньчжэнь получил скит, который основатель учения Ван Чун-ян соорудил во владениях своего ученика Ма Дань-яна. Именно там даосский патриарх написал поэму «Зал целостности и совершенства» (*Цюань чжэнь тан* 全真堂)⁹, название которой и было выбрано в качестве наименования обители в Цяньяне под управлением Пу-ча Дао-юань. «Зал целостности и совершенства», согласно строкам поэмы, это образ человеческого тела, преобразованного созерцательными методами «внутренней алхимии».

Эра *Мин-чан* (1190–1196) выдалась непростой для школы Цюаньчжэнь, становящейся все более популярной. В 1190 г. она была запрещена цзиньским императором Чжан-цзуном, который с подозрением относился к новым религиозным движениям. Согласно записи на стеле, в год под циклическими знаками *синь-хай* (1191 г.) Юй Дун-чжэнь 余洞真¹⁰ из Нинхяя и Цю Чан-чунь, скрываясь от цзиньского правительства, «объединились, чтобы стать не-мирскими друзьями» (*цзе вэй фан вай ю* 結為方外友, т. е. соратниками по вере. – И. Б.) и некоторое время проживали вместе с Дао-юань в ските Цюаньчжэньтан¹¹ (см. ДЦЦШЛ, с. 627). Этот фрагмент подтверждает, что на ранних этапах развития этого религиозного движения соблюдался принцип равноправия между ее членами. Согласно заветам основателя Цюаньчжэнь, отраженным в сочинении «Пятнадцать суждений Чун-яна об установлении

учения» (*Чун-ян ли цзяо ши у лунь* 重陽立教十五論), даосы этой школы «должны объединяться вместе как товарищи» на Дао-Пути, «чтобы поддерживать друг друга в беде и болезни». Такая «не-мирская дружба» должна быть свободна как от привязанности, так и от безразличия. В друзья же следовало выбирать людей, обладающих высокими нравственными качествами и стремлением к постижению учения¹². Конечно, соблюдение правил Ван Чун-яна, которое было возможно в начале становления Цюаньчжэнь, стало невозможно с увеличением числа последователей и появлением монастырей, вместе с которыми появилась и духовная иерархия, и новые правила для послушников.

Вскоре слава о ските Целостности и совершенства и его мудрой настоятельнице разнеслась по всему Лунчжоу. В то время там проживало много знатных семей, принадлежавших к северным народностям, которые хорошо знали род Дао-юань и, восхищаясь ее высокими духовными качествами, часто приходили к ней с визитом. Даоска не отказывала ни знатным гостям, ни простолюдинам и охотно рассказывала им о даосском учении. В 6 г. эры *Мин-чан*, под циклическими знаками *и-мао* (1195 г.), цзиньское правительство продолжило запрещать даосские школы. Отшельники и ученые мужи подверглись гонениям, и, спасаясь от преследований, многие из них получили приют в Цюаньчжэньтан (см. ДЦЦШЛ, с. 627). Несмотря на это, усилиями первых патриархов Ван Юй-яна и Лю Чан-шэна влияние школы Цюаньчжэнь среди цзиньского двора возрастало, и спустя некоторое время годы гонений сменились годами милости¹³. Уже в 3 г. эры *Чэн-ань* (1196–1200), под циклическими знаками *у-у* (1198 г.) с позволения императора Чжан-цзун-на школа Цюаньчжэнь получила квоты на строительство пяти монастырей¹⁴ – Одухотворенной пустоты (Линсюйгуань 靈虛觀), Великого мельчайшего (Тайвэйгуань 太微觀), Парящего дракона (Лунсянгуань 龍翔觀), Сонма небожителей (Цзисяньгуань 集仙觀) и Таинственного совершенства (Мяочжэньгуань 妙真觀)¹⁵. Жители уезда также помогли наставнице приобрести квоту на постройку монастыря, и впоследствии на месте скита Цюаньчжэньтан был возведен величественный монастырь Нефритовой чистоты (Юйцингуань 玉清觀). Когда выдались неурожайные года, Дао-юань истратила все свое состояние, чтобы прокормить умирающих от голода крестьян, чем спасла множество жизней (см. ДЦЦШЛ, с. 627). Принцип «деятельного милосердия», под которым наставники Цюаньчжэнь подразумевали помощь бедным и обездоленным войной людям, стал одной из причин, почему эта школа пользовалась огромной популярностью у простого народа. Ван Чун-ян считал

помощь бедным неотъемлемой частью духовного роста adeptов школы Цюаньчжэнь, которая состояла в приготовлении снадобий, использовании талисманов и прошения подаваний для раздачи бедным: «Практика помощи тем, кто замерзает и голодает, состоит лишь из трех дел и только! Высшее – просить милостыню (*ци ми 乞覓*), среднее – применять формулы-амулеты (*син фу 行符*), низшее – приготавливать снадобья (*шэ яо 設藥*). <...> Люди, занимающиеся этими тремя делами, действительно возвращают Совершенство (*сю чжэнь 修真*)»¹⁶.

В год под циклическими знаками *цзя-цзы* (1204 г.) эры *Тай-хэ* (1201–1208) Пу-ча Дао-юань сообщила Юй Дун-чжэню, что собирается покинуть монастырь и отправиться к Цю Чан-чуню, но внезапно, не выказывая малейших признаков болезни, скончалась в возрасте 53 лет. Юй Дун-чжэнь установил в монастыре ее статую и описал ее деяния, однако вскоре северные провинции стали местом военных действий и в эру *Чжэн-да* (1224–1231) усыпальница Дао-юань была разграблена монголами, а монастырь сожжен. В год под циклическими знаками *у-суй* (1238 г.) Юй Дун-чжэнь стал настоятелем монастыря Чуньянгуан **重陽宮** и отправил своих учеников восстанавливать Юйцингуань. После восстановления монастыря прах Дао-юань был перезахоронен с почестями в его северной части, а Юй Дун-чжэнь сам запечатал ее гробницу. Согласно жизнеописанию, на поминальной службе присутствовало огромное количество людей, которые стали свидетелями чудесного события – стая журавлей кружилась над могилой Дао-юань, а затем, исполнив танец, взмыла в небо. В год под циклическими знаками *синь-хай* (1251 г.) патриарх школы Цюаньчжэнь Ли Чжэнь-чан **李真常**¹⁷ по высочайшему повелению императора присвоил Пу-ча Дао-юань посмертное прозвище «Совершенная, постигшая тонкости [Дао-Пути], повсеместно [распространяющая] свою доброту и [заслужившая] всеобщее почтение» (Юань-мин пу-хуэй тун-вэй чжэнь-жэнь **圓明普惠通微真人**) (см. ДЦЦШЛ, с. 627). Все это свидетельствует о высоком месте, занимаемом этой даосской наставницей в школе Цюаньчжэнь.

Жизнь Пу-ча Дао-юань пришлась на начальный этап распространения Цюаньчжэнь, когда еще не только не уделялось внимания постройке монастырей, но и само учение еще не получило достаточной известности. Пу-ча Дао-юань управляла скитом, а в последствии небольшой религиозной общиной, на месте которой потом был возведен монастырь. Однако не указывается, был ли этот монастырь женским, как не говорится и о наличии проживавших в нем послушниц. Тем не менее то, что женщины принимали активное участие

в распространении учения Цюаньчжэнь, основывали новые обители и становились настоятельницами монастырей – это несомненный факт, и уже само по себе очень значимо для религиозной школы в традиционном обществе.

Примечания

- ¹ Общая характеристика учения Цюаньчжэнь представлена в работах Е.А. Торчинова: (*Торчинов Е.А.* Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Лань, 1998. С. 361–384); Яо Тао-чуна (*Yao Tao-chung.* Quanzhen–Complete Perfection // *Daoism Handbook* / Ed. by L. Kohn. Leiden: Brill, 2000. P. 567–593); С. Эскилдсена. (*Eskildsen S.* The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: SUNY press, 2004. P. 1–18); Л. Комяты (*Komjathy L.* Cultivating Perfection: Mysticism and Self-transformation in Early Quanzhen Daoism. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 34–62); П. Марсона (*Marsone P.* Daoism under the Jurchen Jin Dynasty // *Modern Chinese Religion: In 2 vols. Song–Liao–Jin–Yuan (960–1368 AD)* / Ed. by J. Lagerwey, P. Marsone. Leiden; Boston: Brill, 2015. Vol. 2. P. 1111–1159). О причинах популярности и жизнеспособности учения Цюаньчжэнь см. исследование автора этих строк: (*Белая И.В.* Предпосылки распространения учения Совершенной истины в Китае XII–XIII вв // *Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право».* 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 5–12). С избранной библиографией по данному вопросу, а также с некоторыми особенностями истории и современного состояния школы Цюаньчжэнь заинтересованный читатель может познакомиться в работе С.В. Филонова: (*Филонов С.В.* Введение в даологию. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2010).
- ² Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1183), даосское прозвище (*дао хао*) «отшельница Чистоты и покоя» (Цин-цин сань-жэнь 清靜散人) – жена второго патриарха Цюаньчжэнь Ма Дань-яна 馬丹陽. Вслед за своим мужем стала ученицей Ван Чун-яна. Подробно о жизни и духовном пути этой даосской подвижницы можно прочесть в нашей статье (*Белая И.В.* Жизнеописание наставницы Сунь Бу-эр в даосской традиции // *Вопросы культурологи,* 2010. № 1. С. 28–32), а также энциклопедическую справку (*Белая И.В.* «Сунь Бу-эр» // *Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 6 т. Т. 5 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 843–845).*
- ³ В последние годы тема женского подвижничества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань широко обсуждается в работах китайских специалистов, см.: *Чжан Чао-гуй* 张桥贵. Об известных даосских монахинях и Совершенных в даосизме [в эпохи] Цзинь и Юань (*Цзинь Юань даоцзяо чжун дэ нэй чжэнь мин даоши* 金元道教中的女真名道士) / *Даосизм в Китае (Чжунго даоцзяо 中国道教).* 1996. № 2. С. 22, 28–29; *Чжан Фан* 张方. Монахини

- Цюаньчжэнь и элита юаньской династии (*Цюаньчжэнь нюйгуань юй юаньдай шэхуэй 全真女冠与元代社会*) «Изучение религий» (*Цзунцзяосюэ яньцзю 宗教学研究*). 2011. № 1. С. 64–68; Лю Тун 刘通. О причинах приобщения к даосизму монахинь школы Цюаньчжэнь в Цзинь и Юань (*Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзю нюйгуань дэ жу дао юаньинь 金元全真教女冠的入道原因*) / Журнал Лэшаньского педагогического колледжа (*Лэшань шифань сюэюань сюэбао 乐山师范学院学报*). 2013. № 7. С. 93–95; Лю Тун 刘通. Исследование монахинь [исповедующих] учение Цюаньчжэнь в периоды Цзинь и Юань (*Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзю нюйгуань яньцзю 金元全真教女冠研究*). Бохайский университет (*Бохай дасюэ 渤海大学*). 2014. (магистр. дис. 硕士); Пэн Фэнь 彭芬. Исследование даосских монахинь [школы] Цюаньчжэнь в периоды Цзинь и Юань (*Цзинь Юань Цюаньчжэнь дао нюйгуань яньцзю 金元全真道女冠研究*), Юго-западный университет (*Синань дасюэ 西南大学*), ф-т Религиоведения (*Цзунцзяо сюэ 宗教学*). 2015 (магистр. дис. 硕士).
- ⁴ Ли Дао-цянъ 李道谦. «Жизнеописание достопочтенной наставницы Пу-ча, Совершенной, постигшей тонкости [Дао-Пути]» (*Тун-вэй чжэнь-жэнь Пу-ча цзунь ши чжуань 通微真人蒲察尊師傳*) (1280 г.) // Даосские надписи на бронзовых сосудах и каменных стелах (*Дао цзя цзинь ши люэ 道家金石略* (далее в тексте в скобках – ДЦЦШЛ, с указанием страницы)) / Сост. Чэнь Юань 陳垣, Чэнь Чжи-чао 陳智超, Цзэн Цин-ин 曾慶瑛. Вэньу чубаньшэ 文物出版社. 1988. С. 626–627.
- ⁵ Подробно о Ма Дань-яне можно прочесть в нашей статье: *Белая И.В.* «Десять увещеваний» Ма Дань-яна как источник по истории даосской школы Цюаньчжэнь. // Вестник РГГУ. 2012. № 20 (100). Серия «Востоковедение. Африканистика». С. 249–259.
- ⁶ Озеро Синдинчи 兴庆池 располагалось в центре храмового комплекса монастыря Синцингун 兴庆宫, который был построен при танском императоре Сюань-цзуне 玄宗 (правл. 712–755) в г. Чанъань (пров. Шэньси). Скорее всего, Лэй Цюн была одной из монахинь этого монастыря.
- ⁷ Цю Чан-чунь 丘長春 (1148–1227) – пятый патриарх школы Цюаньчжэнь Цю Чу-цзи 丘處機, по второму имени Тун-ми 通密, носил прозвище Чан-чунь-цзы 長春子 (Мудрец Вечной весны). Был родом из уезда Циюнь, окр. Дэнчжоу. Еще в юном возрасте приобщился к даосизму, после чего жил в уединении в горах Куньюйшань 崑崙山 (пров. Шаньдун). В 7 г. эры *Да-дин* (1167 г.) встретил Ван Чун-яна и стал его учеником, поселившись в основанном Ван-Чун-яном ските Цюаньчжэньнань 全真庵 в г. Нинхай. После окончания траура у могилы наставника в Люцзяне шесть лет вел отшельническую жизнь в ущелье Паньси 磻溪. Затем он продолжил совершенствоваться в горах Лунмэньшань 龍門山 (окр. Лунчжоу 隴州). Цю снискал славу не только у правителей Китая, но и проповедовал учение Цюаньчжэнь Чингисхану, за что тот назначил его управляющим над всеми буддийскими и даосскими общинами в Китае и освободил от налогов и податей. В конце жизни Цю Чан-чунь обосновался в Пекине в мо-

- настыре Тяньчангуань 天長觀 (совр. монастырь Белого облака – Байюньгуань 白雲觀) // Китайский Даосский канон (*Чжун хуа Дао цзан 中华道藏* (далее – ЧХДЦ)): В 48 т. Пекин: Хуася чубаньшэ. 北京: 华夏出版社. 2004. Т. 47. С. 46–49; 64–66. Его авторству принадлежит «Собрание поэтических произведений из Паньси» (*Паньси цзи 磻溪集*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 592–630]. Ему так же приписывают трактат по «внутренней алхимии» «Прямые указания о великой киновари» (*Да дань чжи чжи 大丹直指*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 631–644], пер. П. Беламиде: (*Belamide P. Self-cultivation and Quanzhen Daoism, with Special Reference to the Legacy of Qiu Chuji. Ph.D. dissertation, University of Toronto, 2002*). В официальных жизнеописаниях праведников Цюаньчжэнь Цю Чан-чунь изображается не в оленьей шкуре, а в соломенном плаще.
- ⁸ «Патриарший двор» (Цзу-тин 祖庭), так же называемый Хуэйсяньчжуан 會仙莊 – первая обитель школы Цюаньчжэнь, установленная в 1172 г. вторым патриархом Ма Дань-яном в Люцзяне (пров. Шэньси) на месте сожженной хижины Ван Чун-яна, где тот с 1163 по 1167 г. совершенствовался на Дао-Пути. В 1197 г. на ее месте был возведен монастырь Одухотворенной пустоты (Линсюйгуань 靈虛觀). В 1238 г. монастырь был переименован в честь основателя школы в дворец Чун-яна (Чунъянгун 重陽宮), а в 1244 г. получил название дворец Долголетия [совершенного] Двойного ян (Чун-ян ваньшоугун 重陽萬壽宮), под которым известен по сей день. Во время описываемых событий Патриарший двор представлял собой обычную тростниковую хижину, в которой было несколько комнат, см.: Чун-ян ваньшоугун 重陽万寿宮 // Даосизм в Китае (*Чжунго дао цзяо 中國道教*) / Гл. ред. Цин Си-тай 卿希泰. Т. 4, раздел IX «Обители небожителей, дворцы и даосские монастыри» (*Сянь цзин гуи гуань 仙境宮觀*). Изд-во Е-шу шикун Е 书时空. [Б. г.] 1 CD-ROM.
- ⁹ См.: «Собрание поэтических произведений [основателя учения] Целостности и совершенства [Ван] Чун-яна» (*Чун-ян цюаньчжэнь цзи 重陽全真集*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 281].
- ¹⁰ Юй Дун-чжэнь 余洞真 – ученик Ма Дань-яна Юй Шан-цин 余善慶 (1166–1250), носивший даосское прозвище «Вмещающий Совершенное» (Дун-чжэнь 洞真), впоследствии – настоятель монастыря Чунъянгун 重陽宮 пров. Шэньси. См.: «Внутреннее жизнеописание небожителей и совершенных Патриаршего двора в горах Чжуннаньшань» (*Чжуннаньшань цзу тин сянь чжэнь нэй чжуань 終南山祖庭仙真內傳*) [ЧХДЦ. Т. 47. С. 99–102].
- ¹¹ Скорее всего, Цю Чан-чунь недолго пробыл в Цюаньчжэньтан, так как в том же 1191 г., несмотря на запрет даосам самовольно посвящать в монахи и устанавливать монастыри, он открыл монастырь Великой пустоты (Тайсюйгуань 太虛觀) в Цися 棲霞 (пров. Шаньдун), где в 1192 и 1194 гг. провел два торжественных ритуала. См.: *Marson P. Op. cit. P. 1125.*
- ¹² См.: «Пятнадцать суждений Чун-яна об установлении учения» (*Чун-ян ли цзяо ши у лунь 重陽立教十五論*) [ЧХДЦ. Т. 26. С. 271].

- ¹³ На раннем этапе своего институционального оформления школа Цюаньчжэнь дважды запрещалась цзиньскими властями – в 1181 г. императором Ши-цзуном (правл. 1161–1189) и в 1190 г. Чжан-цзуном (правл. 1190–1208). Подробно о причинах этих событий и деятельности первых патриархов Цюаньчжэнь при цзиньском дворе можно прочесть в нашей статье (*Белая И.В.* «Десять увещаний» Ма Дань-яна).
- ¹⁴ Такие предпочтения, оказанные школе Цюаньчжэнь, были связаны не только с успешной деятельностью ее первых наставников при дворе, но и с весьма меркантильными причинами. Участвовавшие набеги монголов вынудили остро нуждавшегося в средствах для защиты северных рубежей Чжан-цзуна возобновить продажу даосам разрешений на строительство монастырей. См.: *Marsone P.* Op. cit. P. 1126.
- ¹⁵ См.: «Погодовые хроники Семи совершенных» (*Ци чжэнь нянь пу 七真年譜*) [ЧХДЦ, Т. 47. С. 74].
- ¹⁶ Чун-ян цюаньчжэнь цзи. Указ. соч. [ЧХДЦ, Т. 26. С. 277], ср.: *Marsone P.* Op. cit. P. 1137–1138.
- ¹⁷ Ли Чжэнь-чан **李真常** – седьмой патриарх школы Цюаньчжэнь Ли Чжи-чан **李志常** (1193–1256), носивший даосское прозвище «Совершенное постоянство» (Чжэнь-чан **真常**). Один из учеников Цю Чан-чуня и автор «Записей о путешествии на Запад совершенного Чан-чуня» (*Чан-чунь чжэнь-жэнь си ю цзи 長春真人西遊記*) (1228 г.) [ЧХДЦ, Т. 47. С. 1–4]; перевод см.: Описание путешествия даосского монаха Чан-чуня на запад (Си-ю-цзи, или Описание путешествия на Запад) / Пер. Палладия [П.И. Кафарова] // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине: В 4 т. Т. 4. СПб., 1866. С. 269–434. В этом источнике описывается визит Цю Чан-чуня в ставку Чингисхана в горах Гиндукуш. С жизнеописанием Ли Чжэнь-чана можно ознакомиться по: «Внутреннее жизнеописание небожителей и совершенных Патриаршего двора в горах Чжуннаньшань» (*Чжуннаньшань цзу тин сянь чжэнь пэй чжуань 終南山祖庭仙真內傳*) [ЧХДЦ, Т. 47. С. 97–99].

Социология: теоретические и эмпирические исследования

М.М. Галкина

Перспективы сельской интеллигенции: село или город?

В настоящей статье на основе данных Всероссийского исследования «Сельская жизнь», проведенного в августе 2015 г., проводится анализ основных причин, побуждающих представителей сельской интеллигенции задуматься о переезде в город, а также выявляются факторы, обеспечивающие их привязанность к сельской местности.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, отсутствие работы, низкие заработки, привязанность к дому, семье.

В современных условиях, когда остро стоит проблема опустения сельской местности, когда все большее число сельских жителей под давлением внешних условий или по собственному желанию принимают решение покинуть село, сельская интеллигенция могла бы сыграть значительную роль для сохранения сельских поселений, консолидации сельского населения. Данная группа, включающая, в частности, учителей, врачей, работников культуры, традиционно воспринималась как оплот просветительства в сельской жизни, как люди, располагающие особым доверием и авторитетом, к кому можно обратиться за поддержкой, за помощью и советом. Особый интерес в данной ситуации представляет изучение перспектив сельской интеллигенции в отношении переезда из сельской местности в город. Хотят ли они покинуть село или, наоборот, привязаны к жизни в селе, какие причины обуславливают их желание переехать, а какие удерживают их дома?

© Галкина М.М., 2017

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02016.

На основе данных, полученных в ходе Всероссийского исследования «Сельская жизнь», проведенного в августе 2015 г. во всех 9 федеральных округах, в 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охватившего по всероссийской выборке 1000 человек, был проведен анализ причин, побуждающих сельскую интеллигенцию планировать переезд в город или, наоборот, удерживающих их в сельской местности. В качестве представителей сельской интеллигенции рассматривались работники социальной сферы (медицина, образование, культура), выборка составила 120 человек.

Прежде всего можно было бы предположить, что стремление переехать жить в город, условия жизни и работы в котором более благоприятны, широко распространены среди представителей интеллектуального труда в сельской местности. Подтверждением данного предположения может выступать и тот факт, что чуть больше трети представителей сельской интеллигенции выражают желание, чтобы их дети и внуки, когда вырастут, жили в городе (35,8%), об обратном говорит только 15%. Примерно половина оставляют решение этого вопроса на усмотрение самих детей (49,2%)¹.

Однако стремление переехать жить в город на постоянной основе характерно только для каждого четвертого представителя сельской интеллигенции и обусловлено негативными внешними условиями. При этом более половины отмечают, что не хотели бы переезжать (57,5%).

В целом причины, которые побуждают сельских жителей переехать в город, можно условно разделить на три группы:

1-я группа: проблемы, связанные со сферой труда (отсутствие работы по специальности, нет работы вообще, низкие заработки, работа на селе тяжелая, неинтересная);

2-я группа: проблемы, связанные с инфраструктурой и благоустройством (плохие дороги, нет газификации, отсутствует жилье, нет организаций бытового обслуживания и торговых точек, проблемы с медицинской помощью, отсутствуют развлекательные учреждения, нет школ, детских садов);

3-я группа: проблемы личного характера (нет возможностей для организации бизнеса, нет условий для получения профессии, нет возможности устроить свою личную жизнь).

Среди причин, побуждающих представителей сельской интеллигенции покинуть село или деревню, лидируют проблемы, относящиеся к трудовой сфере.

Сельская гуманитарная интеллигенция оказывается в еще более проигрышном положении, чем городские жители, занятые

в социальной сфере. Помимо традиционных проблем, характерных для работников социальной сферы, таких как уровень и справедливость оплаты труда, перед ними остро встает вопрос отсутствия работы по специальности. Возможности трудоустройства в сельской местности ограничены, и в результате такие причины, как «на селе (в деревне) нет работы по специальности», «на селе нет никакой работы», приводят к планированию переезда в город.

Низкие заработки и недостаточный уровень материального благополучия – остроактуальная проблема для села в целом и для сельской гуманитарной интеллигенции в частности и одна из ключевых причин, по которым сельские жители планируют смену места жительства. По полученным данным, среднемесячный доход на одного члена семьи в рядах сельской интеллигенции составляет 13 532,3 рублей. При этом основу структуры доходов интеллигенции, проживающей на селе, составляет именно заработная плата (87,8%). Практически половина дополнительно обеспечивают себя продуктами питания за счет собственного хозяйства (52,9%), 14,2% занимаются подработкой и совместительством. По субъективным оценкам собственного материального положения в анализируемой группе можно судить о том, что уровень благосостояния сельской интеллигенции немного выше, чем у остальных групп сельчан, однако в целом находится на достаточно низком уровне. 44,3% отмечают, что основные расходы приходится на товары первой необходимости, а в остальном же приходится экономить, 11,4% говорят о том, что «еле сводят концы с концами».

Анализ причин переезда в город, связанных с благоустройством и инфраструктурой села, показывает, что первостепенное значение отводится проблемам медицинского обслуживания, отсутствия возможностей для организации досуга, жилищным вопросам и вопросам благоустройства дорог.

Восполнение существующих недостатков в инфраструктуре сельской местности происходит у сельчан за счет посещения города. Цели поездок в город достаточно разнообразны. Это, прежде всего, решение практических задач, например, покупки, посещение медицинских учреждений. Проведение досуга – посещение друзей и родных, походы в театр, на концерты, в кино – также широко распространенная причина посещения города, что свидетельствует о том, что вопросы культурного развития достаточно важны для представителей анализируемой группы (см. рис. 1).

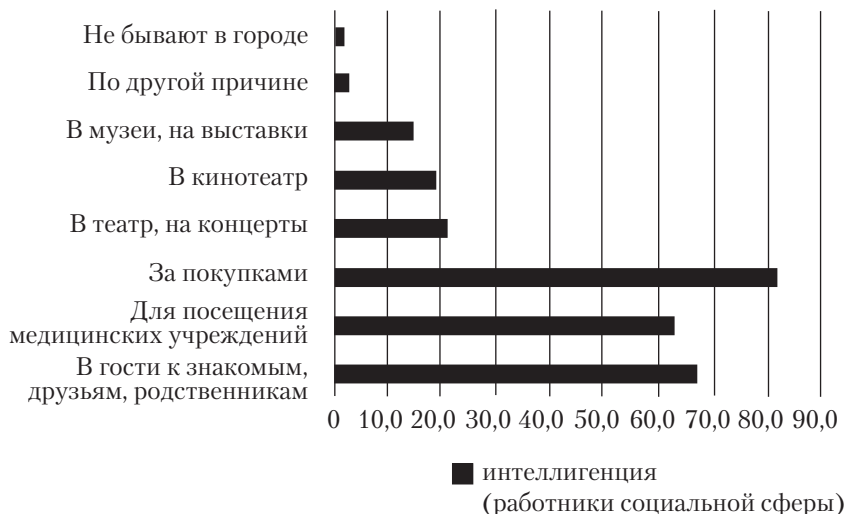

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Если Вы ездите в город, то с какой целью?»
(в % от числа ответивших, сумма ответов больше 100%,
так как респонденты имели возможность выбора
нескольких вариантов ответа)

Источник: Всероссийское исследование «Сельская жизнь»

Не получают широкого распространения в рядах сельской интеллигенции мотивы переезда, связанные с проблемами личного характера. Такие случаи единичны.

Анализ причин, объясняющих желание интеллигенции остаться в сельской местности, показывает, напротив, что они носят, как правило, личный характер и связаны с личными ценностями и предпочтениями, желаниями и переживаниями представителей данной группы.

Основная причина, которая делает переезд в город маловероятным и которая удерживает сельскую интеллигенцию на месте – это привязанность к дому, привязанность к семье и родным (см. рис. 2). Семья и родные (92,2%), друзья (92,9%) составляют наиболее доверительный круг общения сельской интеллигенции и являются наиболее важной составляющей их жизненного мира. По всей вероятности, именно привязанность к дому, благоприятная среда общения, поддержка со стороны ближнего окружения, позволяют преодолевать существующие трудности в жизненном

мире сельской интеллигенции, выступая своеобразной компенсацией и поддерживая их желание остаться на селе и не планировать переезд в город.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы не планируете переехать в город или переезд маловероятен, то почему?» (в % от числа ответивших, сумма ответов больше 100%, так как респонденты имели возможность выбора нескольких вариантов ответа)

Источник: Всероссийское исследование «Сельская жизнь»

Значительное влияние в качестве удерживающего интеллигенцию в сельской местности фактора оказывает и тот факт, что им нравится жить на природе и работать на земле (см. рис. 2). Причина этого заключается в том, что среди сельской интеллигенции, занятой по основному месту работы интеллектуальным трудом, ведение подсобного хозяйства осуществляется в основном по «дачному» образцу, в полной мере в сельскохозяйственную деятельность они не включены и воспринимают жизнь на селе именно через призму возможности жить на природе, разводить для себя и собственных нужд небольшой огород и небольшое хозяйство, приобретая

дополнительные возможности для собственного обеспечения. Дополнительным подтверждением данного тезиса служит тот факт, что половина опрошенных в рассматриваемой группе отмечают, что их семья не могла бы прожить за счет собственного хозяйства (50,8%). В полной мере положиться на этот источник доходов могли бы только 10% в среде сельской гуманитарной интеллигенции, что свидетельствует о том, что ведение личного хозяйства не воспринимается данной группой как основной вид деятельности и как основной или даже значительный источник дохода.

Серьезную обеспокоенность представители сельской интеллигенции выражают также в отношении неопределенности относительно того, смогли бы они найти хорошую работу в городе, к тому же сам переезд кажется им материально трудноосуществимым.

При этом следует отметить, что достаточно малая доля представителей анализируемой группы отмечает, что не готовы покинуть село в связи с обеспокоенностью тем, кто останется в нем, кроме них (7,1%). Это может свидетельствовать о том, что сельская интеллигенция не идентифицирует себя как костяк, который может обеспечить сохранение сельского населения. В связи с наличием объективных трудностей в инфраструктуре сельской местности, вопросах благоустройства, трудовой сфере, на первый план выходят проблемы бытового характера и личного материального благосостояния. Вопросы служения народу, выполнения некоей специфической миссии отодвигаются на второй план и не оказывают серьезной мотивации даже в ситуации с планированием переезда в город, когда наибольший вес играет все-таки привязанность к семье и родным. Возвращаясь к причинам, побуждающим сельскую интеллигенцию планировать переезд в город, следует отметить, что 40% указывают на отсутствие возможности работать по специальности, что также выступает препятствием для профессиональной идентификации, принятия ценностей и моделей поведения, принятой в конкретной социально-профессиональной группе, профессионального развития, совершенствования профессиональных и личностных качеств, соответствующих определенному роду занятости. Избрав для себя профессию, призвание, люди оказываются в условиях невозможности работать в данном направлении, а в подобной ситуации говорить о некоей специфической миссии сельской интеллигенции, их потенциале в поддержании жизни в сельской местности невозможно.

Таким образом, можно подвести следующие итоги. На сегодняшний день не существует возможности массового оттока

сельской интеллигенции в город. В большинстве своем представители данной общности не планирует переезда. В случае, если подобное желание возникает, оно продиктовано объективными трудностями, существующими в жизненном мире интеллигенции, проживающей в сельской местности. Низкий уровень благосостояния, ограниченность возможностей трудоустройства и профессионального развития в рамках выбранной специальности, недостаточное развитие инфраструктуры ожидаемо повышают мотивацию поиска лучших условий жизни. Но семья и ближайшее окружение, любовь к дому, к работе на земле также имеют значительное влияние в жизненном мире сельской интеллигенции и выступают ключевыми факторами, обеспечивающими их привязанность к сельской жизни и нежелание покидать село. При этом невозможно говорить и о том, что сельская интеллигенция действительно видит в себе особый потенциал для сплочения сельского населения, выполнения некоего специфического предназначения интеллигенции в жизни сельского поселения – таких настроений в сколько-нибудь массовом масштабе не выявлено.

Примечание

- ¹ Всероссийское исследование «Сельская жизнь». Опрос, проведенный в августе 2015 года во всех 9 федеральных округах и 22 областях, краях и республиках и в 71 селе, охвативший по всероссийской выборке 1000 человек. Представители гуманитарной интеллигенции среди опрошенных составили 120 человек. Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010 гг.)», проект № 14-18-02016.

Е.А. Кранзеева

Политическое сознание женщин: предвестники кризисного состояния в позднесоветский период

Статья посвящена анализу политического сознания женщин в период перестройки. Автор отмечает, что для этого периода времени был характерен кризис политического сознания, к признакам которого относят: усиление синкретичности сознания, изменение принципа взаимосвязи сознания с реальной жизнью, искажение социального и политического пространства и пр. Рассматривается политизация общественного сознания женщин через вовлечение в общественно-политические процессы. Приведены данные социологических исследований позднесоветского периода.

Ключевые слова: общественное сознание, политическое сознание, женщины, политика, перестройка, кризис общественного сознания, признаки кризиса общественного сознания.

Разнообразие политического сознания складывается в зависимости от прошлого опыта людей, воздействия условий существования в данном обществе. Через опосредованные звенья на политическое сознание влияют геополитические изменения в мире. Нельзя отрицать воздействия социокультурных регуляторов.

Определяющим, формообразующим становится характер непосредственной политической деятельности, взаимодействия субъектов в сфере политики. В доперестроечный период политическое сознание не было ни фрагментарным, разорванным социокультурно, ни монолитным, как в привычном тоталитарном сознании добрежневских времен. Ж.Т. Тощенко отмечает, что «если политические притязания людей, классов, социальных групп, направляемых политическими партиями, учитывают объективный

ход исторического процесса, то политические отношения данной общественно-политической системы развиваются без социальных потрясений и катастроф»¹.

Власть и властные отношения действительно становятся объектом размежевания социальных сил и мерой маргинализации сознания людей в прорывные моменты развития общества. Непосредственное обращение к общеевропейским ценностям М. Горбачева, ставшее идеологической приманкой в перестроечный период, набирало обороты в сознании общества в середине 1980-х гг. Оно было привлекательно: а) приобщением к цивилизации европейского типа; б) обещало европейскую открытость для российского общества; в) изменяло характер социальной мобильности для более или менее уважаемых слоев населения; г) «политический человек во всех его ипостасях»² становился менее завистливым и агрессивным по отношению к благополучным потребительским стандартам жизни; д) способствовало самоочищению общества.

Перестройка вдохновила и вовлекла в практическую политику такие огромные массы людей, что был получен обратный эффект: вместо солидарной преобразующей активности создалась почва для будущего кризиса 1990-х гг. Разрушение нормативно-ценностных устоев общества привело к разрыву социальных связей и отношений, слишком резко изменило сознание общества. На первый план выдвинулись аномические состояния людей и проблема выживания. Кризис в сознании проявлялся: в резком изменении идейных мировоззренческих позиций; в противоречивых объяснениях социальной и политической реальности; в утрате привычных форм и способов решения социально-значимых проблем; в поведенческой амбивалентности; в изменении характера и направленности политического участия; в отходе от принципов терпимости (толерантности) во взаимодействии³.

К числу признаков кризисного политического сознания, сформировавшегося на почве перестройки 1980-х гг., когда внешние вмешательства и внутренняя политическая активность сторонников радикальных изменений подтачивали советский монолит общества, мы относим следующие.

1. Усиление синкретичности сознания. В кризисном сознании появляются фрагментарные, разорванные формы оценки социальной и политической реальности, где сосуществуют суеверия и заблуждения, господствуют предубеждения и политическая стигматизация, ценностные смысловые факторы доминируют над когнитивными, вытесняют научно обоснованные цели и формы интерпретации политической жизни.

2. *Изменение принципов взаимосвязи сознания с реальной жизнью.* Политический реализм становится наивным реализмом, для утверждения которого достаточно здравого смысла и опыта, элементарного политического участия, практическое отношение к политике оказывается доминирующим.

3. *Практика перестает быть надежным верификатором истины.* Обыденное сознание сужает пространство научности, в котором торжествует истина, новизна, корректное отношение к чужим наработкам; ложное сознание, заблуждения не требуют проверки практикой.

4. *Искажение политического и социального пространства.* Политическое сообщество становится резидентным, размещенным на общей территории в соответствии с установленным ранее порядком, но в силу нарушения порядка субъекту трудно сориентироваться в реальном местонахождении дифференцированного сообщества и в исполнении ролей в соответствии со статусно-иерархическими различиями в этом сообществе.

5. *Искажение политических коммуникаций.* Субъект взаимодействия не теряет способность представить в сознании величину, масштабы политических коммуникаций, но под воздействием «расколотой» культуры общества он не может точно определить возможные реакции на свои действия и предугадать ходы противников, значимых других из привычного окружения. Происходит сращение политической жизни, политической коммуникации и интерпретации.

6. *Последствия для наблюдателя (исследователей).* Созерцание реальной политической жизни подчиняется отграничениям, устанавливаемым в зависимости от местопребывания наблюдателя (социолога, исследователя) в пространстве: в расчет берутся те значения, которые придают пространству взаимодействующие субъекты, имеющие позиционные различия в пространственных локализациях⁴.

Что касается политического сознания женщин, то их активный самостоятельный выход на политическую арену в конце 1980 – начале 1990-х гг. не был внезапным, неожиданным. С одной стороны, он был продиктован необходимостью избежать крутых поворотов экономических и политических реформ, консервацией традиционных норм и ценностей, стремлением встроить в реальную практику социально окрашенные интересы слабо защищенных групп населения. С другой – женщинам необходимо было определять долю своего личного участия в реализации установок, позиционных интересов во взаимодействиях с организационными структурами

власти и другими участниками публичной политики. Адаптация сознания женщин к политическим реалиям, расстановке сил в сфере политического проявлялась в заинтересованности в политике, восприимчивости к идеям, настроениям, новым взглядам на привычный политический уклад жизни и т. д.

Позднесоветский период характеризуется как годы консервации политического управления. Косность командно-административной системы поддерживалась идейно-теоретической подпиткой абсолютизации социалистических форм организации общества. Разработчики и носители официальной идеологии содействовали ее распространению, занимая высокие позиции в государственном управлении разных уровней. Общественно-политические идеи и реальная социальная практика, призванная их подпитывать, существовали в отрыве друг от друга. Политическая система была оформлена Конституцией СССР 1977 г. В статье 6 закреплялась руководящая роль КПСС в обществе, что означало ее фактическую монополию на власть. Партия становилась идентичной государственной власти. Объявлялось о непрерывном возрастании руководящей роли партии как закономерности развития советской системы. Конституция провозгласила принципы «подлинно социалистической демократии», основанные на активном участии в управлении широких масс трудящихся, в том числе женщин.

Ряд исследователей придерживаются мнения о том, что существовавшая с 1919 г. квотная система, т. е. негласная партийная разрядка для женского представительства во власти, давала возможность женщинам активно участвовать в советской государственной политике. Так, численность женщин – депутатов Верховного Совета СССР в 1984 г. составляла 33%, Верховных Советов союзных республик – 36%, автономных – 40%, представительство женщин в краевых, областных, окружных, городских, поселковых, сельских Советах народных депутатов – 50%⁵. Однако анализ фактического участия женщин в деятельности Верховного Совета СССР показывает, что «бюрократические разрядки относительно выдвижения женщин служили лишь ширмой для решения других вопросов – обеспечения рабоче-крестьянского характера высшего органа власти и сменяемости депутатов»⁶.

Политизация общественного сознания проявлялась в вовлечении в общественные процессы, в зависимости личной судьбы от происходящего в стране и мире. Особенно остро это ощущалось женщинами, сознание которых политизировалось в первую

очередь за счет изменения настроений, мнений, приоритетов. По данным исследования «Образ жизни советских людей»⁷ (1981 г., n = 10150), 58,3% женщин считали важным и очень важным (19,4%) для достижения успеха, благополучия в жизни активное участие в общественной жизни. Преобладающими формами участия женщин в общественной жизни являлись: участие в субботниках, воскресниках («практически всегда» – 56,9%, «довольно часто» – 12,6%), посещение собраний и митингов по месту учебы, работы (43,6% и 16,8%). Заметим, что 49,1% женщин и 32,9% мужчин ответили, что никогда не выступают на митингах и собраниях.

Женщины признавали значимость общественной активности, но лично для себя не видели эту значимость стимулирующим средством вовлеченности в непосредственную общественную жизнь. Анализ их участия в общественной работе (табл. 1) показывает, что при всем многообразии имевшихся видов общественной работы фактическая вовлеченность была низкая. Для женщин преобладающими были выборная работа в партийной, профсоюзной, комсомольской организациях (17,5%) и отдельные временные поручения (34,6%).

Нужно отметить, что в отдельных республиках, областях, городах, на селе действовали женсоветы. Их формирование не было обязательным, они создавались там, где женщины были наиболее активны (особенно активны были женсоветы, объединяющие жен военнослужащих). Именно обновленные в годы перестройки женсоветы станут формой политической мобилизации женщин⁸. Женщины на вопрос об участии в подготовке и обсуждении решений отметили наименьшую степень участия в административных решениях. Сам стиль управления был дисциплинарным при администрировании в хозяйственных структурах или в органах власти. Женщины реже, чем мужчины, участвовали в обсуждении или подготовке решений. Для них эта возможность чаще реализовывалась в работе партийных, профсоюзных, комсомольских организаций (рис. 1).

Распределение ответов женщин на вопрос
«Какой общественной работой Вы занимались ранее
и какую ведете в настоящее время?»
(в % от опрошенных)

Виды общественной работы	Варианты ответов				
	Никогда не занимались (не избирались)	Раньше занимались, сейчас нет	Занимаются только в настоящее время	Занимались раньше и занимаются сейчас	Нет ответа
Выборная работа в партийной, профсоюзной, комсомольской организациях	49,3	31,1	3,7	13,8	2,1
Работа в комиссии при партийном, профсоюзном или комсомольском оргane	63,6	21,6	3,9	9,1	1,8
Работа в качестве депутата Совета народных депутатов	89,2	6,5	1,0	2,3	1,6
Работа лектором, пропагандистом, политинформатором, агитатором	71,8	15,5	2,8	8,6	1,3

Работа в многоэтажной, стенной печати	78,9	12,8	1,5	4,7	2,1
Работа в совете бригады, участка и пр.	81,0	8,0	3,1	4,4	3,5
Работа в совете новаторов, НТО, бюро экономического анализа и т. п.	88,8	3,4	1,5	3,1	3,2
Работа в товарищеском суде, ДНД	80,9	10,4	2,5	4,2	2,1
Работа в народном контроле	82,2	9,9	3,1	3,2	1,7
Другая постоянная общественная работа	71,2	11,5	4,1	8,0	5,3
Отдельные временные поручения	40,0	23,7	7,3	27,3	1,7

Источник: Социологическое исследование «Образ жизни советских людей», 1981 г., n = 5693 женщины.

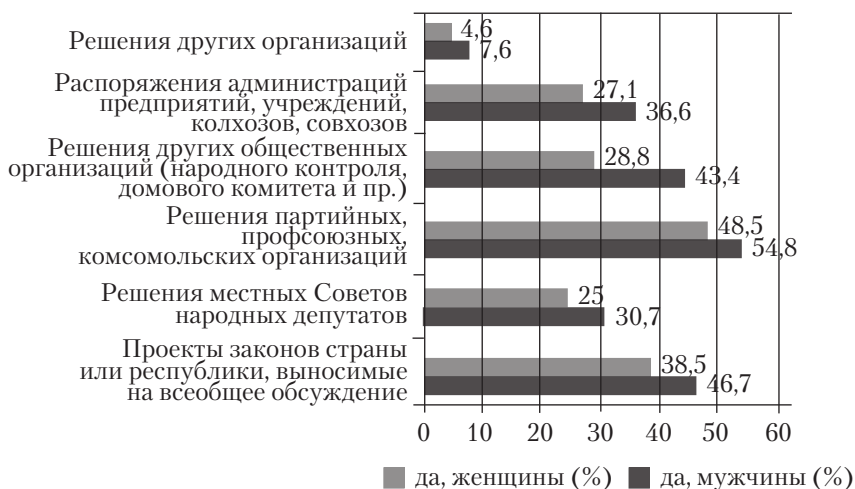

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Участвовали ли Вы за последние 2–3 года в обсуждении или подготовке (в письменной или устной форме – на собраниях, заседаниях и т. п.) решений» (n = 10150 чел.)

Источник: Социологическое исследование «Образ жизни советских людей», 1981 г.

Ограниченные притязания женщин на активное участие в публичной деятельности (выступления на собраниях, активная общественная работа и пр.) представляли собой рудимент исторического доминирования мужчин в политике, с одной стороны, а с другой – были вызваны бытовой и профессиональной нагрузкой женщин. Наличие коммуникационных каналов освещения политических событий и фактов жизни, политических процессов создавали условия, стимулирующие информированность женщин о состоянии сферы политики, характере социальных взаимодействий в пространстве политики. Такое поступательное наращивание в сознании женщин интереса к политике является переходом к осознанию необходимости участия и соучастия в политической деятельности.

Предперестроечное политическое участие женщин предваряет появление маргинального и протестного сознания. Это сознание обобщенно можно назвать предкризисным, когда наращиваются будущие признаки кризисного сознания. Следом за политической

практикой и под очевидным воздействием экономического фактора изменилась социальная практика. В итоге сознание частично деградировало, частично трансформировалось, но социокультурные регуляторы удержали в глубинном слое это сознание как соборное, настроенное на цивилизационную миссию. Однако в последующие «лихие 90-е годы» социальная практика была подвергнута еще более серьезному испытанию, так что в политическом сознании появились фрагментарность, мифологичность, парадоксальность и пр.

Примечания

- 1 *Тоценко Ж.Т.* Основы политической социологии. М.; Н. Новгород, 1998.
- 2 *Тоценко Ж.Т.* Социология власти: генезис идей // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 12–23.
- 3 *Бойков В.Э. и др.* Общественное сознание и перестройка. М.: Политиздат, 1990; Социология перестройки / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: Наука, 1990.
- 4 Политическое сознание и поведение: эволюционизм и мобилизация / Отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016.
- 5 Сборник статистических материалов (в помощь агитатору и пропагандисту). 1985. М.: Финансы и статистика, 1986.
- 6 *Новикова Э.С.* Женщины в политической жизни России // Преображение (Русский феминистский журнал). 1994. № 2. С. 13–18.
- 7 Социологическое исследование «Образ жизни советских людей» (рук. Левыкин И.Т., Дридзе Т.М. и др.), проводилось Институтом социологических исследований Академии наук СССР в 1981 г. (n = 10150) [Электронный ресурс] // Банк социологических данных Института социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/Databank.html> (дата обращения: 01.12.2015).
- 8 Организационный механизм гендерной политической мобилизации через институты власти // Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / Отв. ред. проф. Л.Л. Шпак. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2015. С. 304–324.

Д.Г. Цыбикова

Участие собственников в решении вопросов капитального ремонта многоквартирных домов

Статья посвящена анализу вовлеченности москвичей в решение вопросов капитального ремонта жилья. На основе результатов ряда исследований оценивается уровень информированности жителей о принципах капитального ремонта, личного участия, анализируются мнения жителей о размерах обязательных взносов и установленных законом способах накопления средств на капитальный ремонт.

Ключевые слова: гражданское участие, капитальный ремонт многоквартирных домов, коллективные действия.

Окончательный переход обязательств финансирования капитального ремонта многоквартирных домов (далее – МКД) к собственникам жилья в 2014–2015 гг. актуализировал вопрос участия жителей в управлении общедомовым имуществом. Реформа жилищно-коммунального хозяйства в России, начавшаяся в 1990-е гг., изначально строилась с учетом постепенного формирования ответственного собственника, заинтересованного в эффективном использовании личного и общего имущества МКД как источника настоящих или будущих доходов, принимающего необходимость расходов по его содержанию. Обязательной характеристикой такого собственника является «способность к организации своих интересов и действий с другими собственниками МКД, позволяющая создать эффективную систему управления домом как единым имущественным объектом»¹. Ожидалось, что постепенное реформирование системы управления МКД приведет к «плавной» передаче ответственности за состояние МКД и их капитальный ремонт от государства к собственникам. Многие

аспекты успешного функционирования МКД уже сегодня требуют от собственников согласованных действий: инициативы, принятия и осуществления коллективных решений в отношении общего имущества, например, выбора управляющей компании, контроля качества работы эксплуатирующих организаций, выработки правил пользования общим имуществом и пр. К их числу теперь относятся и вопросы капитального ремонта.

Изучая гражданское участие, социологи отмечают высокий уровень жилищной самоорганизации. По данным исследования НИУ ВШЭ, в субботниках, мероприятиях по благоустройству приходилось участвовать 26% россиян, участвовать в собраниях жителей – 19%, что значительно выше других форм общественно-политической активности, за исключением участия в выборах (34%)². Похожие данные можно найти у ФОМ³. Однако при более детальном рассмотрении исследователи отмечают недостаточный уровень вовлечения жителей в вопросы управления общедомовым имуществом и ориентацию на уклонение от участия в коллективных действиях⁴. Расхождения в оценках специалистов связаны с различиями в измерении уровня активности: в первом случае речь идет о разовых формах участия, порой наименее трудозатратных; во втором случае учитываются информированность в вопросах управления МКД, различные формы участия в управлении (разовые и регулярные), уровень личной инициативы и др. В целом готовность собственников жилья к принятию ответственности за состояние МКД и их капитальный ремонт оценивается специалистами как низкая.

Правовые основы действующей системы капитального ремонта установлены Гражданским и Жилищным кодексами РФ. В ее основу положена обязанность собственников помещений в МКД формировать фонды капитального ремонта путем уплаты обязательных ежемесячных взносов. Собственники помещений должны выбрать на общем собрании один из двух способов формирования фондов: на специальном счете или счете регионального оператора. Средства, накапливаемые на специальном счете, могут расходоваться на капремонт только того дома, собственники которого выбрали данный способ. В этом случае собственники несут ответственность за проведение капитального ремонта, самостоятельно выбирают исполнителя работ, заключают с ним договор, осуществляют контроль за ходом выполняемых работ и их приемку. Распоряжение накопленными на специальном счете средствами осуществляет его владелец (им могут быть жилищные объединения, управляющие компании, региональный оператор капремонта) по согласованию

с собственниками. При выборе накопления на счету регионального оператора средства, накапливаемые на капремонт собственниками одного дома, могут использоваться на ремонт другого («общий котел»), а распоряжение накопленными средствами осуществляет региональный оператор. Если указанное собрание не состоялось или собственники не приняли решения, то орган местного самоуправления принимает решение о формировании фонда на счете регионального оператора. Минимальный размер взносов на капитальный ремонт устанавливается региональными властями. Собственники могут принять решение об установлении взносов сверх утвержденного минимального размера.

Целью настоящей работы является характеристика вовлеченности москвичей в принятие решений по вопросам капитального ремонта жилья.

Эмпирической основой статьи выступает телефонный опрос москвичей, проведенный в августе 2015 г. АО «НИИ социальных систем» (НИИСС)⁵ (N = 5016), а также результаты всероссийских опросов ВЦИОМ⁶ и ФОМ⁷ по вопросам капремонта.

Следует иметь в виду, что реализация программы капитального ремонта МКД в Москве имеет несколько особенностей: чуть более позднее принятие региональной программы и уплаты взносов на капремонт (июль 2015 г., в большинстве регионов 2014 г.), предыдущий опыт реализации программы за счет средств городского бюджета (2008–2014 гг.), один из наиболее высоких размеров взносов на капремонт (15 руб. / кв. м, в среднем по РФ – 6,26 руб.⁸) при относительно низкой стоимости жилищно-коммунальных услуг и сохранении широкого перечня льготных категорий.

Информированность о программе капремонта. Согласно опросам ВЦИОМ и ФОМ, проведенным в 2015 г., на момент, когда в платежные квитанции уже была включена графа «капремонт», о введении нового ежемесячного взноса было известно подавляющему большинству россиян (по данным ВЦИОМ – 87% жителей МКД, по данным ФОМ – 75%). При этом, как отмечают специалисты ВЦИОМ, наибольшую осведомленность в этом вопросе демонстрировали представители старшего поколения: впервые слышали об обязательном взносе во время проведения опроса лишь 7% людей старше 60 лет, а среди 18–24-летних – 30% (в среднем по выборке – 13%). Среди москвичей, по данным опроса НИИСС, о принятии новой программы капремонта в августе 2015 г. слышали 88%, осведомленность также была тем выше, чем старше респонденты. При этом собственный уровень информированности

о программе капремонта большинство слышавших о программе (61%) оценивают как недостаточный.

Уровень личного участия в принятии решений по вопросам капремонта. Только 31% москвичей указали, что в их доме проводилось собрание собственников жилья по данному вопросу. Половина жителей (49%) отметили, что такого собрания в их доме не проходило. 20% респондентов затруднились ответить. При этом на факт проведения собрания чаще указывали жители домов под управлением ТСЖ и ЖСК (50% и 45% соответственно), жители домов, в которых есть инициативная группа (42%). Опыт принятия коллективных решений, характерный для домов с действующим активом жителей, значительно упрощает процесс организации участия жителей.

Среди указавших на проведение собрания личное участие в нем приняли 39% респондентов. Как и в случае информированности, чем старше респонденты, тем выше уровень их интереса к участию в собрании (среди респондентов старше 60 лет – 53%, 18–25-летних – 23%).

Мнение о способе накопления средств на капремонт. Следствием низкой активности граждан стало то, что в большинстве МКД накопление средств на капремонт осуществляется на счету регионального оператора. По данным ФОМ, в 2015 г. среди тех, кто осуществлял плату за капремонт, только 14% переводили средства на специальный счет. В основном же их направляли на счет регионального оператора (67%). Аналогичная ситуация и в Москве: только 11% респондентов в ходе опроса отметили, что в доме используется специальный индивидуальный счет, 31% указали на выбор единого счета регионального оператора, а 58% москвичей затруднились ответить. Учитывая статистику Фонда капитального ремонта города, согласно которой в Москве открыто 2920 специальных банковских счетов (9% в общей структуре МКД⁹), можно говорить о формировании централизованной системы формирования фондов капремонта на счету регионального оператора.

Оптимальным вариантом половина москвичей (48%) считает сбор средств на специальном индивидуальном счете дома, а сбор средств в «общий котел» таковым называют 26%. Решение в пользу специального счета в домах, где он выбран, было принято абсолютным большинством (79%), в то время как в домах, где фактически используется единый счет регионального оператора, мнение жителей либо разделяется, либо склоняется в пользу специального счета (табл. 1).

Таблица 1

Представления москвичей
об оптимальном способе накопления средств
на капитальный ремонт
на капитальный ремонт
(в % от числа опрошенных)

Какой вариант накопления средств на капитальный ремонт Вашего дома Вы лично считаете оптимальным?	Все	В доме выбран...		
		Единый счет в Фонде капремонта	Специальный индивидуальный счет дома в банке	Затрудняюсь ответить
Единый счет в Фонде капремонта, созданный Правительством Москвы	26,3	39,3	11,0	22,3
Специальный индивидуальный счет дома в банке	48,3	39,7	79,3	47,0
Затрудняюсь ответить	25,4	21,0	9,7	30,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Важно отметить, что за индивидуальный счет несколько чаще выступали жители домов, которые пока не видят необходимости в проведении капремонта (51%), москвичи, оценивающие собственный уровень материального положения как выше среднего (64%), несущие более высокие расходы по уплате взносов (56%). Жители относительно новых домов, проживающие в квартирах большей площади, при более высоких платежах за капремонт оказываются отдаленными во временной перспективе получателями программы. Вероятно, риски, связанные с возможностью изменения принципов программы, обесценивания денег, а также недоверия региональному оператору, являются стимулом к выбору специального индивидуального счета дома.

Выбор в пользу накоплений на специальном счете в Москве сильно дифференцирован по округам, наиболее высокий процент таких домов в Центральном округе (19%), низкий – в Зеленограде (1%). Причиной, скорее всего, является более высокий уровень самоорганизации жителей ЦАО (в округе выше доля ТСЖ и ЖСК), заинтересованность в сохранении высокой стоимости жилья.

Мнение о размере взносов на капремонт. Несогласие россиян с порядком оплаты капремонта и размером взносов в 2015 г. привело

к протестным акциям граждан, отказу от уплаты взносов в ряде регионов России¹⁰. В ходе последнего электорального цикла тема также стала популярной в политической риторике различных партий. При этом основная масса предложений политиков сводилась к освобождению тех или иных категорий граждан от обязанности уплаты взносов на капитальный ремонт. Хотя очевидным стало отсутствие альтернатив решения проблемы капитального ремонта жилья, в котором нуждается порядка 75% МКД в России¹¹.

По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, в 2015 г. средний размер ежемесячного взноса на капремонт составил 580 руб. Половина респондентов считают эту сумму достаточно обременительной: 21% респондентов назвали ее очень большой, 29% достаточно большой. Четверть респондентов (25%) считают размер взноса небольшим и 17% не знают суммы. В ходе опроса москвичей только половина участников (51%) смогли назвать размер ежемесячного взноса с их квартиры, в среднем он составил 886,3 руб.

В целом нагрузка по уплате взносов на капремонт ожидаемо возрастает по мере роста материального благосостояния респондентов (площади жилья) (табл. 2). Среди тех, кто оценивает свое материальное положение ниже среднего, четверть оплачивает свыше 976 руб./мес., что свидетельствует о потенциальных рисках актуализации проблемы «бедных собственников» и соответственно рисков неплатежей.

Таблица 2

Москвичи о размере взноса на капитальный ремонт
для их квартиры
(в % от числа назвавших размер взноса)

Укажите размер взноса на капитальный ремонт с Вашей квартиры, который Вам начислили за июль?	Все	Достаток ниже среднего	Средний достаток	Достаток выше среднего
Среднее значение (в руб.)	886,3	819,2	928,3	1065,8
Взнос до 600 руб.	24,6	28,4	22,2	15,3
Взнос от 601 до 975 руб.	42,7	45,5	41,8	29,4
Взнос более 976 руб.	32,7	26,1	36,0	55,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди москвичей, назвавших размер взноса, большинство респондентов (59%) считают, что он слишком высок. Чуть более трети респондентов (36%) считают сумму приемлемой, еще 2% – незначительной. Естественно, что чем ниже материальное положение респондентов, тем выше уровень негативного восприятия размера взноса, однако и в категории респондентов с достатком выше среднего 39% респондентов считают сумму слишком высокой, а в группе со средним достатком – 51% (табл. 3).

Таблица 3

Москвичи о приемлемости взноса на капитальный ремонт
для их семьи
(в % от числа назвавших размер взноса)

Вы считаете эту сумму оплаты капремонта для Вашей семьи в целом незначительной, слишком высокой или приемлемой?	Все	Достаток ниже среднего	Средний достаток	Достаток выше среднего
Незначительной	2,0	1,3	2,0	12,9
Приемлемой	36,3	25,6	44,1	42,4
Слишком высокой	58,3	70,8	51,0	38,8
Затрудняюсь ответить	3,4	2,3	2,9	5,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

ФОМ фиксирует более критичное восприятие размера взноса на капремонт в Москве: среди россиян считают уплачиваемую сумму существенной для их семьи 31%, среди москвичей – 58%. Причиной тому как установление в городе одного из наиболее высоких размеров взносов на капремонт (15 руб. / кв. м), так и большая склонность столичных жителей к критике. Следует учитывать, что, несмотря на негативное отношение к взносам на капремонт, показатель собираемости в столице один из наиболее высоких в стране (92% на сентябрь 2016 г.¹²).

Готовность жителей к участию в процессе капремонта. Декларируемая готовность к участию при непосредственном проведении капремонта их дома достаточно высока. Так 78% опрошенных москвичей планируют лично участвовать в собрании собственников жилья, 65% – искать дополнительную информацию о капремонте

в прессе, интернете, изучать жилищное законодательство. Уровень личной инициативы в других более трудозатратных видах участия ожидаемо ниже: 29% респондентов готовы лично инициировать проведение собрания собственников по вопросам капремонта, 17% – стать уполномоченным представителем дома, чтобы контролировать ход и качество капремонта (табл. 4). При этом в качестве наиболее активных участников в последнем случае чаще о себе заявляют мужчины (31% готовы стать инициатором собрания, 22% – уполномоченным представителем дома), а в целом к числу активистов чаще готовы присоединиться респонденты 36–60 лет.

Таблица 4

Декларируемая готовность москвичей
к личному участию в решении вопросов
капитального ремонта их дома
(в % от числа опрошенных)

В случае участия Вашего дома в программе капремонта, планируете ли Вы лично ... ?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Участвовать в собрании собственников жилья по вопросам капремонта	78,3	20,3	1,4
Искать дополнительную информацию о капремонте в прессе, Интернете, изучать жилищное законодательство и т. п.	65,4	33,0	1,6
Обращаться в ТСЖ/ ЖСК, управляющую организацию для получения информации, разъяснений и предложений	58,9	36,7	4,4
Обращаться в органы власти, на «горячие линии» для получения информации, разъяснений и предложений	56,1	41,2	2,6
Инициировать проведение собрания собственников жилья по вопросам капремонта	28,5	68,6	2,9
Стать уполномоченным представителем дома, чтобы контролировать ход и качество капремонта	17,1	81,1	1,8

В случае накопления средств на счету регионального оператора (именно он действует в большинстве домов) предусмотренный законодательством формат организации и проведения работ по

капремонту предполагает ограниченные возможности общественного контроля за его ходом и реализацией. Имеющиеся в распоряжении собственников механизмы (они могут осуществлять контроль действий регионального оператора на некоторых этапах организации ремонта (путем изучения информации, составления запросов), участвовать в осуществлении приемки оказанных услуг (через уполномоченное лицо)) требуют от них высокого уровня личной инициативы и солидарности в действиях.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на высокий уровень осведомленности москвичей о введении ежемесячного взноса на капремонт, интерес граждан к реализации программы капремонта можно охарактеризовать скорее как низкий. Больше половины респондентов затруднились ответить, какой вариант накопления средств на капремонт используется в их доме. Только чуть более трети москвичей отметили, что в их доме состоялось собрание по вопросам капремонта, участие же в нем приняли около 40% респондентов (от числа указавших на проведение собрания).

Низкий уровень участия москвичей в собраниях собственников повлек за собой формирование централизованной системы формирования фондов капремонта на счету регионального оператора (Фонда капитального ремонта г. Москвы), в то время как в ходе опроса большинство жителей выступили за сбор средств на специальном индивидуальном счете дома.

Как и в случае других вопросов управления общедомовым имуществом, готовность участия жителей определяется: характеристиками жилого фонда, состава жителей и той институциональной и культурной средой, в которой они действуют. В случае капремонта имеет принципиальное значение не просто техническое состояние дома, но и вытекающая из него очередность участия в региональной программе. Данные опросов свидетельствуют, что жители домов «второй» очереди (чем меньше возраст дома, тем дальше сроки его участия в программе) и уплачивающие высокие взносы скорее заинтересованы в сборе средств на индивидуальном счете дома в попытке сберечь накапливаемые средства от инфляции, недобросовестных действий операторов и т. п. Выбор в пользу такого способа накопления и принятия на себя ответственности за проведение капремонта также более характерен для домов с действующими активами жителей, накопленный социальный капитал и наличие отработанных схем и площадок для принятий коллективных решений обеспечивает жителям таких домов возможность самостоятельного решения вопроса и готовность к их реализации. Среди факторов институциональной среды следует

в очередной раз отметить доверие как необходимый элемент роста жилищной самоорганизации. В случае капитального ремонта речь идет не только о доверии между жителями, но и доверии жителей к институтам – участникам системы капремонта (государству в лице региональных операторов, ТСЖ и управляющим компаниям, банкам). Представления о том, что в будущем правила игры будут изменены, а накопленные средства обесценятся, снижают уровень интереса граждан к вопросам капремонта и возможности самоорганизации жителей.

Примечания

- 1 *Ермишина А.В., Клименко Л.В.* Институционализация «эффективного собственника» в многоквартирном доме // Научные труды ДонНТУ. 2009. № 34 (3). С. 107.
- 2 Общественно-политическая активность россиян офлайн и онлайн. Всероссийский опрос населения (18+, 1500 чел., 2014 г.) [Электронный ресурс] // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Индикаторы состояния гражданского общества. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/indicators> (дата обращения: 01.10.2016).
- 3 О гражданской и политической активности россиян [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. 31.8.2014. 320 городов, 160 сел, 1000 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,8%. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712> (дата обращения: 01.10.2016).
- 4 *Борисова Е.И.* Практика работы товариществ собственников жилья в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 177–200; *Ермишина А.В., Клименко Л.В.* Указ. соч.
- 5 Инициативный опрос АО «НИИ социальных систем». Телефонный опрос москвичей старше 18 лет, выборка квотирована по полу, возрасту и округу проживания респондентов. 7–17 авг. 2015 г. Максимальная (при доле изучаемого признака в 50%) статистическая погрешность (ошибка выборки) равна 1,4% при доверительном уровне в 95%.
- 6 Капремонт: сколько платить и кому? [Электронный ресурс] // Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 22–23 августа 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115369> (дата обращения: 01.10.2016).
- 7 О расходах на капитальный ремонт [Электронный ресурс] // ФОМ. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 4.10.2015. 53 субъекта РФ, 104 населенных

- пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/12380> (дата обращения: 01.10.2016).
- ⁸ Собираемость взносов на капремонт составила в среднем 77% [Электронный ресурс] // Минстрой РФ. 20.01.2016. URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/sobiraemost-vznosov-na-kapitalnyy-remont-sostavila-v-srednem-po-strane-77/> (дата обращения: 16.10.2016).
- ⁹ Специальный счет многоквартирного дома [Электронный ресурс] // Фонд капитального ремонта многоквартирных домов г. Москвы. URL: <http://fond.mos.ru/special-account-of-an-apartment-building/the-list-of-special-accounts-the-account-holder-uk-tszh-zhsk/> (дата обращения: 01.10.2016).
- ¹⁰ Доклад о результатах анализа состояния системы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. М., 2015. С. 14–16. [Электронный ресурс]. URL: <http://narexpert.ru/wp-content/uploads/2015/12/Doklad-o-Rezultatath-analiza-sistemy-kapitalnogo-remonta-obshego-imyshestva-v-mnogokvartirnih-domah.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- ¹¹ *Генцлер И.В., Лыкова Т.Б., Сиражитдинова Н.Р.* Финансирование капитального ремонта многоквартирных домов / Под общ. ред. И.В. Генцлер. М.: Фонд «Институт экономики города», 2013.
- ¹² Собираемость средств собственников [Электронный ресурс] // Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. URL: https://www.reformagkh.ru/overhaul/analytic/#overhaul_collection_of_owners (дата обращения: 16.10.2016).

С.Н. Майорова-Щеглова
С.Ю. Митрофанова

Детство в социогуманитарной перспективе: методологические и технологические основы создания научно-прикладного тезауруса

Статья представляет методологию и технологию создания научно-прикладного тезауруса для специалистов в сфере детства. В самом общем виде тезаурус понимается как проект по *накоплению знаний разных наук социогуманитарной направленности*. Обосновывается авангардность социологии детства в междисциплинарном синтезе различных наук о детстве. Утверждается, что современная социология детства впитывает в себя существующие методологические подходы и методические разработки, стремясь осмыслить новые явления мира детства. Обозначены два возможных пути в направлении создания научно-прикладного тезауруса: универсальность или метапредметность. Показано, как идея универсального знания о детстве реализуется в Википедии. Продуктивным признается продвижение в сторону метапредметности.

Ключевые слова: научно-прикладной тезаурус, авангардность социологии детства, междисциплинарность, интерсекциональность.

Российские социологи детства приступили к созданию научно-прикладного тезауруса, отличительной особенностью которого является междисциплинарный и «межсекторный» подходы. Тезаурус будет полезен чиновникам и специалистам по практической работе с детьми – психологам, педагогам, социальным работникам, социологам, юристам, руководителям детских общественных организаций, уполномоченным по правам ребенка, журналистам и всем, чья деятельность так или иначе связана с детским

© Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю., 2017

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-06-00792а, Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус 2016–2018).

сообществом. Тезаурус ориентирован и на ученых, занимающихся исследованиями детства и представляющих самые разные области научного знания. Такой широкий взгляд на проблематику детства, говоря словами И.С. Кона, делает «социологический» ракурс на детство необходимым везде и всюду¹. Цель создаваемого тезауруса состоит в том, чтобы в различных формах (печатной, виртуальной, образовательной, деятельностной) показать целевым группам обновления базовых знаний о современном детстве, возможности прогнозирования и планирования изменений данного феномена.

В данной статье мы обоснуем наши методологические и методические подходы к созданию такого научного продукта.

Осуществить проект предполагается с применением активно разрабатываемого в последние годы тезаурусного проектного подхода. Мы понимаем тезаурус как накопление данных через обобщение и систематизацию знаний разных наук социогуманитарной направленности, а также со-конструирования ориентиров для субъектов социума в общем образе объекта социальной реальности.

Современные исследования детства предоставляют в наше распоряжение широкую по охвату, богатую по содержанию, разнообразную по тематике накопленную различными науками литературу. Но фрагментарность / единство, логичность / непоследовательность, закрытость / открытость знаний о детстве в рамках различных наук зависят от многих особенностей их становления, устоявшихся структур, уровней знания внутри наук. Поэтому нам видится логичным и в содержании будущего тезауруса присутствие неравномерности использования исходных данных разных социально-гуманитарных наук. Так, «детство» составляет ядро знания для педагогики, очень существенную часть знания для психологии, культурологии, антропологии, но для истории, экономики, филологии оно скорее находится на периферии. Как следствие, за границами внимания указанных сегментов научного знания остаются факты, оказывающие существенное влияние на предмет ее исследования.

Известно высказывание И.С. Кона о том, что аппарат социологии наилучшим образом приспособлен для междисциплинарного синтеза различных наук о детстве². Солидаризируясь с этой, уже ставшей хрестоматийной, идеей, обозначим нашу авторскую позицию: на чем основывается это утверждение, каковы основные аргументы в защиту такого построения? *В чем авангардность современной социологии детства в изучении своего объекта в современном мире?*

Во-первых, в рамках социологии детства сам феномен детства сегодня понимается комплексно, многопланово и определяется

как «выраженная в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей; эта совокупность формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, которые осваивают социальность и интегрируются в социум»³ Детство одновременно выступает и как социальное, и как индивидуальное явление. Детство в социологии понимается как диахронически, так и синхронически, что предполагает, с одной стороны, поколенческий взгляд на детство, осмысление его с позиции ориентированности на взрослость, с другой стороны, в социологии детства определяется специфика различных детских сообществ в данный временной период. Детство можно рассматривать эволюционно и структурно: как оно представлено в разные исторические периоды, как изменяется его содержание, и вместе с тем с позиции его социального статуса, с позиции определения места детства в социальной структуре конкретного общества. В социологии важным является понимание того, что детство пронизано социально-классовыми, семейно-брачными, гендерными, возрастными, этническими, территориально-поселенческими, религиозными, культурными и другими измерениями, управленческие практики властных агентов конструируют эти измерения, формируют эти зависимости. Но, согласно позициям новой социологии детства, и это выделяют члены коллектива по созданию тезауруса, детство включает в себя представления и практики самих детей, информацию о которых получают от самих юных субъектов-акторов. Таким образом, важность социологии детства в междисциплинарном анализе последнего вытекает из комплексного понимания самого феномена детства в социологии, где, как указывает, например, А.А. Бесчасная, пересекаются знания научных дисциплин, изучающих развитие и формирование личности ребенка, культурные, исторические особенности жизни детей⁴.

Во-вторых, становление социологии детства в определенной степени обеспечило внутрисоциологический базис в современных исследованиях специальных социологических теорий, таких как социология семьи, образования, и другие. Первоначально (до XXI в.) действительно происходили научные заимствования схем и объяснений из исследований социализации, но сегодня вектор меняется на обратный. Такой подход является отражением самой социальной реальности современного общества, отличающейся сложностью, динамичностью, многовариантностью, подверженностью изменениям. В последние десятилетия появляются новые феномены, меняющие повседневную жизнь общества

именно через поведение самих юных членов: активное включение компьютерных технологий и гаджетов, Интернета, социальных сетей в жизнь современных детей и все возрастающие социальные, информационные риски, угрозы и вызовы. Это новые стандарты детского потребления и «гламуризация» детства, это новые родительские практики и многое другое.

Третий аргумент – возникновение социологии детства напрямую связано с понятием интерсекциональности, предложенной Л. Аланен⁵. Основываясь на идеях этого известного авторитета в нашей сфере, выделим наиболее важные для целей этой статьи понимания интерсекциональности как инструмента познания социальной реальности и как инструмента развития самой теории. Как образно указывает Л. Аланен, именно новый «постмодернистский поворот» в социальных науках привносит разнообразность и комплексность, в то время как традиционные науки о детстве требуют однолинейности и однозначности. Интерсекциональность признает множественность детских жизненных миров внутри не только глобализирующегося мира, но и в рамках отдельного государства или культуры. Поскольку понятия «детство» и «дети» не просто универсальные научные конструкты и за ними «стоят» конкретные дети, девочки или мальчики, они различаются по многим параметрам: класса, возраста, приписываемой этничности, расы, религиозности, таланта, возможностей и т. д., и это продуцирует повседневный жизненный опыт и идентичность конкретных детей, их ресурсы и структурные позиции. Все это приводит к требованию изучать эти различия, и для этих целей исследователи вынуждены разрабатывать и апробировать новые интерсекциональные методы. По нашему мнению, именно социология детства накопила наилучшие методологические подходы для изучения современного детства, а не социология образования, не социология семьи. Интерсекциональность, таким образом, выступает понятием, используемым в разных качествах: как рамка, как перспектива, как инструмент познания мира детства.

В-четвертых, поворот к междисциплинарности знания в исследовании детства совпадает по времени возникновения с распространением идеи прав ребенка, это не просто позволяет, а требует включения изучения мнения и поведения детей в социальном пространстве, что соответствует общему настрою и духу Конвенции о правах ребенка. Актуализируется потребность в адекватных методиках, которые схватывали бы суть происходящих изменений, а также могли бы выделять широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются современные дети в ситуации взросления. Отметим,

что эти новые методики исследования мира детства применяют различные технологии: например, активно в рамках участвующей социологии детства проводятся исследования информации с помощью фотографий, сделанных самими детьми⁶, или дневники «путешественника по Рунету»⁷.

Таким образом, социология детства впитывает в себя существующие сегодня методологические подходы и методические наработки, стремясь на их основе осмыслить новые явления мира детства. Создаваемый тезаурус по социологии детства может быть использован как инструмент познания детства для собственных целей специалистами любой сферы, чья профессиональная деятельность так или иначе связана с детьми. Общее поле социологии детства будет составлять ядро тезауруса, подпитываясь, наращиваясь, проникаясь тезаурусами детства других наук.

Следующий важный вопрос: *что мы предполагаем получить в результате конгломерации знаний разных наук?* Теоретически существует два возможных пути воплощения задуманного: это универсальность или метапредметность.

Под универсальностью понимается всеобъемлемость и всеохватность, пригодность к выполнению всех или большинства видов деятельности, т. е. фактически некая унификация и стандартизация знания. Проекты по созданию универсального знания уже осуществлялись в истории науки – как попытка создания универсальной отрасли научного знания о детях «педологии». Сегодня эта идея реализуется в общественном пространстве, пример такого проекта – Википедия.

Википедия заявляет о себе как наиболее крупном и популярном справочнике в интернете, как свободной универсальной интернет-энциклопедии, являющейся «символом эпохи взаимодействия, в которой мы живем», где создавать и редактировать статьи может любой пользователь⁸. Несмотря на претензию универсальности, а значит, всеобщности и всеобъемлемости знания, представленная в Википедии информация отличается хаотичностью, фрагментарностью, мозаичностью, отсутствием четкой структурированности, ее надежность может ставиться под сомнение некоторыми исследователями по разным причинам. Этими же характеристиками обладает материал по проблематике детства, содержащийся в данной интернет-энциклопедии. Для нас наибольший интерес представляет информация о детстве в англоязычной Википедии как самом крупном языковом разделе Википедии и русскоязычной версии Википедии, где представлены материалы на родном языке пользователей РФ. Статьи по теме детства в этих версиях отражают

разные по направленности и содержанию стороны мира детей. Это не только научная информация, но и тексты по детским образам в художественной литературе, религии, мифологии и т. д. и другие материалы, касающиеся, например, практической направленности повседневных практик детства (отдых, грудное вскармливание и т. д.)⁹. Отметим, что в русской Википедии представлены такие названия статей по проблематике детства, которых нет в англоязычной версии, например, этнография детства. И наоборот, англоязычная Википедия содержит, например, ценную статью *Исследования детства*, такая страница отсутствует в русскоязычной Википедии. Но ни в русскоязычной, ни в англоязычной версиях нет основополагающей для понимания изучаемого явления странички *Психология детства*. Вместе с тем можно выделить группу научных статей, темы которых заявлены в двух рассматриваемых версиях Википедии: *Детство*, *Ребенок*, *Социология детства*, *История детства*. Не ставя целью выявить сходства и различия статей русскоязычной и англоязычной версий Википедии, отметим, что для нас интерес представляет материал статей *Детство*¹⁰ и *Социология детства*¹¹, где наиболее отчетливо прослеживаются межпредметные связи в исследовании изучаемого феномена.

Структура статей по теме *Детство* русскоязычной и англоязычной версий содержит общие моменты, по форме – это примерно одинаковый объем статей, по содержанию – в двух версиях есть разделы по определению детства и его периодизации. Отличия в том, что в русской Википедии дается подробная по большей части физиологическая и психологическая характеристики каждого этапа детства, а также представлен раздел по этнографии детства, где, в том числе, указаны приоритетные научные концепции детства в современности. В англоязычной – речь идет об истории и географии детства, о том, как установки взрослых влияют на жизнь детей, на места и пространства для детей. Есть раздел, посвященный здоровью детства, причем здоровье понимается как физическое, ментальное, социальное самочувствие, сквозь призму этих измерений здоровья рассматриваются защита детства, игра, уличная культура. Также статья с соответствующими ссылками содержит разделы по правам детей и исследованиям в социальных науках, где обозначены связи исследований детства с социальной теорией общества. Таким образом, в русскоязычной версии акцент перемещен на психофизиологические особенности в определении детства, а в англоязычной – на понимании детства как социального феномена. Отметим, что исчерпывающей информацию о детстве в каждой версии Википедии назвать сложно, в силу того что можно

найти такие особенности изучаемого феномена, которые не затрагиваются в них вообще, однако они так или иначе характеризуют пространство детства, например экономика детства. Вместе с тем данные статьи будут глубже описывать феномен детства, если их рассматривать как взаимодополняющие. Но и в этом случае вряд ли содержание понятия детства, обозначенное в них, можно считать всеохватывающим и исчерпывающим, на что претендует сам замысел создания Википедии.

К этому же выводу можно прийти, анализируя материал статей *Социология детства* в двух версиях Википедии. В целом отметим, в русской версии статья по социологии детства представлена в сжатом виде, ее текст по количеству знаков меньше, чем в англоязычной – более чем в 2,5 раза. Но вместе с тем в русской Википедии содержится ссылка на определение социологии детства как социологической теории и на исследовательские комитеты, занимающиеся исследованием детства, а также не только на русскоязычные, но и англоязычные сайты, в частности на журнал «Childhood» (Sagepub), в котором содержится ценная информация по современным исследованиям детства. Отметим, что в англоязычной версии Википедии в разделе, посвященном социологии детства, не рассматриваются вопросы, связанные с институционализацией исследований детства. Однако эти материалы содержатся на страничке *Исследования детства* в англоязычной версии Википедии, причем акцент делается именно на «новую» социологию детства.

Наиболее отчетливо межпредметные связи в исследовании детства представлены в статье *Социология детства* в англоязычной версии Википедии в разделе «Современные тенденции». В этом разделе указаны три основные дискуссии, направления, вокруг которых строится поле современной социологии детства. Первое направление связано с признанием ребенка социальным актором. Это подход, вырастающий из ранней социологии, так же как и из этнографии, фокусируется на повседневной жизни детей. Дети – не те, кто находятся вне общества или в процессе становления, а те, кто выступают активными участниками общественной жизни со своими правами. Вторая дискуссия актуализирует поколенческий срез. Рассматриваются вопросы, связанные с социальным (не)равенством и социальным порядком в обществе, который категоризирует людей по возрасту, дифференцирует их по многим аспектам. Социальные и экономические изменения и социально-политические интервенции становятся центральными темами в исследованиях социологии детства. Третья дискуссия утверждает гибридность детства. Данное направление критично в отношении

социально-конструкционистского подхода, превалировавшего в последние десятилетия, это направление более открыто материалистической перспективе. Данная позиция исходит из признания детства как биологического, так социального и культурного состояния; находится в поиске межпредметного пути в исследованиях детства, что актуализируется текущими междисциплинарными усилиями.

Заключает материал по социологии детства раздел «Текущие задачи», в котором представлены ключевые области знания, вопросы, которые важны сегодня в исследовании детства, современное исследовательское поле социологии детства содержит множество пересечений с различными областями научного знания, что позволяет ей черпать информацию для своего дальнейшего развития, но прежде всего это признание детей акторами в социуме, поколенческие взаимодействия и гибридность современного детства¹².

Мы делаем вывод из проведенного анализа, что изначальная ориентированность на полноту, универсальность всех материалов и текстов, касающихся темы детства в том числе, недостижима. Так, информацию, содержащуюся в Википедии, несмотря на всю ее полезность, можно считать далеко не полной, здесь отсутствует весь комплекс материалов и статей, которые исчерпывающе описывали бы феномен детства. Более того, всегда будут возникать новые социальные практики и понятия, их характеризующие, поэтому социальное знание вообще и знания о мире детства всегда будут оставаться неполными и неуниверсальными. Вопрос в том, имеет ли смысл вообще стремиться к универсальности и всеобъемлемости знания в целом и о детстве в частности, что в принципе недостижимо. На наш взгляд, продуктивнее выбрать второй из указанных выше способов воплощения задуманных идей.

Мы же предполагаем, что необходимо продвигаться в сторону создания метапредметного знания, относящегося к конкретному биосоциальному явлению – детству. Психология детства, дошкольная педагогика, социология детства, история детства появились потому, что это был удобный способ познания и изучения специфики объекта на тот, определенный период развития науки. Ученый выделяет отдельные черты и свойства этого объекта, мы же в результате проводимого проекта хотим предложить тезаурус из базовых и межпредметных понятий, отражающий существенные связи и отношения между элементами современного детства. И здесь нам предстоит решить еще один из технологических вопросов: *какие методы выбрать, чтобы перескочить через предметные перегородки, сохранив содержание, отразить реально существующие*

открытия и изобретения в рамках отдельных дисциплин? Мы стремимся отказаться от технологий компиляции и конвергенции в пользу со-конструирования.

Мы понимаем, что это накопление систематизированного знания будет вестись нами сквозь призму ценностного подхода нас самих как социологов и как субъектов социума. Для нивелирования этих субъективных влияний мы намерены проводить для создания словника специальные экспресс-опросы тех, кто, как мы надеемся, будет использовать результат нашего труда в будущем, а также общественно-научную экспертизу готовых материалов. Первая серия таких опросов прошла, и мы выявили более 50 понятий, требующих разработки и описания, с точки зрения потенциальных потребителей Тезауруса. При этом наибольшим «междисциплинарным весом», как оказалось, обладают 2 понятия – «детство» и «воспитание», в то время как сами авторы проекта считали, что такими понятиями будут «детство», «периодизация детства», «дети». Мы признаем, что в современном обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций о детстве с разной степенью научности, актуальности, распространенности. В наших работах мы уже неоднократно обращались к анализу бытовых, обыденных, художественных представлений о детстве в современном российском обществе. У специалистов, работающих с детьми, по-видимому, свои тезаурусы выстраиваются в достаточно подвижную иерархию, и мы хотим проследить, какими объективными социальными процессами и субъективированными научными и популистскими идеями отдельных авторов (значимых других) актуализирован современный тезаурус практиков, выявить, что из прошлого тезауруса отошло на периферию или вообще утратило свое значение.

Существует определенное разбегание научных тезаурусов (векторов исследования детства) в российской и зарубежной науке. Так, наш анализ проблематики международных встреч социологов детства свидетельствует о постмодернистском повороте в исследовании детства и вытекающем отсюда наибольшем интересе к методологии и методикам участвующей социологии детства. В то время как в российской социологии наблюдается устойчивый интерес к классическим парадигмам социального знания, например, идеям структурного функционализма¹³. Отметим, что любая методология – это всего лишь инструмент исследования, возможности которого во многом зависят от того, в чьих он руках, т. е. от самого исследователя, работающего в той или иной перспективе. Однако проблема, на наш взгляд, состоит не в различии используемых социологами детства методологии, их разнообразие только

украшает социологию детства. Основная проблема видится в том, что в социально-гуманитарном знании в России существует значительный разрыв между теоретиками, разрабатывающими подходы и методологию анализа процессов в сфере детства, и властными структурами, от которых в реальности зависит положение детей. Те чиновники, которые в практике своей работы занимаются разработкой официальных показателей и индикаторов оценки благополучия детей в стране, подготовкой государственных докладов о положении детей, зачастую опираются в своей работе на ушедшие устаревшие реалии, тогда как за последнее десятилетие в сфере российского детства произошло много значительных изменений, оставшихся вне поля их зрения. Разрабатываемый исследователями тезаурус будет способствовать устранению этого разрыва.

Примечания

- ¹ *Кон И.С.* Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 68.
- ² *Кон И.С.* Проблемы междисциплинарной кооперации общественных наук (на материалах социологии детства) // Советская социология: В 2 т. Т. 1: Социальная теория и Социальная практика. М.: Наука 1982. С. 249.
- ³ *Щеглова С.Н.* «Социология детства» как элективный курс. Опыт преподавания // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 109.
- ⁴ *Бесчасная А.А.* Междисциплинарный характер социологических исследований детства // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 16–20.
- ⁵ *Alanen L.* “Intersectionality” and other challenges to theorizing childhood [Электронный ресурс] // Sage Journals. Childhood. 2016. Vol. 23 (2). P. 157–161. URL: <http://chd.sagepub.com/content/23/2/157.full.pdf+html> (дата обращения: 28.07.2016).
- ⁶ *Митрофанова С.Ю., Штифанова Е.А.* Роль информационных технологий и гаджетов в социализации детей // Экономика и социология. 2015. № 1. С. 18–24.
- ⁷ *Губанова А.Ю.* Детство информационной эпохи: новые термины и понятия [Электронный ресурс] // Материалы Международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (К 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского)» / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 242–243. URL: http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_Koval_100.pdf (дата обращения: 20.11.2016).
- ⁸ Википедия [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 01.08.2016).

- ⁹ Категория: Детство [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Детство> (дата обращения: 01.08.2016).
- ¹⁰ Детство [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Детство> (дата обращения: 01.08.2016); Childhood [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Childhood> (дата обращения: 01.08.2016).
- ¹¹ Социология детства [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социология_детства (дата обращения: 01.08.2016); Sociology_of_childhood [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sociology_of_the_family#Sociology_of_childhood (дата обращения: 01.08.2016).
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Филипова А.Г.* Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80–87.

Н.В. Иванова
А.Г. Сумарокова

Исследование этнофункционального аспекта фольклорных образов детей старшего дошкольного возраста

В статье раскрыта значимость этнической функции образного содержания социально-эмоционального развития дошкольников, приводятся результаты интервьюирования детей старшего дошкольного возраста, проведенного с целью изучения особенностей фольклорных образов.

Ключевые слова: социально-эмоциональное развитие дошкольников, этнофункциональный подход, фольклорный образ.

Современный дошкольник развивается в условиях кардинальных экономических, политических, социальных преобразований, происходящих в обществе, что, с одной стороны, приводит к повышению требований, предъявляемых обществом к личности, а с другой – способствует усложнению процессов социально-эмоционального развития детей дошкольного возраста.

Из-за воздействий телевидения, интернета с каждым годом значительно возрастает объем информации, получаемой детьми дошкольного возраста. Процесс глобализации оказывает на современного дошкольника большое влияние и в определенной степени тормозит развитие эмоциональности ребенка либо искажает этот процесс¹. Именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна выполнять функции «информационного фильтра»².

Этнофункциональный подход к развитию личности, автором которого является А.В. Сухарев, позволяет учитывать специфику влияния разнонаправленных условий на развитие дошкольника в современной «этнокультурно-мозаичной» исторической ситуации. В контексте подхода исследуются образы, интегрирующие

(объединяющие) или дифференцирующие (изолирующие) индивида с теми или иными этносами или этническими системами³.

Исследованиями педагогов доказано: средства воспитательной, образовательной работы могут как повышать, так и снижать степень адаптированности детей, способствовать их психическому и социальному развитию или, напротив, сдерживать его. В качестве одного из таких средств мы выделили фольклорный образ.

В самом широком общефилософском плане образ – субъективная копия объективной реальности. Это специально создаваемый в процессе особой творческой деятельности по специфическим (хотя, как правило, и неписаным) законам субъектом искусства – художником – феномен, обладающий уникальной природой⁴. Фольклорный образ – всеобщая категория фольклорного творчества, присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов⁵. Ценность фольклорного образа, по словам Ю.И. Юдина, в его синкретизме. Он несет в себе представление, нарождающееся понятие, эмоцию, моральное отношение, устремленность к поступку, языковую выразительность. Такой образ, затрагивая мир культурных представлений и переживаний, актуализирует внутренние личностные ресурсы, формирует культурные доминанты развивающегося человека⁶.

Традиционный образ, включенный в национальные обычаи, отличается широкой ассоциативностью, вызывает многогранные и содержательные представления о человеческом мире, произвольно вводит читателя и слушателя в жизненный цикл отношений к людям, природе, быту, труду.

По данным исследований Е.А. Выдриной, А.В. Сухарева, В.В. Тимохина, А.А. Шапоревой, установлена взаимосвязь гармоничного взаимодействия между познавательными и эмоциональными процессами и преобладанием в образной сфере личности эмоционально близких образов природы и культуры, этнофункционально согласованных с местом проживания человека. Исследователями выявлена следующая тенденция: наличие в образной сфере ребенка природных и сказочных образов, этнофункционально согласованных с родной природой и этнокультурой, способствует гармонизации взаимодействия эмоциональных и познавательных процессов, помогает процессу осознания и понимания эмоций, а преобладание этнофункционально рассогласованных с родной природой и культурой образов снижает потенциал социально-эмоционального развития.

Для изучения этнического содержания фольклорных образов, предпочитаемых детьми, выявления соотношения в образной

сфере ребенка функционально согласованных или рассогласованных образов этнокультуры и природы мы использовали метод структурированного этнофункционального интервью⁷. Данный метод предполагает фиксацию данных по следующим показателям: отсутствие или наличие в воспоминаниях детей сказочных, природных образов, соответствующих месту рождения и проживания ребенка на момент обследования; эмоциональное отношение к этим образам. Методом структурированного этнофункционального интервью также изучалось содержание системы отношений ребенка к родной природе и культуре: какие животные эмоционально близки ребенку; какие сказочные персонажи являются любимыми и почему; какие сказочные персонажи вспоминаются когда грустно или весело; какую сказку подарил бы другу.

В исследовании принимали участие 40 воспитанников подготовительных групп дошкольных учреждений г. Череповца, 14 педагогов.

Все природные объекты и сказочные персонажи, названные детьми, были разделены на следующие группы:

1. Природа:

- этнофункционально согласованные образы объектов родной природы (по месту проживания);
- этнофункционально рассогласованные с родной этнокультурой объекты природы.

2. Сказочно-мифологические и сказочные персонажи:

- персонифицированные образы (воды, огня, леса, родника, дома и пр.), этнофункционально согласованные с этнокультурой места проживания;
- сказочно-мифологические персонажи, сказочные персонажи (волшебных сказок, народных сказок о животных), этнофункционально согласованные с этнокультурой места проживания;
- персонажи этнофункционально согласованных отечественных авторских сказок;
- персонажи этнофункционально рассогласованных сказок зарубежных авторов;
- персонажи мультипликационных и художественных фильмов по мотивам русского народного фольклора, в том числе русских народных сказок;
- персонажи мультипликационных и художественных фильмов, содержание которых этнофункционально рассогласовано с этносредой места проживания детей.

Результаты интервьюирования детей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение этнофункционально согласованных
и этнофункционально рассогласованных
фольклорных образов в ответах детей
(в абсолютных значениях)

Группы фольклорных образов	Кол-во детей
Этнофункционально согласованные образы родной природы	18
Этнофункционально рассогласованные образы родной природы	22
Этнофункционально согласованные сказочные образы	12
Этнофункционально рассогласованные сказочные образы	28

На основе полученных количественных данных можно сделать следующие выводы:

- среди этнофункционально согласованных образов преобладают природные,
- среди этнофункционально рассогласованных образов преобладают сказочные.

Качественный анализ ответов детей показал следующее:

- из этнофункционально согласованных образов животных детям эмоционально близки следующие: заяц, лиса, волк, медведь, ёж, кошка, собака;
- перечень этнофункционально рассогласованных животных, эмоционально близких детям, представляет собой более длинный список: тигр, лев, леопард, жираф, бегемот, пантера, кенгуру, верблюд, мишка-коала, слон, зебра, панда, обезьяна, крокодил, носорог, белый медведь;
- из этнофункционально согласованных образов сказочных персонажей детьми упомянуты: Жар-Птица, Змей Горыныч, Баба Яга, Богатыри, Илья Муромец, Мужик, Маша, Золушка, Иван Царевич, Спящая Красавица, Колобок, Заяц, Волк, Лиса, Медведь, Серый Волк, Козлята, Петух;
- из этнофункционально рассогласованных были названы: Питер Пэн, Элли, Джек, Винни-Пух, Белоснежка, Красная Шапочка, Человек-Паук, Смешарики, Чучело, Дровосек, Пряничный Человечек, Монстр-Хай, Тролль, Гном, Эльф, Феи.

Анкетирование педагогов было проведено с целью выявления активности использования фольклорного образа в работе с детьми.

Анализ ответов позволил сделать следующие выводы:

- педагоги по их самооценкам регулярно используют фольклорные образы в работе с детьми (100%), но не используют фольклорные образы для развития понимания и осознания эмоций детьми (14%);
- воспитатели часто обращаются к фольклорным природным (64%), сказочным образам (50%), но практически не используют сказочно-мифологические образы (7%);
- этнофункционально рассогласованные образы используются в образовательной работе с детьми чаще, чем этнофункционально согласованные.

Таким образом, проведенное исследование выявило предпочтение детьми этнофункционально рассогласованных сказочных образов, что, на наш взгляд, отрицательно сказывается на характере социально-эмоционального развития дошкольников. Несмотря на общепризнанность и высокую значимость воспитательного потенциала русского фольклора, на неоспоримость его педагогической ценности, мы вынуждены констатировать неэффективность применения его педагогами в качестве средства социально-эмоционального развития дошкольников и отсутствие целенаправленной работы по созданию условий для принятия детьми образов родной этнокультуры.

Анализ методических разработок, изучение содержания образовательного процесса в дошкольном образовательном учреждении и экспериментальное исследование позволили нам выявить противоречие между потребностью этнофункционального развития дошкольников в относительно однородной щадящей этносреде и переизбытком в практике детских садов экзотических этнокультурных элементов.

Соответственно возникла объективная необходимость поиска средств работы по образованию детей дошкольного возраста в русле этнофункционального подхода. Результаты исследования послужили основой для разработки авторской программы социально-эмоционального развития детей старшего дошкольного возраста «Волшебные Дни», в которой в качестве основного средства используются сказочно-мифологические образы, этнофункционально согласованные с этнокультурой места проживания детей.

-
- ¹ *Ань Н.М.* Развитие эмоционального интеллекта // Ребенок в детском саду. 2007. № 5.
 - ² *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии: Теория развития и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 576.
 - ³ Там же.
 - ⁴ *Бычков В.В.* Эстетическая сущность искусства // Ориентиры. Вып. 2. М., 2003. С. 27–64.
 - ⁵ *Елисеев И.А., Полякова Л.Г.* Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 125.
 - ⁶ *Юдин Ю.И.* Народное творчество и народная культура в педагогическом учении Ушинского // К.Д. Ушинский и русская школа. М., 1994. С. 138–139.
 - ⁷ *Шапорева А.А.* Роль этнической функции содержания сказок в гармонизации взаимодействия когнитивной и эмоциональной сторон отношений у детей и подростков: Дис. ... канд. психол. наук. Российская академия образования. Психологический институт. М., 2007.

Е.А. Колосова

Потребительская социализация детей и подростков: возрастные особенности

В статье рассматриваются стадии потребительской социализации детей, подростков и юношества с учетом различных подходов. Показаны особенности потребительского поведения детей разных возрастов.

Ключевые слова: потребительское поведение, дети, подростки, стадии потребительской социализации.

В XX в. изучение потребления как особого феномена становится актуальным для изучения большинства социальных наук. Переход западного общества в эпоху постмодерна и сопряженные с этим социокультурные и экономические потребности, а также последующие за этим изменения характера потребления, его функций и роли в обществе активизировали развитие новой отрасли – «социологии потребления». Потребление – это сфера социализации, формирования социальных норм, ценностей, культуры.

Ранние публикации, посвященные покупательскому поведению детей, относятся к 1950-м годам, однако систематические исследования начались с середины 1970-х. Одним из первых определение *потребительской социализации* предложил в 1974 году С. Уорд в работе «Consumer Socialization» (Потребительская социализация), определивший ее как *процесс, посредством которого дети и подростки формируют и приобретают навыки, знания и установки, необходимые для функционирования в качестве потребителя различных товаров и услуг*¹. Потребительская социализация

© Колосова Е.А., 2017

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 16-06-00792 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

как процесс касается главным образом поведенческих установок и формирования ценностей в сфере потребления товаров и услуг.

Зарубежные авторы в своих исследованиях пришли к выводу, что на развитие экономических представлений ребенка влияют несколько параметров: принадлежность к определенному социальному слою; региональные и национальные особенности; пол ребенка².

В отечественных изданиях, ориентированных на социальные науки, все чаще за последнее десятилетие встречаются работы, посвященные проблеме потребительской социализации, поскольку данная проблематика является крайне важной для научного осмысления в современном обществе, а также необходима для грамотного внедрения новых социальных практик. Анализ отечественных публикаций на тему потребительской социализации детей показал, что кроме вышеперечисленных факторов, важным является возраст ребенка: дошкольный, младший школьный, подростковый, юношеский.

Целью потребительской социализации детей является приобретение навыков потребительского поведения и усвоения знаний об экономических понятиях, характеризующих различные аспекты потребления: предмет покупки, место покупки, использование покупки.

Существуют несколько методов потребительской социализации в семье. В зависимости от степени участия родителей (либо других старших родственников) в процессе потребительской социализации выделяются следующие методы:

- 1) инструментальный тренинг – это строгое инструктирование детей родителями или старшими в семье вести себя определенным образом. Наставления родителей могут содержать правила выбора товара и его использования;
- 2) моделирование – это неосознаваемое повторение человеком поведения старшего по возрасту человека, воспроизведение модели его потребительского поведения. Данный вид социализации происходит в процессе наблюдения за другими людьми;
- 3) посредничество родителей в восприятии детьми рекламы и атрибутов продукта – состоит в интерпретации коммуникативных сообщений родителей. Интерпретация формирует потребительскую позицию ребенка³.

В зависимости от степени самостоятельности потребительского поведения детей выделяют следующие методы потребительской социализации: *наблюдение* (обучение детей потребительскому поведению посредством визуального восприятия поведения других

людей); *совместный шопинг* (совместные походы за покупками родителей и детей); *прямой опыт* (собственный опыт в качестве самостоятельного покупателя).

Дети проходят несколько стадий потребительской социализации. В зависимости от подхода стадии могут иметь разные названия, но сводятся к следующим основным⁴:

1. Перцептивная/предоперационная стадия (в возрасте 3–7). Дети на этом этапе фиксированы на своем непосредственном восприятии людей и объектов, а не на абстрактном или символическом мышлении. Познавательная структура детей этой стадии еще слабо организована, речевые навыки еще только развиваются. Родители могут позволить детям этого возраста лишь небольшой потребительский выбор, например выбор десерта или напитка.

2. Аналитическая/конкретно-операционная стадия (в возрасте 8–11). Аналитический этап характеризуется переходом детей к использованию различных форм сравнения признаков объектов для определения отношения к ним и развитием аналитических способностей. У детей формируются более сложные способности применять логическое мышление к конкретным проблемам. На этой стадии социализации дети начинают развивать методы убеждения, которым они учатся у других детей для влияния на своих родителей. Например, сравнение себя с одноклассниками и требование приобрести то, чего у ребенка нет (новая игрушка, смартфон и т. п.).

3. Рефлексивная/формально-операционная стадия (в возрасте 12–15). На этой стадии развития дети приобретают способность понимать сложные социальные контексты и смыслы, связанные с потреблением. У детей 12–15 лет способность к абстрактному мышлению и ассоциированию концепций и идей более полно сформирована. Дети имеют более значимые финансовые ресурсы и способности принимать решения по широкому спектру продуктов. Многие из детей этого возраста влияют на родительские покупки, но в большинстве случаев уже самостоятельно осуществляют свои.

Другая периодизация потребительской социализации – возрастная – будет сведена к четырем основным возрастам: дошкольники, младшие школьники, подростки и юношество.

Дошкольник как потребитель хотя и не может существенно влиять на потребительский спрос товаров и услуг, поскольку в силу своего возраста дети, в отличие от других категорий потребителей, имеют ограниченные возможности в самостоятельном распоряжении денежными средствами и не обладают знаниями, умениями и навыками, достаточными для полноценного сравнения альтернатив при выборе товаров и услуг, способны уже представ-

лять отдаленные последствия и критически оценивать вещи и происходящие события⁵. Для дошкольного возраста основную роль в процессе потребительской социализации играет семья.

В младшем школьном возрасте увеличивается влияние сверстников и уменьшается родителей как демонстрация независимости ребенка и соответствия нормам поведения группы сверстников, в которую он входит. Кроме того, на потребительскую социализацию младших школьников влияет количество доступных денег и характер проведения свободного времени. Чем меньше собственный доход ребенка (подарки, карманные деньги, деньги за работу по дому и т. п.), тем менее важно для него влияние сверстников и больше влияние родителей. Для тех детей, кто проводит досуг без участия взрослых, более выраженным фактором является влияние сверстников⁶. Дети, которые проводят досуг в одиночестве, подвержены серьезному влиянию СМИ, для более младших – телевизор, для более старших – интернет. Наиболее ярко проявляются гендерные особенности потребительской социализации в младшем школьном возрасте. Девочки являются более активными потребителями, зависимыми от мнения родителей, сверстников, имеющих больший опыт совершения покупок в магазинах. Мальчики более подвержены влиянию телевизора и интернета.

Подростки представляют собой значительный сегмент рынка и являются активными потребителями большого количества товаров и услуг. На материальное потребление подростков оказывает колоссальное влияние семья, телевидение (а именно длительность телевизионных программ и коммерческие сообщения), а также коммуникации с ровесниками⁷. С увеличением возраста повышается степень сопротивляемости рекламной информации и улучшается понимание маркетинговых стратегий (особенно в отношении цены). С 12 лет вполне полноценным является формирование ассоциативной сети памяти, что позволяет использовать полученную ранее информацию о товаре в последующих покупательских решениях⁸.

Основные виды источников доходов у подростков помимо тех, что перечислены для младших школьников, включают также самостоятельно заработанные деньги. Для подростков характерна покупка продуктов, имеющих определенный социальный статус, однако все еще существует ограниченность подростков в средствах. При совершении покупок подросток начинает опираться и на собственное мнение. Поскольку подростки пытаются начинать самостоятельно зарабатывать, чтобы не испытывать дискомфорта, прося деньги у родителей, взрослые не дают денег на самостоятельные

покупки, а сами могут покупать подросткам предметы первой необходимости и совершать дорогие покупки для подростков, учитывая их мнение⁹.

Считаем, что возможно выделение еще одной возрастной стадии потребительской социализации детей. Согласно Конвенции ООН о правах детей, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, поэтому завершающей стадией потребительской социализации детей можно считать возраст 16–18 лет, условно назовем его «стадия зрелости». К 16 годам появляется новая система взглядов на действительность, самого себя и других людей. Одним из элементов новой системы взглядов на мир является система моральных оценок и принципов поведения. Необходимая предпосылка постановки мировоззренческих проблем – расширение временной перспективы. Она расширяется как вглубь (охват более длительных отрезков времени), так и вширь (включение своего личного будущего в круг социальных изменений, затрагивающих все общество в целом)¹⁰. В качестве основных признаков зрелой потребительски социализированной личности назовем ответственное потребительское поведение и способность ребенка (уже взрослого) руководствоваться в своем поведении собственными, сознательно поставленными, сформированными целями для осуществления покупок, выбора услуг и т. п. Юношеский возраст рассматривается как период интенсивного формирования ценностных ориентаций личности.

Юношество делится на две основные группы: тех, кто самостоятельно зарабатывает, и тех, кто продолжает жить за счет родителей. Но вне зависимости от этого покупки совершаются самостоятельно, при этом родители могут давать деньги. В этой возрастной группе решения о покупке принимаются самостоятельно, предварительно анализируется большое количество источников информации: мнения родителей, друзей, братьев и сестер, СМИ. Отношение к деньгам зависит от способа их получения. К полученным от родителей отношения более экономное, чем к самостоятельно заработанным финансам.

Таким образом, потребительская социализация является важной частью общего процесса социализации в современном обществе. В процессе потребительской социализации происходит накопление потребительского опыта и расширение потребительского репертуара по мере взросления ребенка.

Примечания

- ¹ *Серых А.Б., Оргеева М.Э.* Потребительская социализация в контексте когнитивного развития ребенка // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 3–2. Т. 10. С. 63.
- ² *Шайдакова Н.В.* Потребительская социализация в отечественных и зарубежных психологических исследованиях // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11 (033). С. 345.
- ³ *Аянян А.Н.* Особенности потребительской социализации детей старшего дошкольного возраста (сравнительный анализ данных 2009 и 2014 гг.) // Мир психологии. 2015. № 1. С. 122–132.
- ⁴ *Серых А.Б., Оргеева М.Э.* Указ. соч.; *Аянян А.Н.* Указ. соч.
- ⁵ *Аянян А.Н.* Указ. соч.
- ⁶ *Новожилова М.А.* Потребительское поведение детей в Интернете // Экономическая социология. 2011. № 1. Янв. Т. 12. С. 81–103.
- ⁷ *Шадрина С.В.* Исследование подростков как потребителей: основные этапы развития // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2009. № 3. С. 92–100.
- ⁸ *Шадрина С.В.* Потребительское поведение подростков: основные факторы влияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 8. Вып. 2. С. 53–90.
- ⁹ *Фоломеева Т.В., Шурыгина Ю.С.* О потребительской социализации детей и подростков // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 23.
- ¹⁰ *Березина А.В.* Чтение подростков: проблемы и перспективы // Библиотечные социологи и психологи представляют: программы, методики, исследования. Вып. 4 / Российская государственная детская библиотека. М., 2016. С. 49.

Семья, семейные ценности,
материальное положение семьи
в представлениях интеллигенции

В статье рассматриваются оценка важности семьи, отношение к семейным ценностям и материальное положение семьи в представлениях интеллигенции в сравнении с данными по населению в целом.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, интеллигенция, медицинские работники, преподаватели, работники культуры.

Интеллигенция представляет собой социальную группу, обладающую большим образовательным капиталом относительно остального населения и вовлеченную в специфическую профессиональную деятельность, т. е. занятую в тех сферах деятельности, которые представляют достаточно большую ценность для общества. Сегодня мы можем говорить о воспроизводстве образовательного капитала: высшее образование все чаще получают дети, родители которых также имели высшее образование¹. Наследуются и семейные ценности², поэтому интересно посмотреть, как относятся к семье представители интеллигенции. В нашем исследовании в выборку вошли группы преподавателей (учителя и преподаватели высшей школы), медиков (врачи и медицинские сестры), работников культуры³. Мы ставили задачу рассмотреть представления о семье, семейных ценностях этих групп интеллигенции, а также материальное положение семей интеллигенции по их самооценке.

Представители этих профессий, с одной стороны, очень типичны, их характеристики и мнения совпадают с большинством населения,

с другой – имеют свои особенности. Оценка важности семьи в группе интеллигенции не отличается от населения в целом. О том, что семья для них очень важна, заявили 94,6% в группе интеллигенции, 95% населения сказали то же самое. Среди интеллигенции семей с одним ребенком – 36,4%, с двумя детьми – 31,6%, с тремя и более – 5,9%, у 26,1% детей нет. Хочется отметить, что в нашей группе интеллигенции меньше семей с одним ребенком и больше с двумя, такое распределение нехарактерно для семей в России. Обычно разница в количестве детей составляет примерно 2 к 1 (семьи с одним ребенком и семьи с двумя детьми)⁴. И «отличились» в этом плане педагоги. Так и хочется спросить: они пошли работать в образование, потому что есть дети, или у них появились дети, потому что изначально они были ориентированы на взаимодействие с детьми?

Таблица 1

Количество детей у разных групп интеллигенции

Есть ли дети	Группы работников		
	педагоги	медработники	работники культуры
Детей нет	22,2	27,2	26,4
Один ребенок	30,6	37,2	39,5
Двое детей	41,7	29,7	28,4
Трое детей	4,4	5,0	5,0
Четыре и более	1,2	1,0	0,7

Семейные ценности. В исследовании мы задавали вопрос: «Какие отрицательные явления, пороки в нашем обществе Вас больше всего тревожат?». «Плохое воспитание детей» очень тревожит 70,5% интеллигенции (преобладают педагоги) и 64,4% всего населения. «Падение морали, нравственности» очень тревожит 68,7% интеллигенции и 62,4% населения. «Распад семей» (разводы) очень тревожит 49,7% интеллигенции и 51,9% всего населения. Иначе говоря, интеллигенцию больше волнуют семейные проблемы (за исключением разводов), чем остальных россиян. Но если сложить ответы «очень тревожат» и «тревожат в средней степени», применительно к семейным ценностным ориентациям, разницы между интеллигенцией и населением практически нет (95,7–93,6% – «плохое воспитание детей», 96,2–93,5% – «падение морали, нравственности», 88,4–89,2% – «распад семей»).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
 «Какие отрицательные явления, пороки в нашем обществе
 Вас больше всего тревожат?»,
 сравнение интеллигенции и населения (в % от опрошенных)

Отрицательные явления и процессы	Интеллигенция		Все	
	Очень тревожат	Тревожат в средней степени	Очень тревожат	Тревожат в средней степени
Наркомания	63,3	29,2	65,9	27,7
Алкоголизм, пьянство	61,4	32,5	64,1	29,8
Проституция	35,8	39,0	40,2	35,5
Плохое воспитание детей	70,5	25,2	64,4	29,2
Падение морали, нравственности	68,7	27,5	62,4	31,5
Распад семей	49,7	38,7	51,9	37,3

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
 «Какие отрицательные явления, пороки в нашем обществе
 Вас больше всего тревожат?», по группам интеллигенции
 (в % от опрошенных)

Очень тревожат	Группы работников		
	педагоги	мед-работники	работники культуры
1. Наркомания	67,9	64,5	56,5
2. Алкоголизм, пьянство	63,9	61,3	59,5
3. Проституция	35,3	38,4	29,1
4. Плохое воспитание детей	80,2	69,6	64,9
5. Падение морали, нравственности	77,4	65,0	71,6
13. Распад семей	53,2	50,1	45,8

Источник: Жизненный мир – интеллигенция, 2016

Кажется естественным, что семейные проблемы больше всего занимают педагогов и меньше всего беспокоят работников культуры. Работники культуры меньше медиков и педагогов озабочены и другими, влияющими на семейную сферу проблемами общества – наркоманией, алкоголизмом и пьянством, проституцией. Удивляет в целом толерантное отношение людей (как всего населения, так и интеллигенция) к разводам – вероятно, так и формируется социальная установка на возможность распада семьи. Количество людей, которых волнует проблема разводимости, практически одинакова в разных возрастах, что подтверждает возможность трансляции данной установки на развод. «Не сложится семья – разведусь» – это стало почти социальной нормой. Любопытно, что проблема распада семей больше волнует жителей мегаполиса (57,5%). Чем меньше поселение, тем больше падает важность этого пункта: так, лишь 37,6% жителей села указали, что их это волнует.

Есть некоторая связь в отношении к семейным ценностным ориентациям с количеством детей в семье. Из общей зависимости – чем больше детей, тем больше тревожность, опять «выпадает» вопрос о разводах. Видимо, дети укрепляют брак (по крайней мере, когда трое и более).

Социальный капитал семьи. Представители интеллигенции меньше рассчитывают на социальное положение семьи при продвижении по социальной лестнице, предпочитая опираться на личные достижения в образовании и профессиональной подготовке и личные качества (ум, привлекательность, сила и др.). Меньше они рассчитывают и на владение деньгами, материальными или другими ценностями, и на обладание властью или доступ к ней. Группы работников интеллигенции меньше отличаются в этом плане между собой, чем интеллигенция и остальное население. Это объяснимо: с одной стороны, интеллигенция обладает большим человеческим капиталом, который и позволяет ей рассчитывать на свои силы. С другой стороны, этот запас человеческого капитала ей зачастую и создает принадлежность к данной социальной группе именно семьи.

Взаимосвязь количества детей
и вопросов о семейных ценностях

Количество детей	Тревожит ли вас падение морали и нравственности?			Тревожит ли вас распад семей?			Тревожит ли вас плохое воспитание детей?		
	очень	средне	мало	очень	средне	мало	очень	средне	мало
нет	59,9	34,1	6,0	44,3	42,6	13,1	61,4	32,4	6,2
1	68,3	28,5	3,3	53,5	36,2	10,4	70,7	25,4	3,9
2	74,2	23,0	2,8	51,3	37,2	11,5	76,1	20,1	3,8
3	78,8	19,7	1,5	43,9	42,4	13,6	78,8	19,7	1,5
4 и более	92,3	0	7,7	30,8	53,8	15,4	84,6	15,4	0

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
 «Какие обстоятельства определяют сегодня
 социальное положение
 и престиж человека в нашем обществе?»
 (в % от опрошенных)

Какие обстоятель- ства определяют сегодня социальное положение и престиж человека в нашем обществе	Интели- генция	Всё насе- ление	Группы работников		
			педа- гоги	медработ- ники	работники культуры
Владение деньгами, материальными или другими ценностями	52,2	67,0	57,1	49,9	54,2
Обладание властью или доступ к ней	52,1	58,2	58,3	48,2	57,2
Связи с нужными людьми	53,4	57,0	52,4	51,8	58,5
Личные достижения в образовании и профессиональ- ной подготовке	34,7	19,0	35,3	33,3	37,8
Личные качества (ум, привлекатель- ность, сила и др.)	26,4	19,9	28,6	23,9	30,8
Социальное положение семьи	13,7	19,8	17,1	12,6	13,7

Представители интеллигенции также больше рассчитывают на себя в сложной ситуации, чем на членов семьи, родных, друзей, коллег по работе. При ответе на вопрос «Предположим, Вы оказались в затруднительном положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?» в группе интеллигенции к членам семьи, родным обратится 80,6% и 87% среди остального населения, к друзьям – 54,3% в группе интеллигенции и 59,2% – среди остального населения, к товарищам (коллегам) по работе 14,4% – в группе интеллигенции и 18,4% – остального населения. Эти данные, на наш взгляд, подтверждают вышесказанное. Тем не менее необходимо отметить, что именно среди интеллигенции встречаются семейные династии, т. е. имеет место профессиональное воспроизводство: ребенок растет в определенной атмосфере и «заражается» страстью к профессии родителей либо ему настойчиво внушают, что он должен продолжить дело отца или матери. 39,2% представителей интеллигенции указали, что большее влияние при выборе профессии на них оказала семья.

Материальное положение семьи. Уровень дохода в числовом выражении (даже с поправкой на год) семей представителей интеллигенции выше (24076,0 руб.), чем в среднем среди населения (15145,9 руб.). Но: группа интеллигенции, в которой семейный бюджет позволяет уровень «живут от зарплаты до зарплаты», существенно больше, чем среди населения в целом. Самыми обеспеченными семьями оказались семьи работников культуры, что можно объяснить выборкой, в которую вошли работники театров и домов культуры (получается, они получают больший доход, чем преподаватели), менее обеспеченными – медработники (тоже частично объясняется выборкой, в которой много среднего медицинского персонала, доход которого невелик). Но при этом среди всего населения 19% указывают, что они имеют подработку или совместительство, среди интеллигенции таких 40%. Даже с учетом того, что в выборке всего населения есть пенсионеры или студенты, разница очень велика: получается, что свои относительно «высокие» доходы интеллигенция добывает за счет сверхурочной работы.

Эту мысль подтверждает ответ на вопрос: «Как Вы считаете, справедливо ли оплачивается Ваш труд?» 30,1% интеллигенции ответили, что несправедливо, среди населения таких 24,7%.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Какие условия жизни гарантирует Вам семейный бюджет?»
(в % от опрошенных)

	Интелли- генция	Всё насе- ление	Педа- гоги	Мед- работ- ники	Работ- ники культуры
Высокое благополучие	2,4	1,3	2,0	2,5	2,7
Живут в достатке	32,1	35,2	29,0	32,3	34,1
Хватает в основном на еду и одежду	43,9	53,0	51,2	41,6	44,1
Живут от зарплаты до зарплаты	17,7	9,5	16,7	18,4	16,7
Еле сводят концы с концами	3,9	1,0	1,2	5,3	2,3

Связи уровня семейного бюджета и количества детей в семье обнаружить не удалось: независимо от количества детей большинство представителей интеллигенции попадают либо в группу «хватает на еду и одежду», либо в группу «живем в достатке, но не можем позволить себе крупные расходы».

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос:
«Какие условия жизни гарантирует Вам семейный бюджет?»
(в % от опрошенных, в зависимости от количества детей)

	Детей нет	1	2	3
Высокое благополучие	3,7	2,2	0,7	7,6
Живут в достатке	31,5	31,9	33,7	25,8
Хватает в основном на еду и одежду	44,9	43,7	44,5	39,4
Живут от зарплаты до зарплаты	15,3	18,5	17,6	24,2
Еле сводят концы с концами	4,5	3,7	3,5	3,0

Представители интеллигенции больше других групп населения чувствуют себя проигравшими: 31,9% против 13,7% всего населения. Среди групп интеллигенции более всего пострадавшими себя чувствуют педагоги. Бесперывные на протяжении многих лет реформы не привели к развитию образования, здравоохранения и культуры, но значительно ухудшили социальное положение и самочувствие профессиональных групп педагогов, медиков и работников культуры, что и определяет их самооценку.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос:
«Лично Вы, Ваша семья выиграла или проиграла
от происходящих в стране перемен за последние 5 лет?»
(в % от опрошенных)

	Интелли- генция	Все	Педагоги	Медработ- ники	Работники культуры
Выиграли	6,3	7,3	9,1	6,4	3,7
Проиграли	31,9	13,7	37,7	31,7	27,8
В целом осталось по-прежнему	51,3	62,2	46,8	50,8	56,5
Затруднились ответить	10,4	16,9	6,3	11,1	12,0

Ощущения проигравших оказывают некоторое влияние и на прогнозные оценки будущего. Среди интеллигенции ненамного, но все-таки больше, чем среди населения (32,4% и 28,5%), тех, кто уверен, что их жизнь не улучшится в ближайшем будущем, и меньше тех, кто думает, что станет лучше (33,9% и 37,4%). Сортировка по группам показывает, что меньше всего «оптимистов» среди педагогов – видимо, по семьям работников образования «каток» реформ прошелся наиболее жестко, да и как раз в момент проведения опроса наблюдался очередной виток преобразований, связанный с сокращением как численности, так и зарплат педагогического персонала. Медработники, видимо, уже пережили шок и адаптировались к нему. Количество «пессимистов» одинаково во всех группах.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, Ваша жизнь
в ближайшем будущем улучшится?»,
по группам работников
(в % от опрошенных)

Как думают, жизнь в ближайшем будущем улучшится	Группы работников		
	педагоги	медработники	работники культуры
Улучшится	29,8	36,2	31,4
Не улучшится	32,1	32,5	32,1
Затруднились ответить	38,1	31,3	36,5

Итак, интеллигенция (в нашей выборке) выглядит как действительно «народная»: ценностные ориентации (по крайней мере, относительно семьи и детей) близки всему населению; по уровню дохода семьи интеллигенция не слишком отличается от населения в целом. Примерно равное количество людей удовлетворены кругом своего общения. Оценивают свое положение в обществе и материальное положение представители интеллигенции и все население также примерно одинаково.

Примечания

- ¹ Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.
- ² Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.). Монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М., 2016. С. 190–214.
- ³ «Жизненный мир: как живешь, интеллигенция?», проведено коллективом социологического факультета РГГУ весной 2016 г. методом стандартизированного интервью п/р Ж.Т. Тощенко. Пропорционально-квотная выборка (N=1350) охватывала 12 типичных регионов России (Новгородская, Архангельская, Ярославская, Воронежская, Владимирская, Нижегородская области, Ставропольский край, Республика Крым, Свердловская, Новосибирская области, Красноярский и Хабаровский края), Москву и Санкт-Петербург. Для сравнения использовались данные исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных

преобразований (1990–2010-е гг.)», проведено коллективом социологического факультета РГГУ в октябре 2014 г. п/р Ж.Т. Тощенко, N = 1750, выборка все-российская, пропорционально-квотная. Метод – анкетирование.

- ⁴ См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (дата обращения: 25.10.2016); Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 25.10.2016).

Варианты преобразования феномена веры в несправедливый мир в кинематографе

В статье анализируется изображение «правильного» и «неправильного» мира в кино. Правильные миры выстраиваются в соответствии со структурой волшебной сказки (Пропп), пути героя (Кэмпбелл) и воспроизводят мир, основанный на единстве морали и успеха. Популярность образа правильных миров связана, в частности, с иллюзией справедливости (Лернер) – верой большинства людей в то, что мир устроен по правилам, соблюдение которых гарантирует успех, а нарушение – неудачу. Иллюзия имеет как продуктивные, так и деструктивные следствия и недостаточна для адекватного видения реальности и успешной адаптации. Искусство дает возможность преодолеть искажение веры в справедливость за счет изображения неправильных миров, в которых не действуют правила. В статье выделяются варианты изображения неправильного мира в кино и анализируются его функции.

Ключевые слова: психология кино, вера в справедливый мир, вера в несправедливый мир, правильный мир, неправильный мир, катарсис.

Один из старейших сказочных мотивов, мотив путешествия за счастьем, В.Я. Пропп¹ описал как структурообразующий для всего корпуса волшебных сказок. В большинстве случаев повествование начинается с того, что герой или героиня отправляется из дома, имея желание/потребность что-то исправить, возместить, что-то найти и пр., и после сложного пути оказываются в жилище волшебного хранителя сакрального знания – Бабы-яги, Морозко, кобылячьей головы или другой могущественной фигуры, где проходят испытания, получают подарки и возвращаются домой в новом платье, с женихом или невестой. Архаической основой этого

путешествия служит, как можно предполагать, обряд инициации, посвященный переходу ребенка в статус взрослого. Во время такого обряда детей уводили в таинственное и страшное место, подвергали испытаниям, а выдержавшие получали доступ к тайному знанию и возвращались домой уже другими, взрослыми, преобразенными. Для того, чтобы обряд пройти, ребенок должен был доказать свою готовность к новому этапу жизни, а проводивший обряд (носитель знания) оценивал, насколько хорошо испытание пройдено. При всей мучительности инициация давала участникам образ уютного и пригодного для жизни мира, устроенного по правилам. В таком мире есть порядок, есть правила, соблюдение которых ограждает от всего плохого и гарантирует помощь могущественного покровителя. Сказки, рассказывающие о таком мире, нравились людям и нравятся до сих пор.

Написанная в 1949 г. книга Дж. Кэмпбелла «Герой с тысячью лиц»², в которой автор выделил сходную структуру на материале анализа мифов, обеспечила, как считается, успех «Звездных войн» Дж. Лукаса и впоследствии стала практически учебным пособием по драматургии в Голливуде. По оценке К. Воглера, автора одной из лучших книг по сценарному мастерству «Путешествие писателя», «Звездные войны», «Близкие контакты», «Терминатор» и многие другие фильмы «обладают такой притягательностью для аудитории именно потому, что отражают описанные Кэмпбеллом универсальные мифологические схемы, чья умиротворяющая сила испытана веками»³.

Единая мифологическая схема, мономиф (Кемпбелл) дает возможность построить множество сюжетов любого жанра, от мелодрамы до триллера, рассказать историю Красотки и Шерлока Холмса, Терминатора и Бриджет Джонс; и во всех случаях речь будет идти о том, как герой или героиня, проходя испытания, изменяли себя, решали проблемы и получали приз. «Практически все телевизионные драмы имеют одно и то же совершенно предсказуемое окончание: хороший парень вознагражден, а плохой парень наказан. Производители утверждают, что общественность требует от них соблюдения именно такой социальной справедливости»⁴.

Мир, в котором существует абсолютная справедливость – это часть семантического пространства обыденного сознания, образованная одноименными полюсами факторов Оценки и Силы, так называемый «правильный мир»⁵. Эта область формируется, когда, оценивая кого-то как симпатичного, мы одновременно приписываем ему доброту, способность к пониманию, интеллект и пр., а не нравящемуся человеку приписываем все возможные неприятные

характеристики. Таким образом, мы как бы соединяем в единое целое мораль и успех, имплицитно принимая логику «Победителей не судят».

Правильный мир отражает описанную М. Лернером⁶ иллюзию веры в справедливый мир, состоящую в стремлении людей видеть мир как имеющий правила, соблюдение которых гарантирует достижение успеха и защищает от несчастий. В этом случае удача ощущается как награда за проявленную доблесть, а неудача – как результат допущенных ошибок. А значит, счастье и несчастье всегда заслуженны, а происходящее – справедливо. Нужно только понимать правила и следовать им. Правила отражают то, что на данном этапе, в данной культуре воспринимается как нуждающееся в закреплении и воспроизведении и не нарушающий правила человек рассматривается как «хороший», а нарушающий – как «плохой». Так, например, в традиционной культуре правильным поведением была защита «своих» при любых обстоятельствах. При этом «своих» не выбирали, свои определялись по рождению, по безусловной принадлежности. Но мир меняется и правильным становится самому выбирать, кого поддерживать. Сегодня понятие «своих» размывается и нормальным считается, что человек может сам оценивать, где находятся свои и чьи ценности близки.

Так, в фильме «Аватар» (2009) Дж. Кэмерона человек Джейк Салли, приняв ценности инопланетного племени на'ви и оценив, что люди ведут себя по отношению к на'ви не по-человечески, переходит на сторону на'ви, защищая его от уничтожения, и успешно сражается с людьми. В фильме «9-й район» (2009) Н. Бломкампа сходная коллизия разворачивается на земле, но герой тоже переходит на сторону инопланетян, так как видит, что люди не правы. В фильме «Притяжение» (2017) Ф. Бондарчука речь тоже идет о конфликте людей с внеземной цивилизацией, и героиня в решающей схватке ее бывшего любимого с инопланетным гостем тоже встает на сторону гостя и атакует бывшего любимого, защищая гостя. Фильмы построены так, что у зрителя не возникает сомнения в том, что герои, по сути предавшие своих, поступают верно. Новые времена, новые правила.

Действуя по соответствующим культурно-исторической ситуации правилам, хорошие герои в таком мире будут закономерно успешны, а плохие потерпят поражение. Представленные в фольклоре и искусстве модели правильного мира показывают, как нужно вести себя по отношению к богам и духам (в архаических текстах в большинстве случаев), по отношению к другим людям и по отношению к себе (что стало появляться особенно часто в современном мире).

Иллюзия справедливости сохранилась в культуре, так как давала адаптивные преимущества тем, кто ее разделял. Большой корпус исследований показывает, что вера в справедливый мир способствует построению долгосрочных планов и позволяет отказываться от сиюминутных соблазнов ради достижения отдаленной цели⁷, люди с высокой верой в справедливость чаще участвуют в благотворительности и делают более весомые пожертвования⁸. Вера в справедливость помогает справляться с травмами, работая в качестве защитного механизма⁹, и имеет много других продуктивных функций.

Иллюзия справедливости удобна и субъекту, и культуре в целом, нам нравится видеть в окружающем мире подтверждение того, что в мире есть какие-то закономерности. «Аудитория стремится к торжеству справедливости: герой должен получить награду, соответствующую затраченным усилиям, а злодей – понести наказание, соразмерное со страданиями, которые причинил окружающим»¹⁰. По законам правильного мира построено подавляющее большинство популярных фильмов. Начав смотреть жанровое кино, зритель уже знает, что симпатичный главный герой обязательно выиграет, а негодяи проиграют. Мелодрамы и романтические комедии рассказывают о том, как хороший герой или героиня, преодолев преграды и исправив допущенные ошибки, в конце концов удостоиваются счастья. В триллерах и детективах преступники, сколь бы умны и коварны они ни были, оказываются разоблачены и наказаны. К правильным текстам могут быть отнесены как лирические комедии и романтические фильмы о любви, так и триллеры, боевики и детективы. Последние, при обилии страшных подробностей, не пугают, а успокаивают. «В целом исследователи склонны считать, что детективный жанр направлен на признание существующего порядка вещей. И это подкрепление важнейших представлений и предрассудков является важнейшим условием успеха детектива»¹¹. Эмпирические исследования показывают, что при просмотре криминальных сюжетов зрители получают основное удовольствие, видя наказание виновника преступления, реализацию принципа справедливости¹², что подкрепляет веру в опасность нарушения законов и невозможность быть счастливым.

Но так как образ удобного и приятного справедливого мира иллюзорен, то иногда при столкновении в реальности с несправедливостью его приходится защищать, в том числе обвиняя в случившемся жертву, принижая ее страдания и оправдывая преступников. В таком случае хочется считать, что если у человека вытащили кошелек из кармана, то виноват, конечно, пострадавший, так как не

сумел защитить свое имущество, а жертва изнасилования носила слишком короткую юбку.

Существует множество исследований, показывающих тенденцию людей с высокой верой в справедливость мира к вторичной виктимизации, к приписыванию ответственности за случившееся жертве¹³. Для того чтобы сохранить непротиворечивость картины мира, «верящие в справедливый мир должны быть враждебны или черствы по отношению к жертвам социальной несправедливости, особенно в тех случаях, когда страдания жертвы не могут быть легко смягчены»¹⁴.

Другой стороной защиты иллюзии справедливости становится защита власти и силы, которые при таком видении реальности не могут быть плохими. Страдание жертв может быть оправдано при оценке мира как справедливого, а положения дел как не нуждающегося в исправлении и изменении, что подтверждает связь веры в справедливый мир с авторитаризмом, консерватизмом, склонностью восхищаться силой и во всем поддерживать существующие социальные институты¹⁵. Как отмечают Рубин и Пепло¹⁶, вера в справедливость мира может препятствовать социальной активности, направленной на устранение реальной несправедливости. Если мы живем в лучшем из миров, то, разумеется, его не нужно менять.

А в тех случаях, когда защитные механизмы не срабатывают, особенно при собственном опыте длительных несчастий и притеснений, на смену вере во всеобщую справедливость приходит вера во всеобщую несправедливость, которая позволяет рационализировать травматические переживания, обвинив мир в полном отсутствии правил и предсказуемости¹⁷. Люди с высоким уровнем веры в несправедливый мир ощущают реальность как место, в котором договоренности не соблюдаются и невинные становятся жертвой произвола. В этом случае человек чувствует себя свободным от ограничений какими-либо нормами морали и справедливости, что способствует проявлению цинизма и корыстности¹⁸. На базе ощущения невозможности приспособиться к реальности развивается депрессия и формируется синдром выученной беспомощности, не позволяющей что-либо предпринимать для изменения ситуации, так как опыта успешного решения проблем не существует.

Ограниченная адаптивность образов правильного мира, поддерживающего продуктивные и деструктивные последствия веры в справедливый мир, уравнивается одновременным существованием в обыденном сознании области неправильного мира, образованного сочетаниями положительного полюса фактора Оценки с отрицательным полюсом фактора Силы и отрицательного полюса

Оценки с положительным полюсом Силы. За счет этого в этой области не существует связи между моралью и успехом и соответственно невозможно проследить причинно-следственные связи и понять правила. В нем можно достичь успеха, но остаться плохим и нелюбимым и можно быть слабым и никчемным, но хорошим и получать любовь. Неправильный мир – это место, в котором невозможно жить, невозможно строить планы и надеяться на лучшее. За счет этого он может включать в себя неоднозначные образы, содержащие в себе возможность изменения себя и реальности. Образ ребенка видится хорошим и слабым, а образ успешного человека в обыденном сознании представлен как сильный, но не очень хороший¹⁹.

Смысловая область неправильного мира востребована людьми и активно используется в фольклоре и в искусстве. Так, в частности, по законам неправильного мира построен жанр девичьих рассказов²⁰, тюремных романсов и многих других жанров. Девичьи рассказы – это вариант текстов, которые не имели авторства, но которые советские школьницы переписывали друг у друга в альбомы и общие тетради. Распространенность этой практики и достаточно большой корпус этих текстов свидетельствует о том, что они явно удовлетворяли важные потребности подростков. В этих рассказах речь идет, разумеется, о любви, но во всех абсолютно случаях в финале гибнет либо один из героев, либо оба. Девушками почему-то было необходимо переписывать от руки истории, в которых говорится о том, что любовь невозможна в этом мире. «Рассказы эти – своего рода “катализатор” или “кристаллизатор” плача»²¹. Герои в них так часто погибают и/или кончают жизнь самоубийством, что это может приводить читателей к выработке подсознательной, а временами и сознательной установки на «классическое самоубийство»²², хотя эти установки, разумеется, не реализовывались. Популярность этой жизнеотрицающей ориентации среди юных девушек на первый взгляд кажется абсурдной. Но, возможно, она выполнила важную функцию – утверждения, доступными и действенными средствами ценности индивидуальной любви, не сводящейся к продолжению рода и стоящей выше прагматического расчета. Тем самым подчеркивается большая ценность индивидуальности, личности по отношению к обществу. Можно высказать еще одну гипотезу. Ритуалы инициации, которые в традиционных обществах были обязательны для подростков, связаны с символическим переживанием собственной смерти в ипостаси ребенка и последующим возрождением в ипостаси взрослого, часто имеющего другое имя, живущего по другим законам. Суицидальные настроения позволяют отреагировать на расставание с детством и страх перед взрослой

жизнью²³. У взрослых людей ту же функцию выполняют книги и фильмы о неразделенной любви, о крахе надежд, авантурные романы и т. п. Как отмечает Воглер, «отказ от исполнения желаний аудитории иногда оказывается эффективным решением, позволяющим автору вызвать у зрителя сильные эмоции, показать ему реалистичную картину мира, обрисовать трагическую ситуацию обреченности персонажа»²⁴.

Неправильный мир нужен психике для того, чтобы что-то противопоставить абсолютной жесткости и стабильности правильного. В неправильном мире ставится под сомнение само наличие правил, иногда актуальных, действующих на данный момент, иногда, в радикальном варианте, правил вообще. В таком мире главные герои могут быть хорошими и слабыми одновременно, злодеи сильны и непобедимы, а зло побеждает добро. В неправильном мире поражение рассматриваются как свидетельство высокой моральной оценки проигравшего, не сумевшего справиться с жестокостью и коварством, переступить через себя, отказаться от чего-то для себя важного. В нем не действуют законы причинно-следственной связи, позволяющие гарантировать исполнение запланированного и достижение результата при следовании инструкции, в нем ничего не предрешиено и ничего невозможно предсказать. Сакральное место не работает, носитель высшего знания отсутствует и оценок ждать неоткуда.

И если вера в несправедливый мир как психологическое состояние преимущественно деструктивна, то неправильный мир как образ в искусстве выполняет продуктивную функцию, которая состоит в принятии реальности без иллюзий справедливости, в формировании сомнений в том, что кажется абсолютным правилом, в демонстрации возможности множественности интерпретаций и предоставлении возможности отреагировать травматические переживания, разделив их с другими. Рубин и Пепло²⁵ (1975) подчеркивали, что именно телевидение и кинематограф могут смягчать негативные следствия иллюзии справедливости – жестокость к неудачникам, авторитаризм, консервативность и другие малосимпатичные феномены.

Фильмы про неправильные миры имеют возможность показать те аспекты реальности, которые противоречат иллюзии справедливости: бессмысленные страдания, обманутые надежды и торжествующее зло.

В зависимости от степени нарушения законов правильного мира можно выделить следующие группы неправильных миров: псевдонеправильные, маргинальные, собственно неправильные.

К псевдонеправильным относятся фильмы, в которых деконструкции подвергаются существующие правила и предлагаются, неявно, другие. Такого рода фильмы следуют законам правильного мира, показывая, как неудачи или успехи героя связаны с тем, что герой сумел или не сумел принять правильное решение, сделать правильный выбор. Но то, что в фильме показано как правильное или неправильное, может быть совсем нетривиальным, как, например, в фильме В. Гай-Германики «Да и да» (2015). Структура фильма воспроизводит структуру волшебной сказки²⁶, в которой герой или героиня отправляются из дома и попадают в сакральное место, где должны пройти испытания и доказать право на награду. В фильме учительница Саша тоже убегает из дома и тоже попадает в странную квартиру, где постоянно празднуют Новый год и вполне годящуюся на роль сакрального места. Там Саша встречает прекрасного принца, Антонина, уходит с ним и после чего начинаются испытания. Героиня трудится, как Машенька у Медведя, убирает жилище, кормит, бросается спасать, когда кажется, что принцу грозит смерть. Но, увы, подарка не получает и возвращается домой с депрессией. Казалось бы, что правила не сработали, но это не совсем так. Сработали другие правила. В исходном варианте героиня попадала к хранителю традиций и родовых тайн, и проходила экзамен на знание этих традиций, умение мыть пол и готовить кашу.

Но эта сказка про другое, в избушке живут художники и разговоры идут о творчестве. И Саше, чтобы пройти испытания, нужно показать способность к творчеству. Эта способность у нее есть, в критической ситуации, добывая деньги для лечения любимого, она рисует картины и успешно их продает. Но это не главное, главное – это то, что она отказывается признавать себя автором и приписывает проданные картины самому Антонину. Отказ от позиции автора, того, кто меняет реальность – это первая, но не последняя ошибка Саши. Вторую она допускает после измены, когда в сцене секса Антонина с другой девушкой в кадре появился гигантский опарыш, как бы иллюстрируя переживания героини. И вот если бы он стал темой следующей картины Саши, то испытание было бы пройдено! Художник имеет способность перерабатывать личные трагедии в искусство, это, возможно, его главный признак. Однако Саша испытание на способность быть художником проваливает. В результате получается фильм почти про мачехину дочку, которая неудачно сходила в гости к Морозко и, не соблюдая правила, награды не получила.

Вторую группу составляют маргинальные миры, включающие фильмы, расположенные близко к смысловому пространству

правильного мира, но лишённые его жесткости и однозначности. В зависимости от *точки неоднозначности* можно говорить о двух вариантах маргинальности – маргинальности героев и маргинальности правил. Маргинальность героев реализует пожелания Рубина и Пепло (1975), которые, говоря о том, что правильные тексты детских сказок формируют у людей веру в абсолютную справедливость, отмечали, что это не всегда полезно, так как в реальности такой справедливости нет и стоит обращать внимание детей на то, что в реальном мире хорошие парни не всегда выигрывают, а злодеи вполне могут торжествовать. Не переставая от этого быть злодеями. Сегодня это пожелание реализовано, и в огромном количестве популярных сериалов действуют совершенно неправильные герои. Кровавый маньяк Декстер расследует убийства и наказывает злодеев, обаятельный талантливый доктор Хаус – наркоман, социопат и вообще хам. Доктор в «Пьяной фирме» (2016) Г. Константинопольского беспробудно пьёт, но в целом очень хороший и о дочери думает. «Брат» (1997) А. Балабанова сделал кумиром для многих бандита и убийцу в исполнении интеллигентного Сергея Бодрова. Сюда, разумеется, можно отнести и огромное количество фильмов о симпатичных мошенниках, в которых далеко не всегда торжествует закон, а преступники несут наказание. Например, в фильме «Отпетые мошенники» (1988) Ф. Оза очаровательных авантюристов наказывает не закон, а более крутая конкурентка, под руководством которой они и продолжают работу в финале. Собственно, способ не совсем честного отъема денег у доверчивых простаков осуждается не слишком, крах терпят только сексистские идеалы героев.

Маргинальность героев стимулирует не прямое сомнение в справедливости мира и в существовании действующих правил. В таких мирах можно наблюдать размывание канона, появление более сложных и противоречивых героев, не укладывающихся в рамки абсолютно положительных образов. Но подобные варианты еще больше работают на укрепление веры в справедливость, показывая, что даже борьба со злом не спасает от проблем, если ты маньяк, а талант не делает счастливым без способности к теплым объектным отношениям. Что границы закона существуют, хотя иногда их можно, совсем немного, нарушать. Такого рода фильмы дают возможность отреагировать на желание нарушить закон, пофантазировать о возможности украсть миллион и перебить всех недругов. Безопасность фантазий гарантируется подчеркнутой условностью фильмов, отделяющей их от реальности.

О маргинальности правил речь идет в фильмах, не имеющих однозначной интерпретации и провоцирующих выстраивание

собственного понимания устройства мира. Маргинальность правил дает возможность видеть множество вариантов истолкования содержания фильмов, множество вариантов правил. Мир, изображенный в них, может быть построен по правилам, но правила при каждом истолковании могут быть разными, а в некоторых вариантах понимания их может не быть совсем.

В качестве примера можно привести фильм А. Тарковского «Сталкер» (1979). Фабула фильма тоже выстроена как традиционная сказка. В фильме герои отправляются в сакральное царство за мечтой, проходят многочисленные испытания и оказываются в заветном месте, возле комнаты, в которой должны исполняться желания. Однако исполняются именно заветные желания. Например, один из сталкеров, Дикобраз, пожертвовавший братом, просил в комнате брата вернуть, а получил богатство. И путники – Писатель и Ученый в комнату не входят а, посидев немного на пороге, возвращаются назад. В финале мы узнаем, что в комнату вообще никто не входит, герой несчастен и за свои попытки водить людей к комнате расплачивается инвалидностью дочери.

Фильм дает возможность для множества интерпретаций. Существует религиозная трактовка (Тарковский получил специальную премию экуменического жюри для внеконкурсного фильма на МКФ в Каннах в 1980 г.), подкрепляемая, в том числе, и словами режиссера, записанными Ольгой Сурковой: «Говорю тебе лично: это трагедия человека, который хочет верить, хочет заставить себя и других во что-то верить. Для этого он ходит в Зону. Понимаешь? В насковозь прагматическом мире он хочет заставить кого-то во что-то поверить, но у него ничего не получается. Он никому не нужен, и это место – Зона – тоже никому не нужно. То есть фильм о победе материализма...»²⁷. В этом случае отсутствие награды – это результат непройденного испытания, невыдержанной проверки на веру в Бога. Герои ничего не получают потому, что сомневаются в любви Бога и не решаются просить. Зло – это отсутствие истинной веры. Подобная интерпретация позволяет отнести фильм к правильным текстам, поддерживая веру в справедливый мир и объясняя существующее несовершенство мира тем, что «люди сами виноваты», так как у Дикобраза и желания дикобразовы, что бы он с собой ни делал.

Сходное понимание, хотя и с другими акцентами, возможно при психотерапевтической интерпретации. В этом случае проблемы героев не в отсутствии веры в Бога, а в отсутствии принятия себя, страхе узнать себя. В терапию люди идут для того, чтобы получить исполнение мечты, стать счастливыми. В процессе они должны

соприкоснуться со своими истинными желаниями и узнать, например, что на самом деле хотели денег, а не жизни брата. Что сами виноваты в жизненных неприятностях. Но для того, чтобы процесс терапии был возможен и внутренние изменения произошли, человеку необходимо иметь мужество со своими истинными желаниями встретиться. И принять то, что желание смерти брата не равно его убийству, а всего лишь свидетельство морального несовершенства. Что ты не герой, а так, обычный нехороший человек. Человек, сумевший это принять, уже поднимается над собой прежним, получает возможность большего соприкосновения с реальностью и тем самым изменяется. А герои останавливаются на пороге, боясь заглянуть в себя, не веря себе. Так что и в этом случае мир тоже оказывается справедливым и герои справедливо не получают награды. Но это может быть понято и так, что люди напрасно не верят себе и на самом деле они совсем не Дикобразы, либо как то, что на зону идут одни Дикобразы, знающие про себя, что они плохи, а других никого нет. Сталкер боится, что и у жены может не получиться, и что тогда?

Одновременно возможна и другая интерпретация, в которой фильм полностью совпадает со структурой волшебной сказки и герои получают свой приз. В этом варианте инициация таки состоялась на пороге комнаты, герои ее прошли, изменились, приняли свои ограничения, отказались от ложных целей и обновленными вернулись. Ученый разобрал бомбу и не стал уничтожать комнату, Писатель что-то понял о себе, людях и творчестве ... И хотя Сталкер страдает от сомнений, мы видим, что он делает нужное людям дело, тоже счастлив, жена его любит, а дочь, хоть и инвалид, наделена и сверхспособностями. «Если бы горя не было, счастья бы тоже не было», – говорит жена Сталкера, воспроизводя известную установку о том, что за все хорошее нужно хорошенько пострадать.

Еще одна трактовка дает возможность предполагать, что комната вообще не работает, потому как никаких доказательств этому нет. В этом случае обращение к волшебному месту бессмысленно, Сталкер водит людей в зону ради того, чтобы почувствовать свою значимость, дочку никто не спрашивал о том, хотела бы она получить возможность передвигать взглядом стаканы вместо здоровых ног, а уверения жены в своем счастье имеют природу стокгольмского синдрома. Ни одна из этих интерпретаций не является последней и окончательной, оставляя возможность постоянного пересмотра. Многовариантность истолкования работает на преодоление ощущения однозначности ситуации и стимулирует поиск собственных решений.

К собственно неправильным относится большой корпус фильмов, в которых полностью отсутствует связь морали и успеха и мир показан как место, где есть место незаслуженному несчастью и нет волшебных правил, позволяющих несчастье избежать.

Сюда входит и остросоциальное кино, такое как «Долгая счастливая жизнь» (2012) Б. Хлебникова, «Майор» (2013) и «Дурак» (2014) Ю. Быкова, «Лефиафан» (2014) А. Звягинцева и многие другие фильмы, в которых герои терпят полное поражение в столкновении с жестокой реальностью. В них мир представлен не только как безусловно несправедливый, но и как не содержащий на данный момент возможности для изменений. При том, что они воспроизводят неприспособленный для жизни мир и не отвечают на вопрос «Что делать?», они позволяют отреагировать на чувства, возникающие при переживании подобных ситуаций в реальности, и, при столкновении с подобными феноменами, правильно, без искажений, их идентифицировать как абсолютное зло.

Есть фильмы, играющие с идеей наличия правил и связи преступления с наказанием. Например, в фильме «Матч Поинт» (2006) Вуди Аллена – герой совершает преступление, повторяя путь героя «Американской трагедии», но избегает и наказания, и мук совести. Вуди Аллен отказывается от обязательного возмездия, и в его фильме это смотрится забавно. Зритель может сам оценить сюжет на правдивость, прикинуть, что такое и вправду бывает, и отправиться размышлять о том, что «все не так однозначно», всякое бывает, хотя убивать, конечно, нехорошо. В «Елене» (2011) А. Звягинцева речь тоже идет о преступлении без наказания. Героиня убивает мужа ради денег, для взятки за то, чтобы внука не взяли в армию. В этом случае деконструкции подвергается не только идея обязательности возмездия, но и концепт святой материнской любви, которая в фильме предстает в качестве источника зла. Преступление совершено, преступник не наказан, на постели убитого мужа младший внук героини делает первые шаги. Выводов никаких нет, но появляется масса вопросов.

Фильм «Прощай, детка, прощай» (2007) Бена Аффлекса – ставит под сомнение саму идею справедливости. Герой, честный частный детектив Патрик Кензи, расследует похищение ребенка. После нескольких крутых поворотов сюжета выясняется, что мать совсем не заботилась о дочери, что из-за связи матери с торговлей наркотиками девочке грозила опасность и единственной возможностью спасти девочку была инсценировка ее гибели. В результате один из полицейских, капитан Дойл, спас девочку от жизни с матерью-наркоманкой и поселил у себя в семье, где девочку опекают

и ей там очень хорошо. Дойл поступил не по закону, взяв на себя право решать, что для девочки лучше. Перед Патриком встает вопрос – сдавать Дойла полиции и возвращать девочку матери или оставить все как есть. Патрик вызывает полицию, девочку возвращают матери. В финале фильма мы узнаем, что мать не изменилась, девочка заброшена и ее будущее туманно. Фильм не дает ответа на вопрос – нужно ли было поступать по закону, можно ли нарушать закон ради спасения девочки, правильно ли поступил Патрик или правильно ли поступил капитан Дойл и пр. Здесь отсутствует не просто единая интерпретация фильма, но демонстрируется ограниченность человека в понимании того, что такое хорошо, а что такое плохо, и вариативность этого понимания.

Если фильмы, отражающие правильный мир, устроены так, что актуальные правила видятся как абсолютные и неизменные способы достижения успеха, а отступление от правил – как прямой путь к поражению, то в неправильных мирах эта жесткая однозначная связь ставится под сомнение, что дает возможность видеть относительность существующих правил и возможность формулировки новых, но уже не абсолютных. Сложные и неоднозначные герои создают условия для преодоления стереотипности восприятия и более полного принятия реальности.

Если вера в несправедливый мир как психологический феномен скорее разрушает личность, то образ неправильного мира, представленный в искусстве, создает условия для развития личности. Если правильные тексты создают идеальный мир, о котором можно мечтать и который нечасто встречается в реальности, то неправильные отражают те чувства, которые человек переживает при мелких неудачах и крупных провалах, при бедах и несчастьях, испытывая злость и разочарование, боль и страх. Соединяя собственные переживания с художественными образами, человек имеет шанс пережить катарсис, «посредством сострадания и страха очищение подобных страстей»²⁸. Будучи психологическим феноменом, вера в несправедливость не несет в себе ничего хорошего, обладает слабым адаптивным потенциалом и скорее разрушает психику, но неправильный мир как художественный образ придает дополнительное измерение в восприятии реальности: «...действие искусства, когда оно совершает катарсис и вовлекает в этот очистительный огонь самые интимные, самые жизненно важные потрясения личной души, есть действие социальное. Перековка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества»²⁹.

- ¹ *Протт В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
- ² *Кэмпбелл Д.* Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное. СПб.: София, 1997.
- ³ *Воглер К.* Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 35.
- ⁴ *Rubin Z., Peplau L.A.* Who believes in a just world? // *Journal of social issues.* 1975. Т. 31. № 3. С. 65–89.
- ⁵ *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2003.
- ⁶ *Lerner M.J., Miller D.T.* Just world research and the attribution process: looking back and ahead // *Psychological bulletin.* 1978. Vol. 85 (5). P. 1030–1051; *Lerner M.J., Simmons C.H.* Observer's reaction to the "innocent victim": compassion or rejection? // *Journal of Personality and social Psychology.* 1966. Т. 4 (2). P. 203–210.
- ⁷ *Hafer C.L.* Investment in long-term goals and commitment to just means drive the need to believe in a just world // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 2000. Vol. 26 (9). P. 1059–1073.
- ⁸ См. обзор: *Zagefka H., James T.* The Psychology of Charitable Donations to Disaster Victims and Beyond // *Social Issues and Policy Review.* 2015. Vol. 9 (1). P. 155–192.
- ⁹ См., например: *Lupfer M.B., Doan K., Houston D.A.* Explaining unfair and fair outcomes: The therapeutic value of attributional analysis // *British Journal of Social Psychology.* 1998. Vol. 37 (4). P. 495–511; *Otto K., Boos A., Dalbert C., Schöps D., Hoyer J.* Posttraumatic symptoms, depression, and anxiety of flood victims: The impact of the belief in a just world // *Personality and individual differences.* 2006. Vol. 40 (5). P. 1075–1084; *Xie X., Liu H., Gan Y.* Belief in a just world when encountering the 5/12 Wenchuan earthquake // *Environment and Behavior.* 2011. Vol. 43 (4). P. 566–586.
- ¹⁰ *Воглер К.* Указ. соч. С. 395.
- ¹¹ *Зоркая Н.* Проблемы изучения детектива: опыт немецкого литературоведения // *Новое литературное обозрение.* 1996. № 22. С. 65–77.
- ¹² *Raney A.A.* Punishing media criminals and moral judgment: The impact on enjoyment // *Media Psychology.* 2005. Vol. 7 (2). С. 145–163.
- ¹³ *Weigel R.H., Howes P.W.* Conceptions of racial prejudice: Symbolic racism reconsidered // *Journal of Social Issues.* 1985. Vol. 41 (3). P. 17–138; *Guzewicz T.D., Takooshian H.* Development of a short-form scale of public attitudes toward homelessness // *Journal of Social Distress and the Homeless.* 1992. Vol. 1 (1). P. 67–79; *Appelbaum L.D., Lennon M.C., Lawrence A.J.* When effort is threatening: The influence of the belief in a just world on Americans' attitudes toward antipoverty policy // *Political Psychology.* 2006. Vol. 27 (3). P. 387–402; *Campbell D., Carr S.C., MacLachlan M.* Attributing "Third World Poverty" in Australia and Malawi:

- A Case of Donor Bias? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2001. Vol. 31 (2). P. 409–430; *Correia I., Vala J.* When will a victim be secondarily victimized? The effect of observer's belief in a just world, victim's innocence and persistence of suffering // *Social Justice Research*. 2003. Vol. 16 (4). P. 379–400; *Correia I., Vala J., Aguiar P.* The effects of belief in a just world and victim's innocence on secondary victimization, judgments of justice and deservingness // *Social Justice Research*. 2001. Vol. 14 (3). P. 327–342; *Anderson V.N.* For whom is this world just?: Sexual orientation and AIDS // *Journal of Applied Social Psychology*. 1992. Vol. 22 (3). P. 248–259; *Appelbaum L.D., Lennon M.C., Lawrence A.J.* Op. cit.; *Bal M., van den Bos K.* Blaming for a Better Future Future Orientation and Associated Intolerance of Personal Uncertainty Lead to Harsher Reactions Toward Innocent Victims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38 (7). P. 835–844; *Drott C.E., Gaertner S.L.* Gender differences in reactions to female victims // *Social Behavior and Personality: an international journal*. 1994. Vol. 22 (3). P. 267–277.
- ¹⁴ *Rubin Z., Peplau L.A.* 1975. Op. cit.
- ¹⁵ *Rubin Z., Peplau L.A.* Belief in a just world and reactions to another's lot: A study of participants in the national draft lottery // *Journal of Social Issues*. 1973. Vol. 29. P. 73–93; *Rubin Z., Peplau L.A.* 1975. Op. cit.; *Wagstaff G.F.* Correlates of the just world in Britain // *The Journal of Social Psychology*. 1983. Vol. 121 (1). P. 145–146; *Furnham A., Gunter B.* Just world beliefs and attitudes towards the poor // *British Journal of Social Psychology*. 1984. Vol. 23. P. 265–269; *Furnham A., Procter E.* Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature // *British Journal of Social Psychology*. 1989. 28(4). P. 365–384; *Drott C.E., Gaertner S.L.* Gender differences in reactions to female victims // *Social Behavior and Personality: an international journal*. 1994. Vol. 22 (3). P. 267–277.
- ¹⁶ *Rubin Z., Peplau L.A.* 1975. Op. cit.
- ¹⁷ *Lench H.C., Chang E.S.* Belief in an unjust world: When beliefs in a just world fail // *Journal of personality assessment*. 2007. Vol. 89 (2). P. 126–135; *Liang C.T.H., Borders A.* Beliefs in an unjust world mediate the associations between perceived ethnic discrimination and psychological functioning // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 53 (4). P. 528–533; *Liang C.T.H., Molenaar C.M.* Beliefs in an Unjust World: Mediating Ethnicity-Related Stressors and Psychological Functioning // *Journal of clinical psychology*. 2016. Vol. 72 (6). P. 552–562.
- ¹⁸ *Dalbert C., Lipkus I.M., Sallay H., Goch I.* A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 30 (4). P. 561–577.
- ¹⁹ *Улыбина Е.В.* Указ. соч.
- ²⁰ *Борисов С.Б.* Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // *Школьный быт и фольклор: В 2 ч. Ч. 2.* Таллинн: Таллиннский педагогический институт им. Э. Вильде. 1992. С. 67–119; *Борисов С.Б.* Прозаические жанры девичьих альбомов // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 362–379.

- ²¹ *Борисов С.Б.* Указ. соч. 1996. С. 364.
- ²² Там же. С. 365.
- ²³ *Улыбина Е.В.* Указ. соч.
- ²⁴ *Воглер К.* Указ. соч. С. 395.
- ²⁵ *Rubin Z., Peplau L.A.* 1975. Op. cit.
- ²⁶ Подробнее см.: *Колотаев В.А.* Правильная сказка для взрослых девочек // Искусство кино. 2014. № 9. С. 21–24.
- ²⁷ *Суркова О.* Хроники Тарковского. Сталкер [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2002. № 10. URL: <https://www.kinoart.ru/archive/2002/10/n10-article24> (дата обращения 10.02.2017 г.).
- ²⁸ *Аристотель.* Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 651.
- ²⁹ *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. С. 238–239.

И.Ю. Перфильева

Ювелирные украшения в семиотическом поле советского кинематографа первой половины 1930-х гг.

Судьба ювелирных украшений в первые послереволюционные десятилетия складывалась драматично: от принципиального игнорирования как знаков, маркирующих буржуазную культуру «старого мира», до использования в качестве маркеров в семиотическом поле новой советской культуры. Ярче всего эволюция их статусного значения проявилась в советском кинематографе 1930-х гг. В первой половине десятилетия их появление в кинолентах было обусловлено спецификой построения кадра при переходе к звуковому кино, необходимостью задержать и сконцентрировать внимание зрителя на персонаже с помощью деталей, придающих кинематографической характеристике образа ту или иную окраску.

Ключевые слова: социальный маркер, гендерный маркер, дидактическое значение, аксессуар, вспомогательные средства, сатира, ирония, броши.

Появление ювелирных украшений в советском кинематографе на рубеже 1920–1930-х гг. доказывает, что жизнь управляется не только политическими концепциями, а в значительной мере гуманистическими законами.

История ювелирного дела в первые послереволюционные десятилетия – одна из самых драматических страниц в советский период России. В конце 1910-х гг. было просто не до таких мелочей, как украшения. В 1920-е гг. украшения прочно переместились в сферу субкультуры эппманов и не замечались, а фактически игнорировались творцами новой советской культуры.

Пафос 1930-х гг., когда вошел в полную силу процесс стратификации советского общества, определял и место и социальный

статус того или иного вида искусства в социокультурной иерархии государства, строящего «социализм в одной, отдельно взятой стране». Кинематограф 1930-х гг. развивается в сторону представления героев на авансцене истории: «... в момент штурма производственных рекордов, на конференциях и съездах колхозников и новаторов производства, на трибуне Верховного Совета, на праздничном параде, в момент полного успеха и торжества ...»¹. В то же время такие мастера киноискусства, как С. Эйзенштейн, понимали, что: «Раз центр внимания не целиком на человеке, не на его характере, не на его поступках, то *чрезмерно возрастает роль аксессуаров и вспомогательных средств*»². Однако осуществление этой задачи свойственно режиссерам второго поколения, сосредоточившим внимание на самой действительности, а не на ее образе. Это – С. Герасимов, Ю. Райзман, А. Зархи и И. Хейфиц. В их фильмах неразрывно соединено реальное и легендарное, будничное и высокое.

С другой стороны, если в 1920-е гг. создавались эпические ленты, не только запечатлевающие движение масс, но и рассчитанные на далекую историческую перспективу, то в 1930-е гг. оптимистичное кино, с ясными образами, ориентируется на самые широкие круги зрителя и потому должно быть «просто и доходчиво».

Но отказавшемуся от широких, масштабных обобщений советскому кинематографу первой половины 1930-х гг. еще неинтересны характеры, где хорошие и плохие черты переплетаются, создавая многоплановые образы. Пристрастный и принципиальный, он тяготеет к полярным характеристикам – зло или добро, что обусловило тенденцию к маркированию персонажей.

Именно тогда украшения оказались извлеченными из небытия и заняли свое, вполне определенное место в семиотическом поле советской культуры времен первых пятилеток. Ювелирные изделия обретают отчетливую отрицательную коннотацию, как находящиеся на «темной стороне», в противоположность орденам и значкам за достижения в области социалистического труда, спорта, культуры, образования и прочие выдающиеся подвиги мирного времени, находящимся «на светлой стороне» жизни. В киноискусстве ситуация еще более удивительная. Вопреки политической установке на создание фильмов, прославляющих героические будни строителей социализма, заявленной как программа создания советского кинематографа, в самом конце 1920-х гг. впервые на экране появляются ювелирные украшения, которым отводится хотя и второстепенная, но немаловажная роль маркера, обозначающего те или иные черты типичного представителя советского общества. Они становятся важными игровыми деталями, передающими нюансы литератур-

ного портрета киногероя, его социального положения и статуса. И в этом качестве их знаковая функциональность эволюционирует в диапазоне от символа гендерной принадлежности в начале десятилетия до едкой сатиры в характеристике образа на рубеже 1930–1940-х гг., подчеркивающей его/ее нелепость и комичность.

Истинная причина появления ювелирных украшений в советских кинолентах на рубеже 1920–1930-х гг. лежит вне идеологических установок и политических программ. Она обусловлена естественной логикой технического развития кинематографии, которая в свою очередь инспирировала рождение нового визуального образа и художественного языка его воплощения. Решающую роль в этом сыграл переход от немого к звуковому кинематографу³. Только что сложившаяся художественно-образная система и эстетика кино как вида искусства начинает меняться коренным образом: от воплощения «живой картины» к рассказу – изображению. Советское звуковое кино развивается в контексте социальной борьбы, проникновения в новые области жизни и искусства. Вслед за появлением звука меняется зрительный образ: плакатный, мгновенно считываемый в быстром ритме смены кадров уже не работает. Звук привел в кинотекст пространственные диалоги, а затем и монологи, что обусловило необходимость задержать внимание зрителя на персонажах. Для подробного рассматривания более подходил неспешный повествовательный ритм. С другой стороны, введение их в ткань киноленты побуждало зрителя внимательнее вглядываться в образы, данные на экране крупным планом. Во время диалогов и монологов героев возникала необходимость погрузить зрителя в визуальный образ среды, «зацепить» его взгляд выразительными знакомыми деталями.

Мастера советского звукового кино стали «учиться делать трехмерные, выпуклые вещи, уйдя от двухмерности плоских шаблонов “прямого провода” из лозунга в сюжет – без пересадки»⁴.

Вот тут-то новаторы советского кино и вспомнили об украшениях, позволяющих более детально «прописывать» художественные образы, психологизм развития личности в течение эпизода и на протяжении всей ленты. Это особенно важно в фильмах, где человеческие судьбы сюжетно не всегда прочно связаны друг с другом. Иногда в начале звукового кино ювелирные изделия обретали в фильмах и собственный голос. Так в ленте «Златые горы» (1931. Реж. С. Юткевич) крышка часов, подаренных «несознательному крестьянину» Петру «за усердие», громко щелкает при открывании, заставляя его испуганно вздрагивать. И эта звуковая деталь многократно повторяется в различных интонациях музыкальных

фраз в течение всего фильма. Но даже если украшения в реальности не имеют своего голоса, как национальные серебряные украшения на девушке-туркменке из фильма «Земля жаждет» (1930. Реж. Ю. Райзман), они все равно выразительно звучат как контрапункт немоте безводной пустыни.

А в ленте «Окраина» (1933. Реж. Б. Барнет) комедийный персонаж второго плана Манька Грешина (Е. Кузьмина), не участвующая в основных событиях драмы, олицетворяет исчезнувшее у главных действующих лиц человеколюбие в отношении к «врагу». Поэтому авторы наделили этот образ подчеркнутой женственностью, снабдив соответствующими атрибутами: зонтик, шляпка и бусы.

Современные исследователи справедливо отмечают, что «герой в системе сценария – это вектор. Практическая работа над созданием характера вытекает из жесткого правила: герой – это цель (стремление к ней, развитие). Тогда “не герой” – отсутствие цели, не является вектором в сценарии»⁵. Это относится ко всему кинематографу, но начало восходит именно к 1930-м гг., когда все сферы советского общества пронизаны пафосом движения к цели, в будущее и эти идеи персонафицировались в героях кинолент.

Их status quo обозначается уже в первых сценах, где расставляются акценты в характеристике образа: подлинное и напускное, необходимое и лишнее. Это определяет временные модальности, имеющие значение для дальнейшего развития персонажа: важно, какая из модальностей – прошлого, настоящего или будущего имеет первостепенное значение для персонажа. Так присутствие знаков прошлого в настоящем буквально свидетельствует об отсутствии будущего⁶. Если же в настоящем присутствуют знаки своего времени, это априори свидетельствует о ясном будущем. В таком контексте символическое значение роли «старых» и «новых» украшений в советском кинематографе 1930-х гг. просто невозможно не учитывать.

Вряд ли создатели кинолент 1930-х гг., пронизанных пафосом созидательного труда советского человека, глубоко задумывались над использованием ювелирных украшений. Они естественно возникают в структуре кинолент как «предметная партитура» в противопоставлений психологизма или символизма характера героя нарочитой визуальной поверхностности антигероя, спора между образом массы и индивидуальным характером в попытках серьезного исследования конкретных человеческих личностей. Но тем интереснее проследить их появление и эволюцию их «ролевого» значения в характеристике типического образа.

В современной литературе, посвященной советскому кинематографу этих лет, помимо чисто кинематографических проблем,

справедливо уделено немалое внимание костюму, его соответствию или несоответствию моде тех лет⁷. Что же касается ювелирных украшений, то эти «мелкие детали» до сих пор остаются вне поля зрения исследователей. И напрасно, они также могут «рассказать» немало интересного и о кинематографе, и о жизни людей этого времени, и, наконец, о самих украшениях 1930-х гг., история которых весьма непроста.

В отличие от костюма, моды как таковой в русском ювелирном деле 1930-х гг. фактически не существовало. Но очень любопытно, что кинематографисты не использовали и авторских «художественных украшений», которые появляются уже в середине 1920-х гг. в творчестве лидеров авангарда⁸. Главные «роли» в кинематографе отдаются не этим произведениям, а «старым» образцам из уходящего мира. И это вполне понятно. Во-первых, для кинематографистов 1930-х гг. важны были не украшения сами по себе, а возможность использовать их символическое значение. Здесь скорее действовал принцип творческого осмысления наследия: *не старое, не новое, а нужное*. Во-вторых, в кинематографе рубежа 1920–1930-х гг. просто нет персонажей, которые могли бы носить такие авангардные вещи. Кроме того, хотя авангардные стилистические тенденции отнюдь не исчерпаны до конца 1920-х гг., тем не менее обращение к ним в художественной практике накануне выхода Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций как в изобразительном искусстве, включая ювелирное дело, так и в советском кинематографе встречает жесткое неприятие. Изменения в социокультурной атмосфере жизни делает главной темой советского кинематографа отражение «реальной действительности»⁹, создание в доступных ему художественных формах идеального образа «советского человека, строителя социализма». В этом отражена прямая зависимость пути развития советского кинематографа от общего хода развития советского общества в этот четко ограниченный исторический период.

Кроме того, каждый случай обращения кинематографистов к ювелирным украшениям как характерным деталям того или иного персонажа обусловлен индивидуальными творческими позициями режиссеров. Для одних украшения так и оставались вне семиотического поля киноискусства, для других их роль в кинотексте прописывалась все яснее и полнее. В то время как одни пытались скорее освоить новый художественный язык звукового кино, другие продолжали исповедовать эстетику кино немого. Да и хронологически довольно трудно классифицировать значение украшений для кино, так как в значительной мере это определялось видением режиссера

и его соавтора оператора. В контексте темы статьи эти позиции не имеют решающего значения. Важно проследить основную тенденцию и выявить основные свойства украшений как символических знаков на семиотическом поле советского кинематографа 1930-х гг. Никогда более они не играли такой важной роли в киноискусстве, где разворачивалась острая творческая дискуссия, сталкивались производство и быт, социальный тип и живой человек, живописная форма и актерский диалог¹⁰.

Это убедительно показывают последние немые ленты рубежа 1920–1930-х гг. В них украшения в широком понимании – цветы в волосах, платочки и прочие – выполняют функции различных маркеров, заключающих в себе одновременно сразу несколько значений, которые позднее, в середине десятилетия, обретут более четкое и конкретное прочтение.

Одними из первых опытов использования украшений в кино стали немые картины «Я люблю» Л. Лукова (1927 г.) и «Кружева» С. Юткевича (1928 г.), которые были озвучены много позднее¹¹. Первая повествует о жизни шахтерского поселка в предреволюционном Донбассе, а вторая о жизни советской молодежи.

В этих лентах еще нет ярко выстроенных гендерных, социальных, дидактических или комических коннотаций. Зато отчетливо прочитываются черты драматической эволюции образов и социальной характеристики персонажей, которые впервые рассматриваются создателями кинодрамы как отдельные личности в массах.

Тема киноленты «Я люблю» обусловлена возникновением острой социальной проблемы: притоком в город, на строительные работы и на промышленные предприятия, освободившейся в деревне «несознательной» рабочей силы. Кинематограф должен был убедительно показать рост самосознания этих огромных масс. Для полноты картины важны были не только главные герои, но самые нестойкие узвзимые – женские образы.

В первых кадрах этой социальной кинодрамы Варя (Гуля Королева), внучка и любимица старого шахтера Никанора, олицетворяющая его молодость и одновременно идеал жизни, о которой он мечтает для своих внуков, появляется всегда смеющаяся и танцующая, как беззаботная птаха. Ее нравственная чистота подчеркивается цветком в волосах, а веселый и подвижный характер – бусами в четыре нитки. Она еще не столкнулась с суровой действительностью, в конце концов сломившую ее деда и круто изменившую судьбы всей семьи.

Бусы – одно из самых «говорящих» видов украшений. По классификации Г. Земпера они принадлежат к разделу «подве-

сок»¹². Формальное качество их – симметричность работает на демонстрацию положения фигуры человека – покоя или движения относительно земли, на которой он стоит. Это легко считывается в фильме. На семиотическом поле советского кинематографа 1930-х гг. они обретают значение символа принадлежности к «неосознательной» части общества – крестьянству.

Сначала, благодаря трудам Никанора, семья как будто богатеет, строит новое жилье – землянку в «собачевке». На празднике по случаю новоселья все женщины одеты в праздничные народные костюмы, украшенные бусами. По мере того как праздник набирает темп, бусы переходят из одного состояния в другое: от степенного покоя на праздничных вышиванках «отсталых» крестьянок до буйного метания во время пляски. И в этот момент, глядя на счастливые лица, зритель невольно начинает испытывать беспокойство, в немалой степени от мелькающих на экране бус, создающих в предметном ряду кинематографического полотна напряженный рваный ритм.

И действительно, беззаботная в начале фильма Варя ради умирающего деда идет на жертву, соглашаясь продать себя. И в этот момент бусы «исчезают» под шелковым платком, который дарит ей мастер. И хотя ей удается избежать падения, цветок в косах, как символ радости, больше не появляется на ней. Но бусы, как и крестьянская одежда, остаются, символизируя еще не полное гражданское созревание ее как личности.

В отличие от ленты «Я люблю», в «Кружевах» психология отсутствует начисто¹³. Эта картина сделана в стилистике монтажного, лирико-эпического немого кино¹⁴. По признанию самого режиссера, сделанному позднее, его пленила «необычная фактура кружевного производства». Это подтверждает и историк кино Л. Козлов, который отмечал, что «сама “материальная основа” проникла в монтажный и композиционный ряд картины, местами напоминая тонкую кружевную вязь»¹⁵. Таким образом, собственно сюжетная линия сценария «комсомольской фильма», посвященной борьбе рабочей молодежи с хулиганами, выпуску стенгазеты с хлесткой сатирой на бездельников и переоборудованию пивной в клуб, – все это необходимая канва, для того чтобы продемонстрировать эстетскую киноживопись последних немых картин. Поэтому главные персонажи ленты – не хрупкие фигурки людей, а машины, которые оживали, «смеялись», «грустили», застывали в «нерешительности». Отсюда острый актерский рисунок, смешение лирики и экцентрики отличают исполнение ролей в «Кружевах»¹⁶.

Характер ленты predetermined и роль украшений в ней. Ими наделена только девушка-белоручка Таня из пары отрицательных

персонажей – Таня и Сеня. На Тане – бархотка с брошью и серьги. Ей противопоставлена комсомолка Маруся из положительной пары – Маруся и Петя, полностью поглощенная общественной жизнью. Полосатая «соколка» на Марусе не допускает никаких украшений, разве что значка ГТО. Поскольку в фильме и не предполагалось развития характеров, а даны были только типические персонажи, то и символический язык украшений предельно прост: либо они есть, либо их нет.

Принцип символического прочтения украшения как «есть – нет» использован в киноленте ученика С. Эйзенштейна, режиссера Б. Юрцева «Изящная жизнь» (1932). По стилистике и характеру она целиком принадлежит эстетике немого кино: быстрый ритм смены кадров, четкая структура, панорамные съемки строительства – все работает на подчеркивание масштаба строительства новой жизни в Советской России, противопоставленной гедонизму западного мира. Однако самостоятельной темой в фильм введена история взаимоотношений между героями – Фреда (Б. Барнет) и Маруси (О. Жизнева). Его маскулинность подчеркнута кожаными браслетами на запястьях. Такие браслеты известны еще с древнейших времен. Они встречаются на изображениях борцов и гладиаторов. В советском фильме начала 1930-х гг. также символизируют необычайную силу героя. Однако она считывается не только как атрибут борца, спортсмена и воина, но и как борца за свои права, в том числе право на работу.

В противоположность ему Маруся, несмотря на внешнюю суровость и непреклонную волю девушки-регулировщицы, олицетворяет образ исключительно женственный. Правда, на ней нет таких мелочей, как ювелирные украшения, но их приближение прочитывается и притом в двух проекциях: и в динамике развития отношений героев, и происходящих изменений в них самих. В первых кадрах фильма героиня как будто сошла с советского плаката: образ грозного стража порядка, где женщина имеет равные права с мужчиной. Но как только рядом с ней появляется Фред, олицетворяющий силу и одновременно нуждающийся в помощи, образ героини обретает мягкость и женственность, в том числе и благодаря введению украшающих аксессуаров. Косынка на плечах, бантики на рукавчиках блузки продолжают линию «говорящих» деталей: арбуз, оставленный на скамейке во время их знакомства, как намек на продолжение их отношений, флаконы на туалетном столе в комнате Маруси как черты завуалированной женственности. Очевидно, что именно благодаря таким мелочам, как украшающие аксессуары – браслеты, косынка, бантики, – плакатно красивые

и одновременно довольно прямолинейные, плоские персонажи обретают достоверность образов живых людей.

Особое место в иерархии украшений в широком смысле имеют ордена и значки, несущие подчеркнуто положительную коннотацию. Эти артефакты эпохи первых пятилеток появились уже в конце 1920-х гг. и обрели исключительную популярность. Но в кино они встречаются только в середине десятилетия. В комедийной ленте «Частная жизнь Петра Виноградова» (1934, реж. А. Мачерет) изначально нет социального противопоставления героев. Все они новые люди эпохи строительства социализма. Правда, показаны не в работе, а в часы отдыха: гуляют в парке, читают друг другу стихи. В их поведении чувствуется энтузиазм, задор молодости. Нет и маркеров: ни гендерных, ни социальных. И хотя фильм в целом это комедия положений, но в финале не обошлось без идеологически обоснованного апофеоза: подчеркнутое внимание к парню с орденом (молодой, а уже с орденом), промелькнула девушка со значком ГТО, герой фильма – Петя Виноградов появляется с орденом Трудового Красного Знамени. Различные значки на груди Коти Охотникова и других персонажей представляют разнообразие деятельности молодой советской интеллигенции.

А вот в запрещенном фильме «Любовь Алены» (1934, реж. Б. Юрцев) значком ГТО, символизирующим активное участие в общественной жизни, положительно маркированным оказывается комический персонаж (дебют Л. Орловой). В комедийных лентах первой половины 1930-х гг. такие вольности не встречались. Это свидетельствует о том, что создатели ленты «Любовь Алены» не учли «говорящей» роли таких ювелирных изделий.

Таким образом, косвенно подтверждается факт неуклонного роста в середине 1930-х гг. символического значения тех или иных ювелирных изделий – значков или украшений – в семиотическом поле советского кинематографа.

Примечания

- ¹ Ханютин Ю. Художественное кино второй половины 30-х гг. // История советского кино. 1917–1967: В 4 т. Т. 2. 1931–1941. М.: Искусство, 1973. С. 164.
- ² Эйзенштейн С.М. Ошибки «Бежина луга» // Избранные статьи. М.; 1937. С. 384–385; Цит. по: Ханютин Ю. Указ. соч. С. 171.
- ³ «Звуковое кино» – одновременная запись на одной пленке изображения и звука, появляется в Москве и Ленинграде осенью 1926 г. Систематический выпуск звуковых фильмов на экранах страны начинается в 1930 г.

- ⁴ *Эйзенштейн С.* Пролетарское кино. 1932. № 17–18. С. 24.
- ⁵ *Мариеская Н.Е.* Время в кино. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 256.
- ⁶ Там же. С. 258.
- ⁷ *Дашкова Т.* Невидимые миру рюши: одежда в советском предвоенном и военном кино // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Вып. 3 (весна). 2007. С. 149–162; *Уиддис Э.* Костюм, предопределенный ролью: облачение «Другого» в советском кинематографе до 1953 года // Теория моды... С. 163–187.
- ⁸ Конструктивистские броши из агата. Свердловск, 1925 г. (ВМДПНИ); Супрематистские броши и пудреницы Н.М. Суетина. Серебро, эмаль, фарфор. Л., 1928–1930 гг. (ГРМ); Значки ДОБРОЛЕТ. Серебро, эмаль гильоше. М.; Л., 1923 г.; Супрематистские броши на портретах жены К.С. Малевича. 1920-е гг.
- ⁹ *Зак М.* Русское кино. Художественное кино первой половины 30-х годов // История советского кино... Т. 2. С. 35.
- ¹⁰ Там же. С. 29.
- ¹¹ Фильм «Кружева». 1928 г. Реж. С. Юткевич – озвучен только в 1970 г.
- ¹² *Землер Г.* О формальных закономерностях украшений и их значении как художественных символов // Практическая эстетика. М.: Искусство, 1970. С. 122.
- ¹³ *Багров П.* Советский денди. Сюжет для небольшого романа // Сеанс. 2004. № 21/22.
- ¹⁴ Введение // История советского кино... Т. 2. С. 9.
- ¹⁵ *Козлов Л.* Время и характер // История советского кино... Т. 1. С. 408.
- ¹⁶ Там же. С. 408.

О связи концепций истории кино и понятийного аппарата в киноведении

В статье рассматриваются «реалистический» и «конвенциональный» подход к научному аппарату в киноведении и определяются преимущества и недостатки каждого подхода. Доказывается, что оба подхода существуют только как часть истории кино и соотносятся как со способами излагать историю кино, так и с изменчивым содержанием исторического опыта, накопленного кинематографом.

Ключевые слова: история понятий, кинематограф, киноведение, реалистический подход, конвенциональный подход.

В аналитическом инструментарии современного российского киноведения функционирует множество исторически сложившихся понятий, – таких, как киноэкспрессионизм, киноимпрессионизм, соцреализм в кино, авторское кино, фотогения, большой стиль, «film noir» и др., – которые большинством историков кино традиционно воспринимаются в качестве универсальных опорных координат при изучении фильмов. В киноведческой практике они функционируют в качестве методологических инструментов, традиционно закрепленных за конкретным историческим киноматериалом (хотя многие из них распространяются и за его пределы), и выполняют роль своеобразных смысловых «фильтров», через которые этот материал пропускается. Появившиеся на протяжении XX века, такие понятия отражали различные эстетические и социальные установки, что позволяло задать исследователям определенные способы осмысления кинопроцесса. Со временем, под влиянием меняющихся обстоятельств, они трансформировались, что способствовало расширению границ их

содержания, что превращало их самих в объекты для интерпретации. Таким образом, над изучаемым историками киноматериалом сформировались обширные смысловые пласты-надстройки, переориентировавшие внимание с исследования конкретных явлений в кинопроцессе на формирование критической позиции по отношению к нему через выбор той или иной трактовки центральных понятий.

Для современного киноведения это обернулось рядом проблем. Во-первых, историки столкнулись с раздвоением объекта исследования, точнее, формированием дополнительного объекта (самого понятия), открыто не оговариваемого и даже в некоторых случаях, возможно, неосознаваемого самим исследователем. Процесс исследования, таким образом, приобретает двойственный характер – с одной стороны, ученый анализирует исторический киноматериал, с другой стороны, параллельно формирует собственную позицию в рамках того комплекса проблем, которые связаны с понятием, традиционно закрепленным за этим материалом.

Во-вторых, в отношении принципов осмысления этих понятий сформировалось две тенденции, в равной степени ставящие под сомнение когнитивный характер исследования и соответственно лишаящие киноведение традиционной для любой научной деятельности цели – познания. Одни ученые акцентируют какую-либо конкретную интерпретацию понятия, доказывая ее «истинность» с позиции собственных взглядов и отвергая все остальные возможные трактовки как ложные; другие же, наоборот, фокусируют внимание на самом факте наличия множества трактовок, не отстаивая ни одну из них и ограничиваясь констатацией отсутствия единого мнения. Обе тенденции отражают отношение самих исследователей к целям и задачам киноведения как научной деятельности: полемически навязываемый субъективизм позволяет извлечь сиюминутную пользу, превращая киноматериал в поле актуальной в конкретный момент идеологической борьбы; индифферентная констатация плюрализма субъективных позиций служит, как правило, инструментом обезвреживания подобной полемики. И в том, и в другом случае сам исторический киноматериал используется лишь как повод для решения не связанных с ним вопросов, и фактический или даже декларативный отказ от познания как основной цели киноведческого исследования ставит под сомнение (а в некоторых случаях даже оспаривает) отличие науки от других видов человеческой деятельности.

Актуальная на современном этапе киноведческой мысли в России, эта ситуация обнаруживает сходство с тенденциями

в зарубежном киноведении 1960–1980-х годов, и даже многие современные трактовки таких понятий, как, например, авторское кино и *film poir*, по-прежнему тесно связаны с трактовками тех лет, обусловленными тогдашней полемикой в социокультурной и социально-политической сферах. Вследствие этого на данном этапе вновь оказываются актуальными те англо-американские исследования в области кинометодологии, которые тридцать лет назад предложили способы преодоления аналогичной ситуации за рубежом. Тогда ключевую роль в этом процессе сыграла монография Роберта Клайда Аллена и Дугласа Гомери «История кино: теория и практика» («*Film History: Theory and practice*», 1985), сформулировавшая текущие на тот момент проблемы методологии изучения истории кино в тесной связи с крупнейшими концепциями исторической науки XX в. Проведенные авторами исследования и предложенная ими новая методологическая база изучения истории кино дают возможность по-новому взглянуть на факт бытования в современном научном инструментарии киноведения исторически сложившихся понятий.

Авторы монографии предлагают рассматривать методы, используемые киноведами, в контексте трех направлений методологии исторической науки XX века, определяемых ими как «эмпиризм», «конвенционализм» и «реализм».

Для эмпиризма, исторически связанного с философией позитивизма второй половины XIX – первой половины XX в., точкой отсчета являются сами факты прошлого, которые существуют независимо от историка и являются объектом его изучения. В задачи исследователя входит лишь отбор, систематизация и использование этих фактов в качестве подтверждающих доказательств для создания новой (или подкрепления уже существующей) концепции. По отношению к фактам эта концепция является вторичной, поскольку для историка-эмпирика факты изначально содержат в себе объективный смысл (то, что называется, «говорят сами за себя»), а роль самого историка при таком подходе оказывается упрощенной.

Если обратиться к проблеме функционирующих в современном киноведении исторически сложившихся понятий, то следует обратить внимание на то, что большинство из них сформировалось именно в рамках эмпирического подхода. Формирование этих понятий было результатом концептуального осмысления киноматериала, и индуктивное подкрепление теории фактами (самим отбираемым киноматериалом и его «объективными» характеристиками) свидетельствовало о «верности» выдвигаемых теорий.

Вера историков-эмпириков в начале изначально заложенно-го в самих фактах объективного смысла, вступающего в прямую взаимосвязь (по принципу индуктивного «доказательства») с выстраиваемой научной концепцией, неоднократно подвергалась критике со стороны постпозитивистов. Например, Карл Раймунд Поппер отверг восходящие к Аристотелю (согласно которому «определение есть утверждение о внутренней сущности или природе вещи») воззрения о связи «проблемы источника с проблемой фактуальной истинности», замечая, что «определения никогда не дают никакого фактуального знания о «природе» или о «природе вещей»¹. Заострив внимание на этом же аспекте, Аллен и Гомери обращаются к Эдварду Карру, предложившему провести различие между «фактами прошлого» и «историческими фактами»: «всё, что случилось – это факт прошлого, который в потенциале является источником исторической информации. ...Факт прошлого становится историческим фактом, когда историк решает использовать его для построения исторического анализа»². Резюмируя, что историк-эмпирик реально имеет дело не с «фактами прошлого», но с «историческими фактами», Аллен и Гомери заключают: «факты прошлого существуют независимо от ума историка, но исторические факты являются теми отобранными из прошлого материалами, которые историк считает подходящими для своего аргумента. Историк не может знать прошлое «таким, каким оно действительно было», он его знает таким, каким оно лишь могло быть, поскольку наша информация о прошлом частична и всегда чем-либо опосредована»³.

Второе направление методологии исторической науки Аллен и Гомери определяют как «конвенционализм». Сформировавшийся под влиянием школы структурной лингвистики на рубеже XIX–XX вв., этот подход получил распространение в области изучения истории кино после Второй мировой войны. Согласно Аллену и Гомери, для конвенционалистов исторический анализ предстает «не прозрачным окном, сквозь которое исследователь наблюдает и описывает реальность или прошлое, а набором линз и фильтров, расположенных между исследователем и реальностью»⁴. Историк-конвенционалист оперирует любой научной концепцией как языком, т. е. знаковой системой, неспособной отразить объективное положение вещей (сами «факты прошлого») – так как уже сам выбор языка изначально носит субъективный характер. Вследствие этого, индуктивное подкрепление теории фактами не может привести к объективности исторического анализа, поскольку сами факты всегда осмысляются согласно тем конвенциям-языкам, ко-

торые выбирает исследователь. Подобный релятивизм концепций, в отличие от эмпиризма, уже не предполагает, но открыто декларирует невозможность объективного познания реальности, что лишает научную деятельность когнитивных качеств.

В своей поздней, постструктуралистской фазе (1970-е годы) подобный подход привел многих исследователей к отрицанию самой объективной реальности и констатации существования множества знаковых систем, каждая из которых конструирует свою собственную реальность. На этом этапе в киноведении сама идея концептуального осмысления киноматериала столкнулась с проблемой того, что «ученые и историки из-за различия во взглядах “видят” мир по-разному»⁵. Чтобы понять, каким образом понятия соотносились с киноматериалом на данном этапе, можно представить сам процесс их функционирования в киноведческих исследованиях в виде классической структуры референции (соотнесения знаковой структуры с референтом), состоящей из трех элементов – символ/знак, смысл/концепт и референт/денотат (по Ч.К. Огдену и А.А. Ричардсу и по Г. Фреге). Единственной неизменной частью этой структуры при конвенциональном подходе остаются символы/знаки (т. е. обозначающие понятия термины), смысловая же область (содержание понятия) рассматривается как относительная, обусловленная выбором языка. В соответствии с субъективным выбором смысла/концепта субъективно определяется и соотносимый с понятием референт – количество охватываемых фильмов, а также их характеристики. Иными словами, киноведческий понятийный аппарат на данном этапе наполняли термины (слова), лишённые единых, признаваемых всем научным сообществом, смыслов и соотносимые как с историческим киноматериалом, так и с научными концепциями фактически по принципу субъективного выбора самих исследователей. Декларативный отказ от идеи существования объективной реальности исторического материала привел к открытому отказу от когнитивного характера научной деятельности.

Таким образом, во второй половине XX века возникли предпосылки для преодоления этих проблем. В 1960–1970-е годы английская школа философии истории разработала так называемый «реалистический подход» («Realist approach»), наиболее последовательно представленный в первой работе Роя Бхаскара «Реалистическая теория науки» («A Realist Theory of Science», 1975), тезисы которой были адаптированы для киноведения Алленом и Гомери в середине 1980-х годов. Опуская вопросы точности этой адаптации (по причине того, что не книга Бхаскара, а именно монография Аллена и Гомери оказала влияние на последующее киноведение),

рассмотрим, каким образом в киноведении были сформулированы новые методологические принципы исторических исследований.

Согласно Аллену и Гомери, реалистический подход воскрешает представления об объективном существовании «фактов прошлого». Сама история предстает для Аллена и Гомери в виде масштабного комплекса причинно-следственных связей, который исследователь может раскрыть лишь частично. По отношению к «фактами прошлого» эти связи являются т. н. «порождающими механизмами» («generative mechanisms»). Следовательно, факты для исследователя не являются самодостаточными, они предстают лишь результатом («effect») других, более глубоких процессов, взаимосвязь которых и является объективной историей. Превращение «фактов прошлого» в «исторические факты», т. е. сам процесс формирования научного суждения заключается во вскрытии тех механизмов, которые могли послужить объективной причиной возникновения фактов. Вследствие этого, внимание историка-реалиста направлено на те исторические факторы и обстоятельства, которые способствовали появлению «фактов прошлого», или, по выражению Аллена и Гомери, историческое исследование заключается в поиске ответа на вопрос «Почему данное событие имело место?»⁶.

При этом следует отметить, что в фокусе внимания историка оказывается именно ближайший исторический контекст, который может быть напрямую соотнесен с объектом исследования по принципу «причины и следствия». Изучение же других факторов, приведших к появлению самих этих «причин», приводит к изменению объекта и предполагает продолжение работы уже в рамках другого исследования. Если конвенциональный подход предполагает отсутствие границ контекстов, в которых может быть рассмотрен фильм, то реалистический, напротив, способствует их максимально возможному определению. Контекст здесь строго ограничен историческими рамками, т. е. его границы проходят в тех областях, за которыми он уже не может соотноситься с объектом по принципу объективной причинно-следственной связи. Таким образом, научная деятельность сохраняет когнитивный характер – правда, уже не на уровне утверждения непреложности высказываемых суждений, а на уровне самого стремления к их объективности.

Согласно Аллену и Гомери, в отношении кино «порождающие механизмы» могут быть обнаружены в технологической, экономической, эстетической и социальной сферах⁷. Фильм для историка предстает, таким образом, в четырех ипостасях: как комплекс технических устройств и приемов; как товар, связанный с экономической областью кинопроизводства и кинопроката; как художественная

форма, отражение представлений о кино как искусстве; как коммуникативная среда, возникающая в зрительском восприятии. Поскольку рассмотрение фильма в одном из этих ракурсов не противоречит возможности его рассмотрения в другом, данный подход позволяет отказаться от двух сложившихся в киноведении традиций, следование которым зачастую обусловлено идеологическими позициями самих исследователей: противопоставление фильма как произведения искусства фильму как товару, с одной стороны, и противопоставление фильма как коммуникативной среды фильму как техническому комплексу – с другой⁸. Рассмотрение самих этих киноведческих традиций в исторической плоскости позволяет нивелировать борьбу мнений, характерную для большинства историков-эмпириков.

Возвращаясь к проблемам киноведческой понятийной системы, следует обратить внимание на важный аспект реалистического подхода – принцип исторической рефлексии по отношению к самой эволюции киномысли. Каждое суждение о фильме (включение его в ту или иную категорию, наделение его определенными характеристиками и рассмотрение его в каком-либо ракурсе) на своем историческом витке точно так же, как и фильм, является результатом действия неких «порождающих механизмов», и занимает свое место в истории изучения этого фильма. Такой подход дает возможность увидеть исследуемый фильм во всем его многообразии – не только как явление, однажды порожденное теми или иными факторами, но и как явление, продолжающее существовать в истории суждений о нем и видоизменяющееся в контексте новых этапов развития киномысли. Однако для историка объектом исследования могут быть не только фильмы, но и сами киноведческие термины, понятия и концепции. Следовательно, каждое когда-либо высказанное суждение о каком-либо киноведческом понятии (включающее любое его соотнесение с киноматериалом) предстает обусловленным теми или иными «порождающими факторами» в истории развития самой киномысли, и поэтому оказывается неотъемлемой частью эволюции исследуемого понятия. Когнитивный характер научной работы при таком подходе выражается не в установлении «истинных» и «не истинных» суждений, а в констатации объективно существующего прошлого – сложившегося на данный момент комплекса высказанных о понятии суждений. Последнее сводит на нет идею борьбы исследовательских концепций, поскольку каждая из них оказывается всегда обусловленной своим «временем и местом» и является лишь частью общего исторического процесса.

Таким образом, реалистический подход позволяет рассматривать киноведческие понятия вне их традиционной связи с кинома-

териалом, поскольку эта связь, однажды высказанная и в какой-то момент ставшая традицией, является частью истории самого понятия. Подобное видение предполагает устранение двойственности объекта исследования, так как позволяет изучать по отдельности и киноматериал, и традиционно связываемые с ним киноведческие воззрения. Кроме того, исследования, придерживающиеся реалистического подхода, позволяют заново поднять тот вопрос, с которым сталкивается любая фаллибилистская концепция исторического процесса: происходит ли в процессе эволюции науки постепенное накопление знаний (по выражению Поппера, так называемый «рост научного знания»), или эти знания регулярно «обнуляются» в процессе смены парадигм (по Томасу Куну), формирующих новые конвенции между членами научного сообщества.

На сегодняшний день за рубежом реалистический и конвенциональный подходы остаются ведущими концепциями исторической науки, и выбор методологических принципов изучения эволюции киноведения во многом обусловлен мировоззренческим выбором конкретного исследователя между ними. В противовес восприятию истории киномысли как бесконечного пространства суждений и языков, реалистический подход предлагает «временную» организацию этого пространства, исследуя возможные причинно-следственные связи между каждым конкретным суждением и окружающим его историческим контекстом на очередном этапе развития киномысли.

Примечания

¹ *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: рост научного знания / Пер. с англ. М.: АСТ, 2008. С. 42–43.

² Цит. по: *Allen R.C., Gomery D.* Film History: Theory and practice. N.Y., San-Francisco: McGraw-Hill, 1985. P. 7.

³ *Ibid.* P. 8.

⁴ *Ibid.* P. 11.

⁵ *Ibid.* P. 12.

⁶ *Allen R.C., Gomery D.* Op. cit. P. 15.

⁷ *Ibid.* P. 37–38.

⁸ Первая традиция связана с «авторской теорией», выдвинувшей идею противопоставления «искусства» (фильм как произведение) «массовой продукции» (фильм как товар). Вторая традиция возникла с появлением новых технологий (видео, цифровые носители, интернет), отменивших непреложность традиционного носителя (киноплёнки), что заставило многих киноведов рассматривать фильм исключительно как медиасредство.

Онтологизация как метод искусствоведения

Статья посвящена описанию метода онтологизации в качестве функционального прикладного инструмента искусствоведческих исследований и в то же время как системообразующего метода в отношении самого искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности.

Ключевые слова: методология искусствоведения, теория искусства, онтологизация, онтология искусства, онтология искусствоведения, мета-онтология искусства, методы искусствоведения, наука об искусстве.

Существование любой предметной области основано на ряде изначальных допущений, реализующих ее выделение из объектной области, что обуславливает возникновение определенной дисциплинарной предметности, объединяющей исследователей, работающих над формированием единой знаниевой сетки в отношении образуемой предметной области. Формирование же знаний в условиях конкретной дисциплинарной предметности в отношении той или иной предметной области, как правило, связано с использованием одних и тех же методов, функциональных в тех типичных познавательных ситуациях, в которых оказывается исследователь, имеющий дело с данной предметной областью, и которые уже характеризуют как специфику получаемого знания, так и характер самой научно-исследовательской деятельности. Однако возникают ситуации, в которых существующие методы, используемые в условиях определенной дисциплинарной предметности, оказываются нефункциональными, или же те результаты, которые получаются при использовании традиционного методологического инструментария, являются неадекватными познаваемому. Исходя

из конкретных причин проблемных ситуаций, выходом из них может быть, во-первых, проблематизация используемых в данной дисциплинарной предметности методов и познавательных подходов и расширение используемого методологического инструментария, соответствующего новым познавательным запросам, а во-вторых, корректировка границ той предметной области, в отношении которой осуществляется формирование системы знаний – ее расширение или же принципиальное отсечение от нее тех частей, которые по тем или иным причинам со временем попали в ее границы, но в отношении которых в условиях данной дисциплинарной предметности знания не формируются.

Предметная область искусствоведения, с одной стороны, чрезвычайно широка, но с другой – определенным образом логически фрагментирована на целый ряд обособленных предметных областей (изучение изобразительного искусства, музыковедение, театроведение, киноведение и т. д.), характеризующих исследовательский фокус на том или ином виде деятельности, как правило, интерпретируемом как художественный. В то же время характер этой деятельности, тот материал, с которым имеют дело авторы, а также производные формы их творческой активности за последние сто лет претерпели и продолжают претерпевать такую трансформацию, что исследование объектов, находящихся в границах одной и той же предметной области и формально, по идее, соотносимых друг с другом по их видовому определению, практически невозможно проводить с использованием одного и того же методологического инструментария. В связи с этим возникает проблемная ситуация, связанная с тем, что одни из художественных форм (условно назовем их *предметно-устоявшимися*) оказываются полноценно исследовательски отрефлексированы с использованием традиционных, вполне функциональных для этого методов, а другие (назовем их *предметно-неопределенными*) или, во-первых, оказываются вовсе вне исследовательского фокуса в условиях той дисциплинарной предметности, к которой по формальным признакам они относятся, или, во-вторых, отрефлексированы с использованием все тех же методов, которые функциональны для использования предметно-устоявшихся форм, однако применимы к предметно-неопределенным формам лишь формально и просто-напросто не имеющих возможности адекватно опредметить их, или же, наконец, в-третьих, получают знаниевое измерение вообще вне искусствоведческого поля, что при их дальнейшем рассмотрении в границах искусствоведения приводит к смешению ряда несочленимых друг с другом знаниевых сеток.

В такой ситуации одним из функциональных методов, с помощью которого могут быть оптимизированы исследовательские стратегии, в первую очередь, в отношении предметно-неопределенных художественных форм, является практически не используемый в искусствоведении метод онтологизации. Для того, чтобы обосновать функциональность использования этого метода в искусствоведческих исследованиях, необходимо сначала кратко описать сам метод онтологизации, а затем показать возможность и эффективность его применения в качестве прикладного, а при определенных условиях – и системообразующего метода искусствоведения.

Онтологизация как метод

Прежде чем приступить к изложению онтологизации как специфического метода и описанию его функциональных возможностей, необходимо сделать несколько важных замечаний, связанных с устойчивым вне специфического методологического дискурса отношением к самим терминам «онтология» и «онтологизация».

Во-первых, надо однозначно сартикулировать чрезвычайно важное положение: онтологизация как метод не имеет никакого отношения к онтологии в философском понимании. Онтологизация как метод не связана с попыткой объяснения сущности бытия и не является его философской интерпретацией, хотя и может быть использована для этого.

Во-вторых, задействование термина «онтология» при рассмотрении тех или иных объектов или явлений не всегда связано с их отнесением к философской онтологии, но определяет их собственную уникальную сущность, и таким образом для корректного понимания использования термина «онтология» каждый раз необходимо контролировать считывание того контекста, в котором данный термин используется.

И наконец, термин «онтология» не является своеобразной фигурой речи, использование которой в искусствоведении хотя и не очень распространено, но все-таки время от времени встречается. В условиях гуманитарного дискурса «онтология» – не игровой термин, хотя, конечно, и может быть использован в качестве такого, что, конечно же, изначально искажает понимание того текста, в котором оно было употреблено в данном качестве, и, что самое досадное, затрудняет его понимание в том случае, когда термин «онтология» употребляется в контексте специфической методоло-

гической работы, связанной с использованием в качестве инструментария метода онтологизации.

Онтологизация как специфический метод, не относящийся напрямую к философии, в шестидесятых годах двадцатого века начинает использоваться в специальной методологической работе¹, а в начале девяностых получает распространение в информационной инженерии, связанной с разработкой программного обеспечения для автоматизированных систем и компьютеров². В первом случае онтологизация как метод связана с попыткой выявления онтологии в отношении существующего, во втором – с димиургическим заданием онтологии создаваемому. Поэтому в условиях методологической работы онтологизация – метод познания, а в информационной инженерии – метод креации. Так как нас метод онтологизации интересует как метод познания, то именно так мы и будем его рассматривать.

В связи с тем что в специальной методологической работе, в которой онтологизация и актуализируется как метод познания, он используется в определенном проблемном контексте и для решения конкретных задач, то для того, чтобы не отяготить описание онтологизации спецификой его практического применения, остановимся на главных положениях данного метода, которые необходимо понимать, чтобы иметь возможность его функционально использовать.

Для описания онтологизации мы будем следовать алгоритму, позволяющему представить метод, с одной стороны, достаточно полно, а с другой – доступно и понятно:

- а) описание принципа, лежащего в основе метода;
- б) описание процедур, с использованием которых метод реализуется;
- с) описание операционных средств, с помощью которых реализуются процедуры метода;
- д) описание принимаемых допущений, необходимых для возможности использования метода;
- е) описание процедуры верификации результатов, полученных с использованием метода.

Онтологизация как метод может быть описан следующим образом:

- а) принципом онтологизации является установление состава, определяющего в условиях конкретного избранного масштаба уникальность рассматриваемого по отношению к чему-либо иному; в зависимости от того, что является непосредственно рассматриваемым (онтологизируемым),

элементами состава могут являться свойства, качества, компоненты, отношения между компонентами, процессы, производные процессов, функции и т. д.;

- б) исходя из этого принципа, процедурами онтологизации являются:
- определение целостности рассматриваемого в соотнесении с масштабом его рассмотрения;
 - определение (при необходимости) того, от чего отделяется рассматриваемая целостность, и чем она не является;
 - определение субстанционального элемента или элементов, обуславливающих конструктивную целостность рассматриваемого, а также возможных процессов, которые они реализуют и/или которыми они связаны (при наличии процесса/процессов – определение получаемого производного/производных);
 - определение достаточной структуры онтологии рассматриваемого, состоящей из частей онтологизируемого непосредственно обусловленных его субстанциональными элементами (масштаб достаточной структуры конструируемой онтологии зависит от специфики изначально определенной целостности рассматриваемого и цели конкретного исследования);
- с) операционными средствами для реализации процедур онтологизации являются непосредственное наблюдение или мысленное представление, мыслительная деятельность, которая может носить как индивидуальный, так и коллективный характер, методы представления результатов мыслительной деятельности (например, в качестве такого метода при конструировании теоретической модели онтологии кино³ использовался системодетельностный подход Г.П. Щедровицкого⁴), средства выражения результатов мыслительной деятельности (так как продуктом онтологизации всегда является теоретическая модель онтологии рассматриваемого, то средствами выражения результатов мыслительной деятельности могут быть любого рода знаковые структуры – языковые, условные, схематические);
- д) допущения, связанные с применением метода онтологизации, связаны с тем, что рассматриваемое выделяется из имеющейся данности и определяется в виде обособленной целостности, в основе которой лежит некая субстанциональная структура (онтология или иначе – онтологическая схема), обуславливающая наличие этой целостности;

- е) результаты проведенной онтологизации верифицируются с помощью сопоставления теоретической модели верифицируемой онтологии с результатами онтологизации того же самого, проведенного в тех же самых условиях, причем разность выражения результатов онтологизации не является причиной для критики и проблематизации верифицируемого – это вполне возможно вследствие формальной разницы средств выражения результатов мыслительной деятельности.

Как и любой другой метод, метод онтологизации может быть использован в различных ситуациях, однако можно выделить как минимум три места его приложения, в которых данный метод оказывается наиболее функциональным.

Во-первых, онтологизация может быть применена в качестве метода теоретического обоснования обособления формально выделяемой целостности из имеющейся объектной данности. Собственно – это главная функция метода онтологизации, которая позволяет проводить обоснованную демаркацию в условиях различных масштабов, начиная от отделения друг от друга простейших объектов до демаркации предметных областей знаний, а также дробления самих этих областей.

Во-вторых, онтологизация может выполнять функцию по организации знаний в условиях той целостности, в отношении которой с ее использованием была сконструирована онтология: вся совокупность знаний о целостности является не чем иным, как знанием, вырастающим из теоретической модели онтологии этой целостности. Это значит, что, имея теоретическую модель онтологии некоей целостности, можно построить теоретическую модель в отношении всей этой целостности. Причем важно заметить, что это знание будет методологически целостным, исключая вариативность знаний в условиях данной онтологии или же включающим, но объясняющим такую вариативность, то есть трансформируя ее из потенциально проблемной ситуации, в которой присутствуют конкурирующие друг с другом знаниевые представления в отношении одного и того же, в ситуации нормальную, определенным образом объясняемую.

И наконец, онтологизация может выполнять функцию по формализации выражаемых знаний: в случае реализации онтологизацией функции по организации знаний выводимая из теоретической модели онтологии совокупность знаний о целостности всегда будет иметь единообразный и гомогенный вид.

Онтологизация как прикладной метод искусствоведения

В качестве примера функциональности применения метода онтологизации в прикладных искусствоведческих исследованиях возьмем две реальные проблемы, которые могут быть решены с его помощью.

Первая проблема связана с возникновением новых видов деятельности, а также с фокусировкой исследовательского взгляда на уже имеющихся, продуктивный выход которых может быть интерпретирован в качестве произведения искусства.

В ситуации возникновения новых видов деятельности, которые становятся предметом искусствоведческой рефлексии – ситуации расширения предметной области искусствоведения – онтологизация может быть использована для обоснованной дисциплинарной фрагментации: определяя онтологию, которая полагается в основу нового сегмента, входящего в предметную область искусствоведения, происходит, во-первых, обособление основанного на данной онтологии сегмента от иных сегментов, в основании которых лежат собственные отличные онтологии, а во-вторых, демаркация зоны действия для дисциплинарной предметности, всегда ограниченной определенной конкретной предметной областью. Таким образом, с использованием метода онтологизации могут и определяться новые сегменты предметной области в границах искусствоведения, и верифицироваться и уточняться сегменты уже существующие – обособленные в результате возникновения исследовательской рефлексии без использования метода онтологизации, а следовательно, скорее всего, и отделенные от иных сегментов весьма условно и, возможно, не всегда корректно.

Вторая проблема связана с необходимостью принципиального и доказательного разведения отчасти или буквально схожих формосодержательных производных – например, сценического и перформативного действия, или кинофильма и произведения видеоарта.

В данном случае для каждой из разводимых формосодержательных производных с использованием метода онтологизации конструируется собственная онтология, уникальность которой при сопоставлении с онтологией схожего и указывает на принципиальное различие рассматриваемого. Возможно же построения для двух обособленных объектов единой онтологии связана со спецификой их собственной онтологии – допускающей это без уничижения собственной уникальности или же нет.

Причем при корректном использовании метода онтологизации исчезает ситуация возможной фиксации двух и более онтологий в отношении одного и того же: одно и то же, объясняемое по-разному – это личная проблема данных оппозиционеров, по тем или иным причинам не умеющих или не желающих абстрагироваться от довлеющих над ними познавательных установок. Хотя, конечно же, сконструированная с использованием метода онтологизации онтология чего бы то ни было не является истиной (в гуманитарном знании, связанном с человеческой деятельностью, которая принципиально познаваема, корректно полученная онтология все-таки может рассматриваться как таковая), но тем знанием, которое в актуальный момент времени максимально соответствует рассматриваемому, с учетом имеющихся у исследователя данных как о нем самом, об этом рассматриваемом, так и об имеющихся в отношении него интерпретациях.

Онтологизация как системообразующий метод искусствоведения

Искусствоведение как специфическая дисциплинарная предметность, а также соответствующая ей предметная область на настоящий момент представляются в виде исторически сложившейся данности, к которой возникает множество полемичных вопросов, среди которых, например, такие: что имеет право быть включенным в границы предметной области искусствоведения, каковы сами эти границы, что является исходным для искусствоведения – формосодержательная целостность, в отношении которой возникает рефлексия, определенным образом маркирующая и координирующая ее по отношению к чему-то иному, или сама эта рефлексия, в условиях которой и возникает определенная «система координат» и специфических «маркеров», которые затем применяются к различным формам.

Сложность однозначного определения предметной области искусствоведения связана с тем, что, во-первых, ее составные части, в качестве которых могут быть определены различные виды деятельности, трансформируются в исторической перспективе, во-вторых, результаты центральной – объектно-продуктивной деятельности (изобразительные и архитектурные формы, музыкальные произведения, спектакли и т. д.), вследствие неомогенности материала, используемых средств и методов, принципиально несопоставимы друг с другом, в-третьих, традиционно используемое определение «художественная деятельность» в отношении рассматриваемой

объектно-продуктивной деятельности уже изначально связано с определенным формальным допущением, отсекающим те виды объектно-продуктивной деятельности, которые существующей традицией не маркируются как таковые (например, все силы первых кинотеоретиков и исследователей кино, стремившихся институализировать кинематограф в качестве специфического вида искусства, были направлены исключительно на то, чтобы доказать, что фильм может рассматриваться как произведение искусства, то есть результат не какой-то, а именно художественной деятельности), и, наконец, в четвертых, целый пласт не только искусствоведческих, но и философских рефлексивных представлений в отношении предметной области (главным образом связанных с формированием уже упоминавшихся выше «систем координат» и специфических «маркеров») необходимо рассматривать в качестве одного из компонентов самой этой предметной области, ведь именно ими задаются те условия и принципы, по которым одно отделяется от другого и определяется в качестве того, что интерпретируется как искусство, художественная деятельность и т. п. (если эту функцию оставить за самой дисциплинарной предметностью, что отчасти реализуется в существующей искусствоведческой традиции, то возникнет непродуктивная ситуация принципиальной вариативности знания в отношении одного и того же, что свойственно дисциплинарным предметностям без парадигмальной составляющей и на преодоление чего в том числе и направлен поиск оптимальных познавательных стратегий и обслуживающих их методов).

Решение обозначенных проблем и снятие любых вопросов возможно в результате реформатирования предметной области искусствоведения – задания изначально определенной онтологии данной предметной области, из которой и должна вырастать вся совокупность знаний о ней. А это возможно исключительно в результате применения метода онтологизации, который при реализации такого рода функции оказывается системообразующим методом искусствоведения, формирующим принципиально иной – метапарадигмальный тип дисциплинарного знания.

Описание онтологизации как специфического метода, а также некоторых возможностей его функционального применения в условиях искусствоведения, по большому счету – это только первый шаг к полноценному вводу данного метода в практику искусствоведческих исследований. А имея в виду те результаты, которые могут быть получены с его помощью, можно предположить, что активное внедрение онтологизации в практику искусствоведения – дело только времени и преодоления инерции довлеющей традиции.

-
- ¹ См., например: *Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования // *Щедровицкий Г.П. Избранные труды.* М.: Шк. культ. полит., 1995. С. 155–196; *Щедровицкий Г.П.* Заметки об эпистемологических структурах, онтологизации, объективации, реализации // *Вопросы методологии.* 1996. № 3–4 (23–24). С. 165–176.
- ² См., например: *Gruber T.R.* The Role of Common Ontology in Achieving Sharable, Reusable Knowledge Bases // *Principles of Knowledge Representation and Reasoning: Proceedings of the Second International Conference / Ed. by J.A. Allen, R. Fikes, E. Sandewall.* Cambridge MA: Morgan Kaufmann, 1991. P. 601–602; *Gruber T.R.* A Translation Approach to Portable Ontology Specifications // *Knowledge Acquisition.* 1993. Vol. 5 (2), P. 199–220; *Gruber T.R.* Toward Principles for the Design of Ontologies Used for Knowledge Sharing // *International Journal Human-Computer Studies.* 1995. Vol. 43. Issues 5–6. November. P. 907–928.
- ³ *Штейн С.Ю.* Онтология кино и проблематизация ключевых вопросов теоретического киноведения // *Артикульт.* 2013. № 2 (10). С. 98–106.
- ⁴ *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г.П. Избранные труды...* С. 233–280.

Т.Е. Савицкая

«Рыцарь Фальстаф»:
форма и содержание образа
(кувшин эпохи историзма из собрания
Саратовского государственного художественного
музея имени А.Н. Радищева)

Статья посвящена проблемам эволюции формы и содержательного наполнения образа традиционных немецких керамических сосудов (XVI–XVII вв.) во второй половине XIX столетия. На основе исследования одного из знаковых изделий бытовой керамики эпохи историзма – кувшина «Рыцарь» (Германия, Вестервальд, 1870 – начало 1880 гг., модель Р. Ханке) из собрания Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева автор выявляет, как трансформировалась форма «кувшина с бородатой маской», содержание этого образа и элементов декора. В статье анализируется, насколько мировосприятие людей эпохи историзма, их эстетические запросы и ценностные ориентиры проявляются в изменении смыслового значения образа и модернизации традиционной ренессансной формы сосуда.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, кувшин с бородатой маской, историзм, Ханке, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева.

Художественные изделия прошлых эпох, будучи частью культурной повседневности, вбирают в себя мировосприятие людей, их эстетические запросы и ценностные ориентиры. Однако многие музейные коллекции декоративно-прикладного искусства еще недостаточно изучены с целью выявления особенностей воплощения этого мировосприятия в художественных формах. Среди них – собрание немецкой бытовой керамики (кружки, фляжки, кувшины из каменной массы, 18 из которых выполнены в так называемую эпоху историзма, во второй половине XIX в.) Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева

(далее СГХМ). Собрание пришло от А.П. Боголюбова (1824–1896), основателя музея. Впервые внимание на данные предметы (всего их 25) было обращено в связи с подготовкой специализированной выставки «Россия–Германия. На перекрестке культур»¹. В статье будет рассмотрен один из наиболее выразительных сосудов из каменной массы эпохи историзма².

Как и большая часть декоративно-прикладных изделий второй половины XIX в., предметы саратовского музея свидетельствуют об интересе немецкого общества, покупателей такой посуды к средневековой истории. На них изображены сцены из жизни рыцарей, средневековые замки, воинские и геральдические атрибуты. Формы предметов заимствованы, как правило, из позднего средневековья и Ренессанса.

Много важной информации по истории изделий из каменной массы содержат каталоги по искусству эпохи историзма музейных собраний Берлина³, Касселя⁴, Гамбурга⁵ и др. Особое значение имеют труды Гизелы Р. фон Бок, – прежде всего, материалы фундаментального каталога⁶, а также вышедшие ранее статьи⁷. Автор исследовала эволюцию формы и декора кувшинов, которые получили у искусствоведов название «бартманкруги» (кувшины с бородатой маской) от XVI до XVIII в., но их «история» в XIX столетии⁸ осталась за рамками ее работ.

В собрании СГХМ под названием «бартманкруг» можно объединить два предмета. Один сделан из каменной массы коричневатого цвета. Это кувшин высотой 36 см с широким горлышком, которому придана форма бородатого мужского лица. Горлышко плавно переходит в торс в форме бочонка, и весь сосуд, таким образом, напоминает фигуру толстого мужчины. На животе, по бокам тулова в картушах повторяется рельефное изображение герба. Как удалось выяснить, он выполнен в регионе Кёльн–Фрехен в XVII в.⁹, но в несколько архаичной манере. В качестве довольно близкого предшественника можно назвать кувшин из собрания кёльнского музея, датированный XVI в.¹⁰

Другой кувшин¹¹ выполнен спустя два столетия, в конце XIX в. Он также сделан в виде толстого бородача-мужчины, но одетого в рыцарские доспехи. Кратко изложим главные наблюдения-характеристики по его поводу¹².

Это разливной кувшин для пива или вина высотой 26 см, с широким горлом и с ножкой, профилированной продольными полосками. Крышка (шлем рыцаря) у кувшина утрачена. Геометрические элементы, обозначающие детали рыцарского убранства, сочетаются с растительным декором. От имени кувшина на животе

рыцаря сделана надпись: «Nach des Tages Schweiß den kühlen Trunk ich preis» («Награда за дневные труды – я, кружка прохладного напитка»)¹³. Модель относится к знаковым изделиям бытовой керамики эпохи историзма, фигурирует в каталоге фирмы Райнольда Ханке, одного из самых известных керамистов Германии этого времени, датируется 1870 – начало 1880-х гг.¹⁴ Отметим, что кувшины модели «Рыцарь» воспроизводились вплоть до первой трети XX в. и до сих пор встречаются на художественных аукционах.

В данной статье на примере кувшина «Рыцарь» предпринята попытка выявить, как трансформировались традиционная форма сосуда (в данном случае «кувшина с бородатой маской»), содержание образа и элементов декора в эпоху историзма, определить, насколько изменение смыслового значения связано с изменением формы.

Пунктирно коснемся происхождения формы «бартманкруг» и ее эволюции в XV–XVIII вв. «Пузатые кувшины», вариацией которого является кувшин «Рыцарь», существуют столько же, сколько само гончарное дело. Выделяются два типа «пузатых» кувшинов, которые послужили прообразами для «бартманкругов». Они отличаются шириной горлышка: с узким горлом – *Bauchkrug* (пузатые), и с широким – *Birnkrug* (грушевидные). Добавим, что традиция изображать на сосудах черты человеческого лица присутствует в исторических культурах всех континентов¹⁵. Кувшины в виде «пузатых» фигур бородатых мужчин в долине Рейна начали производить предположительно в XIV–XV вв., сначала во Фрехене и Кёльне, а в XVI–XVII вв. в Зигбурге и Вестервальде. Форма остается статичной, изменения, как следует из исследований Г. фон Бок, касаются главным образом «бородатых масок», стиль которых развивается в русле общих тенденций изобразительного искусства. Так, на рубеже XVI–XVII вв. кувшинам придавали, в духе Ренессанса, реалистические (хоть и с долей идеализации), почти портретные черты, даже форма бороды постоянно менялась в соответствии с «модными» тенденциями. В течение всего XVI столетия «бородачи», как правило, сохраняли дружелюбное или нейтральное выражение лица. Однако к концу этого века вместо безучастных или дружелюбных лиц все чаще изображается ухмыляющаяся физиономия¹⁶ в стиле маскарон барокко. Портретная индивидуальность исчезает, появляется тип маски, сочетающей в себе элементы человеческого лица и звериной морды, чаще всего львиной. В XVIII в. ослабление смыслового значения «бартманмаске» в пользу декоративности происходит в рамках общих тенденций искусства рококо.

Неизбежно возникает вопрос о символическом значении «бартманмаске». Исследователи не дают однозначного ответа на

этот вопрос – разные типы изображений имели, видимо, разное значение. Иногда их использовали с магическими целями – для защиты от злых духов. Имеются сведения о сакральном назначении некоторых «бартманкругов». Так, на кувшине кельнского мастера XVI в. из Музея декоративно-прикладного искусства Кёльна под «бартманмаской» имеется надпись «jhesus». Кувшин из Ререна, также датируемый XVI в., имеет три ручки, три медальона с ликами, надпись «Salvator» («Спаситель»), что свидетельствует о символическом изображении Троицы¹⁷.

В XVII в. «портретные» кувшины, с почти идеализированными чертами лица, могли быть заказаны как подарки друзьям, сосуд, на горлышке которого изображена свадебная пара, возможно, предназначался как свадебный подарок. Большинство специалистов склоняется к тому, что чаще всего изображение бородачей изначально имело чисто декоративный характер. Во всяком случае, к XVIII столетию практически все «бартманмаске» становятся просто элементом декора.

Вернемся к кувшину-рыцарю СГХМ. Изучение его прототипов привело нас к выводу, что фигура дворянина в рыцарских доспехах пришла из XVI столетия. Примером такой иконографии является сосуд работы кельнского мастера (1525–1550) из Музея Виктории и Альберта в Великобритании (далее – V&A)¹⁸. Он отличается от других «бартманкругов» детализацией формы. Отметим, что у большинства «бородачей» XV–XVII вв., как правило, проработаны только черты лица, тогда как туловище представляет собой просто бочонок, декорированный либо картушами с гербами, либо стилизованным растительным узором. Рельефный декор наносился с помощью матриц, изготовление которых требовало мастерства и значительных усилий. На кувшине из V&A мы видим скульптурную фигуру рыцаря с почти реалистической проработкой форм – рук (в одной из которых кувшин с вином, в другой – бокал), узора кольчуги. Трактовка образа как благородной, полной достоинства личности соответствует, повторим, духу Ренессанса.

Таким образом, кувшин-рыцарь из музея V&A может рассматриваться как далекий и, насколько нам удалось выяснить, первый предшественник кувшина-рыцаря конца XIX в. На это указывает не только обращение к образу средневекового воина, но и уже обозначенная выше детальность проработки формы. Однако трактовка образа «Рыцаря» в XIX столетии совершенно иная, ироничная: у него подчеркнута, почти гротескно суровое, грозное выражение лица. Форма дополняется очень важной для понимания трактовки деталью: торс рыцаря (тулово кувшина) поставлено на ножку, что

подчеркивает его «пузатость». В сочетании с грозным выражением лица это порождает скорее комический, чем героический, эффект.

Вопрос, кто впервые предложил ироничную трактовку фигуры рыцаря в виде «пузатого» кувшина, до сих пор до конца не прояснен. Так, на одном из листов (1867) торгового каталога нюрнбергского предпринимателя В. Фляйшмана (С.W. Fleischmann)¹⁹ воспроизводится выполненный из майолики кувшин «Ландскнехт»²⁰. В настоящее время специалистами выяснено, что Фляйшман изготавливал предметы из майолики только по историческим образцам²¹. Кувшин, изготовленный фирмой Фляйшмана – самый близкий предшественник нашего «Рыцаря». Однако по поводу того, когда и кем был создан предмет, взятый за образец Фляйшманом, разгорелся серьезный спор²². Б. Цецшвиц, не давая прямого ответа на этот вопрос, отсылает к изданию «Коллекция к истории керамики и фарфора» Д. Мэриэта²³. Из книги Мэриэта следует, что последним известным предшественником «Ландскнехта» был гротескный фарфоровый чайник эпохи рококо в «китайском» стиле, эскиз к которому был выполнен И.Г. Хёрольдтом (J.G. Höroldt, 1696–1775) на Мейсенской мануфактуре, для саксонского курфюрста Августа II в 1720 г. Как и кувшин «Ландскнехт», этот чайник сделан в виде фигуры толстого бородастого мужчины, поставленного на ножку.

След эскиза «Ландскнехта» теряется. Однако несомненно, что в самом кувшине слились два стиля, эстетические посылы которых противоположны. Тулово «бартманкруга» пришло из Ренессанса, ножка к нему – из рококо; она явно заимствована из фарфоровых изделий. В результате массивное тулово оказалось на довольно высокой ножке, что, подчеркивая «пузатость» бородача, сразу снижает образ, превращая его из величественного в комичный.

Введение кружек и кувшинов из каменной массы в виде толстой человеческой фигуры в широкий обиход в XIX столетии связано с именем Райнольда Ханке. Среди персонажей «пузатой» серии – знаменитые исторические деятели: кайзер Фридрих Вильгельм II (1744–1797), Отто фон Бисмарк (1815–1898), Хельмут Карл фон Мольтке (1800–1891), представители сословий и профессий. Каждому персонажу соответствует *одна* модель, однако к средневековому рыцарю Ханке испытывал особое пристрастие, создав *четыре* варианта кувшина с его обликом.

В первой описи собрания А.П. Боголюбова, так называемом парижском каталоге 1880 г., зафиксировано обозначение, с которым, видимо, он приобрел кувшин «Фальстаф»²⁴. На листах торгового каталога Ханке (1884) имя «Фальстаф» не фигурирует²⁵.

Скорее всего, образ толстого рыцаря в эпоху историзма органично «наложился» на внешний облик знаменитого шекспировского персонажа Джона Фальстафа, комического героя пьес «Виндзорские насмешницы» и «Генрих IV» – пьяницы и гуляки, бахвалившегося своими мнимыми воинскими подвигами. Фальстаф становится героем многих живописных и графических произведений, и везде мы видим немолодого, бородатого мужчину с большим животом, в роскошной одежде, элементы которой иногда весьма напоминают воинские доспехи, непременно с бокалом или кружкой. Различаются лишь детали. Так, в собрании Государственного Эрмитажа хранится акварель венгерского художника М. Зичи «Фальстаф с кружкой вина и трубкой» (1873)²⁶. В конце XIX в. целую серию подобных изображений выполнил мюнхенский живописец Э. Гюнтцер (1846–1925)²⁷. Кувшины «Рыцарь» до сих пор предлагаются на аукционах под названием «Фальстаф»²⁸.

Подведем некоторые итоги. Форма «кувшина-бородача» в своей основе традиционна. Ее постоянство можно объяснить двумя причинами. Первая – универсальность сосуда, его утилитарность: «бартманкруги», как разновидности «пузатого» кувшина, были в широком обиходе, могли применяться для хранения сыпучих продуктов и жидкости, служить разливными кувшинами. Вторая, не менее важная причина – ценностно-традиционное значение формы. Не только образ средневекового воина, но и сама форма «кувшина-бородача» обращает их владельцев к старине, обычаям и традициям предков.

Некоторая «модернизация» формы в виде дополнительного элемента – ножки – вызвана задачами трактовки изображенного персонажа. В результате образ «кувшина-рыцаря» мог «считываться» в ту эпоху весьма неоднозначно. С одной стороны, в условиях становления немецкой государственности и подъема национального самосознания он напоминал представителям, скажем, среднего класса об их причастности к своей героической истории. С другой – бюргер, наливая вино, «заставлял» толстого рыцаря кланяться и прислуживать себе (шлем – крышка кувшина при этом весьма неуважительно откидывалась). В этом явно отразился грубоватый немецкий юмор, если не элементы социальной сатиры. Собственно, то же самое можно сказать о многих других образах «пузатой» серии Р. Ханке: «кланяться» заставляли даже «Бисмарка» и «кайзера Фридриха Вильгельма II», при всем почтении к первым лицам тогдашней Германии. Однако в «именитых» кувшинах очевидно уважение к представленным персонажам – и в портретном сходстве, и в форме. Более того, ножка здесь либо практически отсутствует, либо сужена

по сравнению с туловом лишь совсем немного, поэтому фигура производит впечатление не «пузатой», как у рыцаря, а статной.

Отметим также, что полярная градация образа – от сакрального в XV–XVI вв. до шуточного, даже полуернического в конце XIX столетия – обнаруживается только в «бартманкругах». На наш взгляд, этому способствовала сама форма «пузатого» кувшина. Он имеет большое сходство с человеческой фигурой, и поэтому легче поддается персонификации²⁹.

Примечания

- ¹ Россия–Германия. На перекрестке культур. «Немецкий дух» в Радищевском музее. Живопись. Рисунок. Скульптура. Гравюра. Фарфор. Керамика. СГХМ им. А.Н. Радищева. Каталог выставки (на немецком и русском языках) / Авт.-сост. Т.Е. Савицкая. Саратов: СГХМ им. А.Н. Радищева, 2012.
- ² «Каменной массой» называют особый вид керамики, изделия из которой при высокотемпературном обжиге (около 1300°) приобретают плотный, почти без пор, черепок (главным образом серый или коричневый) и идеально подходят для хранения вина и других продуктов. Первые центры, создающие посуду из каменной массы, возникают в эпоху позднего средневековья и достигают своего расцвета в XVI–XVII вв. Большая часть предприятий по производству грубой керамики располагалась в регионе Вестервальд, в местечке Гренхаузен и его окрестностях, где находились богатые залежи глины нужного качества. В течение XVIII в., не выдержав конкуренции с фарфором, производство «каменной посуды» в Германии начинает приходить в упадок, однако во второй половине XIX столетия, в эпоху историзма, оно переживает новый подъем.
- ³ *Mundt B.* Historismus: Kunsthandwerk und Industrie im Zeitalter der Weltausstellungen // Katalog des Kunstgewerbemuseums. Bd. 7. Berlin: Kunstgewerbemuseum Berlin, 1973.
- ⁴ *Zezschwitz B.* Westerwälder Steinzeug des 19 Jahrhunderts // Historismus. Angewandte Kunst im 19 Jahrhundert. Staatliche Museen Kassel: In 4 bd. Bd. 2. Kunsthandwerk und Kunstgewerbe. Kassel: Druckhaus Thiele & Schwarz GmbH, 1989. S. 285–304.
- ⁵ *Jedding H.* Historismus. Hohe Kunst zwischen Biedermeier und Jugendstil // Katalog zur Ausstellung des Museums für Kunst und Gewerbe. Hamburg: Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg, 1977.
- ⁶ *Bock G.R.* Katalog des Kunstgewerbemuseums Köln: Bd. 4 Steinzeug. Köln: Kunstgewerbemuseum d. Stadt Köln, 1976.
- ⁷ *Bock G.R.* Die Entwicklung der Bartmaske an rheinischem Steinzeug // Keramos (Düsseldorf). 1966. H. 34. S. 30–43; *Bock G.R.* Steinzeug. Nachahmung, Nachbildung oder Fälschung // Keramos. 1970. H. 49. S. 3–66.

- ⁸ Точнее, второй половины XIX в., когда, после упадка в изготовлении изделий из каменной массы в ходе XVIII столетия, начинается возрождение этого производства.
- ⁹ П–1038. Германия, Кёльн–Фрехен. XVII в. Кувшин с «бородатой маской». Каменная масса, соляная глазурь, рельеф. В–36. Пост. в 1885 от А.П. Боголюбова. Мы благодарны за помощь в уточнении атрибуции И. и В. Эндрес (Регенсбург, ответ от 16.09.2014 на наш запрос от 12.09.2014).
- ¹⁰ Inv. KGM E 140. См.: *Bock G.R.* Die Entwicklung der Bartmaske... S. 39.
- ¹¹ Кувшин. Вестервальд. 2-я пол. XIX в. По модели Р. Ханке. Каменная масса, соляная глазурь, рельеф, роспись кобальтом. В. 26. Инв. П–520.
- ¹² См.: *Савицкая Т.Е.* Средневековые сюжеты немецкой керамики XIX столетия и особенности отражения в них национального самосознания // Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 24. Саратов: Изд-во Саратов. гос. политех. ун-та имени Ю.А. Гагарина, 2014. С. 125–135.
- ¹³ Отметим, что надписи на этой модели кувшина постоянно меняются; нам встречались шесть вариантов.
- ¹⁴ Номер на донышке кувшина СГХМ (220) не совпадает с номером модели Ханке (59), указывая на то, что он выполнен другой фирмой Вестервальда, повторившей популярное изделие. Листы торгового каталога Р. Ханке («Reinhold Hanke, Musterbuch der FABRIK», Copied product catalog, Hohn bei Coblenz, Post–1884), воспроизведены на сайте коллекционеров немецкой керамики Stein Collectors International (далее – SCI). [Электронный ресурс]. URL: <http://stein-collectors.org/members/museum/catalogs.htm> (дата обращения: 11.11.2015); Reinhold Hanke. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.charactersteins.com/csbook/old%20catalogs/r%20hanke/r%20hanke%20photos.htm> (дата обращения 11.11.2015).
- ¹⁵ *Bock G.R.* Die Entwicklung der Bartmaske an rheinischem Steinzeug... S. 30–31.
- ¹⁶ Ibid. S. 32, 39. Abb. 15–17.
- ¹⁷ Ibid. S. 42.
- ¹⁸ Каталог музея Виктории и Альберта [Электронный ресурс]. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O129033/jug-unknown/> (дата обращения 12.09.2015).
- ¹⁹ Фляйшман занимался двумя основными видами деятельности: торговлей произведениями искусства и изготовлением керамических изделий. См.: Historismus. Angewandte Kunst im 19. Jahrhundert // Wissenschaftlicher Bestandskatalog der Sammlung «Angewandte Kunst und Design – 1840 bis heute»: Bd. 1 / Bearb. von E. Herzog, E. Schmidberger. Kassel, 1987. S. 36; *Cserey S.É.* C.W. Fleischmann – ein Kapitel aus der Firmengeschichte // *Keramos* (Düsseldorf). 2011. H. 211–212. S. 21.
- ²⁰ Спустя несколько лет был представлен на Венской выставке 1873 г. среди других изделий фирмы Фляйшмана: Kunst und Kunstgewerbe auf der Wiener Weltausstellung 1873 / Hrsg. von C.F.A. Lützw. Leipzig, 1875. S. 70.

- ²¹ На датируемом 1867 г. листе фирмы Фляйшмана (каталог товаров издавался в виде отдельных листов), хранящемся в библиотеке Германского национального музея в Нюрнберге (LB 186/3), представлены только предметы из майолики, выполненные по историческим образцам: *Zezschwitz B.Dry-v.* Historismus. Angewandte Kunst im 19. Jahrhundert. Kassel Staatliche Museen Kassel: In 4 bd. Bd. 2. Kassel: Kunsthandwerk und Kunstgewerbe, 1987. S. 303.
- ²² *Jaennicke F.* Geschichte der Keramik. Leipzig: Weber, 1900. S. 448–449; *Bock G.R.* Steinzeug – Nachahmung, Nachbildung oder Fälschung? // *Keramos.* 1970. S. 16, Abb. 19; *Gause A.* Gesellschaft und Stil um 1900 // Reinhold und August Hanke: Westerwälder Steinzeug: Historismus, Jugendstil: Keramikmuseum Westerwald, Deutsche Sammlung für Historische und Zeitgenössische Keramik, Höhr-Grenzhausen, Ausstellung, vom 30. – November 1986, bis 1. März 1987 / Hrsg. von R. Harald. Höhr; Grenzhausen, 1986. S. 52; *Zezschwitz B.Dry-v.* Ibid.
- ²³ *Marryat Jh.* Collections towards a History of Pottery and Porcelain. L.: 1850, S. 134, fig. 55 (Landsknechtkrug und – kanne aus Nürnberger Fayence bzw. Meissener Porzellan). Из другого указанного Цецитш источника, доклада П. Крэла, опубликованного в «Журнале Мюнхенского союза ремесел» в 1883 г., известно, что кувшин «Ландскнехт» изображен в разделе «Сосуды, подражающие человеческим или звериным формам»: *Krell P.F.* Die Gefäße der Keramik. Zeitschrift des Kunstgewerbevereins in München, 1883. S. 10, fig. 11.
- ²⁴ Вьена 74: Синий Грей с крышкой Фальстаф кувшинг. П–520. Ст. инв. 857: Кувшинг с крышкой фальставг. Синий Грей.
- ²⁵ Образцы из торгового каталога Р. Ханке см.: SCI [Электронный ресурс]. URL: <http://stein-collectors.org/members/museum/catalogs.htm> (дата обращения 11.11.2015); Reinhold Hanke [Электронный ресурс]. URL <http://www.charactersteins.com/csbook/old%20catalogs/r%20hanke/r%20hanke%20photos.htm> (дата обращения 11.11.2015).
- ²⁶ *Зичи М.* Фальстаф с кружкой вина и трубкой. 1873 г. Бумага, акварель, белила. 30,4 x 24,8 см ГЭ, ОР–40234. Примечательно, что кружка, которую Фальстаф держит в руке, сделана из каменной массы.
- ²⁷ *Грютцнер Э.* (Grützner, Eduard). Фальстаф. X. м., 42 x 34 см: Van-ham.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.van-ham.com/datenbank-archiv/datenbank/eduard-von-gruetzner/falstaff.html> (дата обращения 11.11.2015).
- ²⁸ Lot-tissimo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lot-tissimo.com/de/i/3749901/falstaff-krug-westerwald-grau-blau-salzglasiertes-steinzeug-landknecht-mit-spruch-iss-was-gar-ist> (дата обращения 11.11.2015).
- ²⁹ Так, еще в XVIII в. «бартманкруги», экспортируемые в Англию, послужили толчком для фантазии мастеров Стаффордшира, став прообразом знаменитых кружек тоби. См.: *Новикова О.* Английские кружки-тоби // Антиквариат. 2006. № 7–8. С. 4–8.

Д.Ю. МЫЛЬНИКОВ

Условность киноизображения
в документалистике:
история формирования предпосылок
художественности

В статье исследуется природа условности в документальном киноизображении с позиции междисциплинарного подхода. На примере ленты «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» описываются психические механизмы, ответственные за восприятие экранной проекции как «иллюзии реальности». Исходя из этого, осмысляются предпосылки становления приемов художественной трансформации действительности в их исторической перспективе.

Ключевые слова: условность, документальное киноизображение, визуальное восприятие, трансформация реальности.

Для понимания самого существа проблемы условности в документальном изображении следует, на наш взгляд, опираться на фундаментальные закономерности визуального восприятия. Такая позиция связана с тем, что при изучении условности в кино возникают сложности, из-за которых исследователю трудно теоретически дифференцировать два абсолютно разных фактора ее возникновения. Первый: условностью в разной степени обладает любое киноизображение, вплоть до того, что на этом основании может формироваться визуальный стиль фильмов. Второе: условность в кино неразрывно связана с психическими механизмами по ее переработке, а это значит, что без человека, смотрящего на экран, условную природу киноизображения никто не заметит и не увидит. Не будем забывать, что в любом виде искусства – и кино не исключение – условность является важнейшим признаком художественного освоения действительности. Об этом проницательно писал Б. Балаш: «Специфические художественные приемы киноискусства обусловлены тем, что определенные оптические и акустиче-

ские впечатления имеют психологическое воздействие. И нужно наконец точно исследовать законы этого воздействия, если хочешь сказать о кино что-либо более конкретное кроме простой каталогизации различных форм»¹. Методологически значимым для нас становится момент, когда зритель непосредственно видит изображение и пытается опознать то, что в нем зафиксировано. Исходя из многочисленных исследований психологов², на этом этапе у человека, который смотрит фильм, возникают два пути работы его сознания. Первый путь: он считает самым важным атрибутировать сходство изображенных объектов с теми, что реально известны по его опыту. И второй путь: он стремится понять, чем изображенные предметы на экране отличаются от тех, что знакомы ему по реальной жизни. В качестве примера, который бы демонстрировал, как исторически происходило становление психических механизмов по переработки киноизображения с присущей ему условностью, рассмотрим «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьотá».

Вот как один из первых зрителей описывал свои впечатления от просмотра этой ленты братьев Люмьер: «Поезд появляется на горизонте. Мы хорошо различаем паровоз, останавливающийся у самой станции. На перроне появляется железнодорожник и бежит открывать двери вагона; выходят пассажиры, поправляют одежду, несут чемоданы – одним словом, совершают действия, которые нельзя было предвидеть. ...Впервые мы становимся свидетелями синтеза (правда, еще несовершенного) жизни и движения, а ведь волшебный аппарат находится еще в колыбели. Подождем несколько лет. Цветная фотография обогатит его цветом, фонограф даст звук, иллюзия будет полной...»³.

Во-первых, из воспоминания видно, что зритель с легкостью опознает объекты и их действия, запечатленные в изображении, а значит, проблемы, связанной с вопросом «что я вижу», у него не возникает. Отметим, что опознание (от англ. *recognition*) – это процесс перцептивной категоризации, т. е. отнесения воспринимаемого объекта к одному из множества классов на основе признаков этого объекта. При этом психолог Дж. Брунер утверждает, что «в любых условиях субъект при восприятии всегда, в конечном счете, осуществляет категоризацию чувственно воспринимаемого предмета с помощью признаков – в той или иной степени избыточных и надежных»⁴. Подчеркнем, что акт опознания происходит неосознанно и произвольно, является одной из основных характеристик любого восприятия.

Во-вторых, наш зритель прекрасно осознает, что перед его взором предстала не сама жизнь, а иллюзия жизни, которой, по его мнению, со временем суждено лишь усилиться за счет обретения цвета и звука.

Из этого следует, что после того как объекты на экране им были опознаны, он начал подмечать их качества, т. е. задаваться вопросом «как выглядит то, на что я смотрю». Здесь на первый план выходят такие характеристики объекта, как текстура, фактура, освещенность, цвет.

Описание восприятия одной из первых кинолент позволяет иначе взглянуть на истоки кинематографической условности. Сделаем предположение, что люди, которые пришли на показ фильмов братьев Люмьер, вглядываясь в экранную проекцию, столкнулись с двумя уровнями условности (первичным и вторичным), присущими любому киноизображению. Если современный зритель, просматривая фильм, практически не замечает условность, так как для нас она уже стала общепринятой нормой кинематографической репрезентации, то для киноаудитории того времени она предстала новым визуальным феноменом, к которому еще следовало привыкнуть. Для нас важно понять, что первые документальные ленты хоть и снимались с одной точки, одним планом, были небольшими по метражу и имели такой недостаток, как черно-белое изображение, но, тем не менее, формировали у зрителя иллюзию физической реальности, и связано это было с фундаментальными закономерностями визуального восприятия. В этом смысле Р. Грегори прав, утверждая, что «способность извлекать неоптическую действительность из оптических изображений, формирующихся в глазу, – это и есть чудо зрительного восприятия»⁵.

Попробуем вкратце описать предпосылки и механизмы, влияющие на восприятие условности.

Под первой предпосылкой мы понимаем *двойственность*, которая исходит от объекта созерцания, будь то живописное полотно, гравюра, фотография или, в нашем случае, экранная проекция, в момент его визуального восприятия человеком. На данную закономерность неоднократно указывал американский психолог Дж. Гибсон⁶, исследовавший процессы переработки зрительной информации. Он отмечал, что, с одной стороны, мы видим плоскость с зафиксированным или воспроизводимым изображением, а с другой стороны, распознаем нашим зрением предметно-пространственную среду внутри той самой плоскости. Из этого следует, что двойственность уже изначально задана носителем изображения: *в кино она проявляется на базовом технологическом уровне и связана с системой «кинокамера–пленка–проектор–экран»*. Сделаем предположение, что первичный уровень условности связан с технологической природой экранной проекции и обуславливается процессом ее создания и воспроизведения. Отметим, что к выходу на экран первых лент братьев Люмьер первичный уровень условно-

сти в киноизображении определялся следующей технологической спецификой (перечислим основное): рамкой кадра, кинообъективом, скоростью движения пленки, частотой работы обтюлятора, чувствительностью к свету фотоэмульсии, химическими приемами проявки и обработки пленки, белым полотном экрана и т. д.

Вторая предпосылка возникает в результате работы сознания человека, когда он, глядя на экран, приходит к выводу о схожести киноизображения с реальностью физической. При этом зритель четко понимает, что перед его взором предстала не сама действительность, но ее экранный аналог. Мы будем называть данный феномен восприятия изображения – «*иллюзией реальности*». Он в первую очередь связан с психическими механизмами, перцептивными актами (*опознание и категоризация*), которые работают как при обыденном восприятии, так и при рассматривании изображения. Отметим, что в кино, в отличие от пластических видов искусств и фотографии, второй фактор иллюзорности экранных образов усиливается за счет движения. В итоге, как и в реальности, информация, поступающая от экрана на органы чувств, преобразуется в осмысленные перцептивные образы, за счет чего становится возможным сравнение объектов в изображении с эталонами и прототипами, хранящимися в памяти человека⁷.

Следующая предпосылка связана с работой таких психических процессов, как *внимание и установка*. Думается, что кино стало искусством в тот момент, когда в творческой практике интуитивно осваивались эти психические структуры. Отметим, что установка бывает двух видов: 1) *первичная*, которая непосредственно формируется в самом акте восприятия и реагирует на изменение объекта; 2) *фиксированная* возникает в результате многократного повторения одной и той же ситуации. Такой вид установки характеризуется тем, что он не всегда успевает подстроиться под изменения условий восприятия. Поэтому, как отмечает один из ведущих отечественных психологов В. Барабанщиков, исследующий специфику визуального восприятия, в случае неожиданного преобразования воспринимаемой ситуации фиксированная установка «продолжает действовать, вызывая иллюзорные эффекты»⁸. И с двумя этими видами установки столкнулись первые же зрители.

Когда на экране появился поезд и «поехал на зрителей», в их сознании по отношению к изображению еще продолжала действовать фиксированная установка. Именно ею было вызвано массовое иллюзорное ощущение, что все происходящее на экране сродни реальности. Ведь она сформировалась и приобрела устойчивую форму в процессе взаимодействия с повседневной действительностью.

стью: внимание зрителей было сконцентрировано на том, что изображено. Первичная же установка, подстраиваясь под ситуацию, заставляла публику иначе смотреть на то, что предстало перед их глазами, так как она была ответственна за конкретизацию экранной среды. Благодаря ее активации внимание смотрящих на экран сфокусировалось на предметных качествах объектов (какие они). Так, на наш взгляд, происходило понимание того, что в киноизображении наличествует вторичный уровень условности, который в свою очередь определяется через *трансформацию* снимаемой реальности посредством использования приемов киновыразительности, например, таких как замедленная или ускоренная съемка, работа с освещенностью предкамерного пространства, деформация внешних характеристик объектов и т. д.

Анализ базовых механизмов и предпосылок восприятия киноизображения, действующих по отношению к «Прибытию поезда на вокзал Ла-Сьотá», дает основания утверждать: для того, чтобы массовый зрелищный аттракцион мог преобразоваться в искусство кино и претендовать на столь высокий статус, требовалось время. Необходимо было сформировать стойкую фиксированную установку, что кино – это иллюзия реальности, а психические акты протекали бы по принципу восприятия человеком действительности. В этом смысле становится понятным высказывание У. Найссера о том, что «только благодаря перцептивному научению мы приобретаем способность к восприятию все более тонких аспектов окружения»⁹.

Понятно, что люди, которые создавали первые фильмы, работали преимущественно с фиксированной установкой, каждый раз изобретая новые приемы киновыразительности, позволяющие активизировать внимание зрителей на определенных качествах экранной среды. В процессе эволюции кинематографа режиссеры документального кино учились гармонично сочетать два уровня условности в киноизображении. Они прекрасно осознавали неоднозначную природу кино. Этот вид искусства, с одной стороны, наиболее приближен к жизни, что обусловлено его технологической спецификой, обладающей наиболее полным спектром средств аналоговой фиксации физической реальности. С другой стороны, кинофильм является произведением искусства лишь тогда, когда стремление к отображению существующей действительности реализуется посредством создания разнообразных форм условности. Режиссер, прибегая к преобразованию снятых объектов на экране, создает условное кино-пространство, где условность является основным принципом выражения режиссерской концепции, подчеркивающим отличие художественного произведения от вос-

производимой физической реальности. Зритель, в свою очередь, воспринимает условность как элемент, требующий активизации его внимания, благодаря которому он включается в процесс ассоциирования, сравнения. В итоге зритель понимает, что увиденное им изображение с измененной физической реальностью на экране приобретает иные свойства, тем самым рождая догадку, что перед ним художественная условность, вызывающая эмоциональные реакции и наводящая на осмысление увиденного.

Спустя сто двадцать лет после того, как братья Люмьер показали первые неигровые фильмы, веря в то, что публике будет интересно смотреть на все, что угодно, документальное кино, как и прежде, фиксирует и показывает обычную жизнь. При этом та же жизнь в экранных образах отличается большим разнообразием форм и жанров – от обучающего фильма до авангардного эксперимента. Не будем забывать о том, что словосочетание «творческое отношение к реальности»¹⁰, которое использовал Дж. Грирсон для определения специфики «документальности», подразумевает условность в киноизображении. В основе же ее восприятия лежат психические процессы, которые определяют индивидуальное видение как любого режиссера-документалиста, так и зрителей.

Примечания

- ¹ Балаш Б. Дух фильма. М.: Художественная литература, 1935. С. 13.
- ² См.: Величковский Б.М. Когнитивная психология: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 2. М.: Смысл; Академия, 2006. С. 31–91; Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 130–166; Pike G., Brace N. Recognition // Cognitive Psychology. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 100–137.
- ³ Цит. по: Теплиц Е. История киноискусства: В 5 т. Т. 1–2. 1895–1927 гг. М.: Прогресс, 1968. С. 27.
- ⁴ Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. С. 18.
- ⁵ Грегори Р. Разумный глаз. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 43.
- ⁶ См.: Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 395, 413.
- ⁷ См. об этом: Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология. М.; Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 2000. С. 249–253.
- ⁸ Барабанщиков В.А. Системогенез чувственного восприятия. М.; Воронеж: Изд-во Ин-та практ. психологии; МОДЭК, 2000. С. 181.
- ⁹ Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. С. 81.
- ¹⁰ Grierson J. Grierson on Documentary. L.; Boston: Faber and Faber, 1979. P. 11.

Рецензии

А.В. Марков

Правда искусства в толще жизненной сферы

Рецензия на книгу:

Дуров А.А. Народная культура и проблема становления творческой личности «в минуты роковые».

Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 224 с.

Книга А.А. Дурова¹ рассматривает первичные условия творчества в русской культуре, исходя не из правил, а из «правды». Правда понимается не как δίκη, возмездие или воздаяние, примиряющее богов, но как θεμία, неписаное законодательство². Слишком обыденное понимание правды требует распределения готовых ролей, в котором находится место и для «дурака» – трикстера. Но А.А. Дуров видит в «дураке» вовсе не трикстера, а особого эпического героя, способного к пробуждению, сознающего свою витальность, сознающего собственные возможности выполнить свой закон. Этот «дурак» – вовсе не просто бобовый король, не просто продолжение природных дурачеств, и не злой гений эпического мира. Он скорее лакановское «зеркало», в котором каждый может узнать себя. Работа А.А. Дурова оказывается близка исследованиям «дурака» как начального акта речи, странного нелепого узнавания себя в собственной речи, в собственном *quirquo*³, равно как исследованиям «гротескного сознания» как особого телесного ощущения границ собственного сознания, к которому речь постоянно возвращается, заставляя еще больше переживать эти границы⁴.

Книга состоит из эссе, докладов и статей, написанных по разным поводам, но объединенных рядом общих исследовательских принципов. Один из них – сопоставление жанра не с аудиторией или стилем, но с основной фигурой этого жанра, его символом, одновременно стоящим как бы на границах этого жанра, своей естественной речью вскрывающим ограничения этого жанра.

Например, для эпического жанра этот «дурак» вовсе не как нарушитель порядка, но как человек настолько зависимый от своего тела, что любое его высказывание будет неловким поступком, который и поможет понять тонкие правила большой эпической игры, с ее сезонными циклами, вегетативностью и героическими буднями. Для идиллии это «странник», который вовсе не просто идеалист или кающийся грешник, но преданный своему видению человек, говорящий только то, что он видит, и потому разоблачающий условности идиллического жанра именно как жанра жанров, воплощенной условности. «Идеальные типы» нужны для драматической условности, именно они вскрывают, что драматический конфликт изначально был остенсивным, он показывал на сцене что-то, а не манипулировал чувствами, и тем самым они позволяют чувствам отступить перед самыми истоками театра. Работа, которую ведет А.А. Дуров – работа научной реконструкции, только она создается не поиском улик и намеков, но поиском недостатков и разрывов в том знании, которое мы принимали за самоочевидное. Научная патетичность кроется за самой расстановкой данных в книге: А.А. Дуров пишет о Булгакове, Шукшине и Леонове с их типами и архетипами, но за ними раскрывается вовсе не упрощенный Фрейд или Юнг, а Пропп, Бахтин, Лакан.

Другая тема книги А.А. Дурова – русский авангард, в котором он видит не столько работу с языком, сколько выведение на сцену новых героев, победу остенсивного принципа над повествовательным воображением. Конечно, исследователь авангарда не может пройти мимо того, как линии или стулья становятся персонажами авангарда, но А.А. Дуров уникален в своей последовательности: ему важно показать, как сама сценография авангарда потребовала стульев не меньше, чем линий. Поэтому А.А. Дуров, видя плотную сценографию вещей, исследует, как сама поэзия высказывания становится сюрреалистической поэзией: в Набокове он открывает сюрреалиста, в почвенном поэте-сюрреалисте Ю. Кузнецове – продолжателя лермонтовского гротескного отчаяния.

Если отбросить некоторые недостатки редактуры, например, название «Арканов Таро» «одной из древнейших эзотерических книг» (с. 43), как будто не было Гермеса Трисмегиста, то книга просто необходима всем, кто занимается и историей русской культуры, и спецификой русского искусства. Чтобы не сводить русское искусство ни к «реализму быта», ни к «среда заела», ни к «идеалу, быту и бытию», чтобы не описывать авангард словами авангарда, а реализм словами романтизма – книга А.А. Дурова прекрасное учебное пособие.

- ¹ *Дуров А.А.* Народная культура и проблема становления творческой личности «в минуты роковые». Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016.
- ² *Рено Ф.* Фемида // Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей: В 2 т. Т. 2. К., 2017. С. 220–226.
- ³ *Айрапетян В.* Толкуя слово: опыты герменевтики по-русски. М.: Языки русской культуры, 2001.
- ⁴ *Меньшикова Е.Р.* Гротескное сознание: явление советской культуры. СПб.: Алетейя, 2009.

Abstracts

A. Andreev

On the connection between concepts of the history of cinema and the conceptual apparatus in film science

The article considers the “realistic” and “conventional” approach to the scientific apparatus in film science and determines the advantages and disadvantages of each approach. It is proved that both approaches exist only as part of the history of cinema, and relate both to ways of expressing the history of cinema, and to changing content of historical experience accumulated by the cinema.

Keywords: history of concepts, cinematography, cinema studies, realistic approach, conventional approach.

S. Baldanov

Regarding connectivity of economic models and thought experiments in economics

In this article considers the meaning of thought experiments in economics. It specifies that using the modeling method and thought experiments economics becomes enabled to solve problem of uncertainty of empiric data. Considering the methodological problems of applying the thought experiments, one comes to the following paradox conclusion: the less accurate the primary empirical data are, the more complete and simple thought experiment can be conducted. In this sense the artificial framework of the thought experiment provide appropriate opportunities for applying hypothetical models in economics.

Keywords: thought experiments in economy, economic model, methodology of thought experiment, M. Friedman, premises of thought experiment.

I.V. Belaya

On the development of the female sisterhood
at Daoist school Quanzhen during the Jin
and Yuan dynasties. Part 1: Pucha Daoyuan

This article studies the formation of female monastic tradition at the Daoist School of the Complete Perfection (Quanzhen) during the Jin (1115–1234) and Yuan (1271–1368) dynasties. The research is based on stele inscription with the epitaph to the Daoist nun Pucha Daoyuan (1152–1204), who brought a weighty contribution to the development of that religious movement. On the material of her hagiography important aspects of the female self-sacrifice are discussed and an information on the origin of the first female convent of the Daoist School Quanzhen in China in the 12–13 centuries is presented.

Keywords: China, Daoism, Complete Perfection School, Daoist nuns, Quanzhen jiao, nǚ guan, Pucha Daoyuan.

M. Galkina

Prospects of rural intellectuals. Village or city?

The article, considering data of All-Russia research Rural Life, taken in August 2015, analyzes the main causes leading to relocation plans of the rural intelligentsia and identifies the factors ensuring their fidelity to the countryside.

Keywords: rural intellectuals, lack of work, low wages, attachment to the home and family.

N. Ivanova, A. Sumarokova

Study of the ethno-functional aspect
in folklore images for children of senior preschool age

The article reveals the significance of the ethnic function of the figurative content of the socially-emotional development of preschool children and gives results of interviewing children of the senior preschool age, conducted with the purpose of studying the features of folklore images.

Keywords: socio-emotional development of preschool children, ethno-functional approach, folklore image.

E. Kolosova

Consumer socialization of children and adolescents. Age features

The article considers stages in consumer socialization of children, teenagers and youth. Specifics of consumer behavior of children of different age groups are indicated.

Keywords: consumer behavior, children, teenagers, stages of consumer socialization.

V. Kolotaev, E. Ulybina

Variants of transforming the phenomenon of faith into an unfair world in the cinema

The article analyzes the image of the “right” and “wrong” world in the cinema. The right worlds line up in accordance with the structure of the fairy tale (Propp), the path of the hero (Campbell) and reproduce a world based on the unity of morality and success. The popularity of the image of the right worlds is linked, in particular, to the illusion of justice (Lerner) – the belief of most people that the world is organized according to rules, the observance of which guarantees success, and violation would be a failure. This illusion has both productive and destructive consequences and is insufficient for an adequate vision of reality and successful adaptation to it. The art provides an opportunity for overcoming the distortion of faith into justice by depicting wrong worlds in which rules do not work. The article highlights options for depicting the wrong world in the cinema and analyzes its functions.

Keywords: cinema psychology, belief in a just world, faith in an unfair world, right world, wrong world, catharsis.

E. Kranzeeva

Women’s political consciousness. Signs of crisis in the late Soviet period

The article is devoted to the analysis of political consciousness of women in the period of perestroika. The author notes that the period is characterized by the crisis of political consciousness signs of which include: the strengthening of syncretic character of the consciousness,

a change in the principle of relationship of consciousness with the real life, social and political space distortion, etc. Politicization of women's social consciousness through involvement in political processes is described. The results of sociological studies of the late Soviet period are presented.

Keywords: public consciousness, political consciousness, women, politics, perestroika, crisis of social consciousness, signs of crisis of social consciousness.

A. Markov

The truth of art in the thick of the life sphere

Book review: *Durov A.A. Folk culture and the problem of the formation of a creative personality "in the fatefull moments"*. Stavropol: Design Studio B, 2016. 224 p.

A review of the book by Anatoly Durov *Folk culture and the problem of the formation of a creative personality "in fatefull moments"* indicates main categories of the book, "fool (durak)", "truth-justice (pravda)", "wanderer (strannik)" as keys to the reconstruction of Russian culture and of the penetration of art into the life sphere in Russian history.

Keywords: archetype, Russian culture, folklore, everyday life.

S. Mayorova-Shcheglova, S. Mitrofanova

Childhood in socio-humanistic perspective.
Methodological and technological basis
for scientific-applied thesaurus creation

The paper presents the methodology and technology of scientific-applied Thesaurus for specialists in the sphere of childhood. In general, Thesaurus is understood as *accumulation of data of knowledge in various socio-humanitarian sciences*. The article substantiates the avant-garde character of childhood sociology in interdisciplinary synthesis of various childhood sciences. It is stated that modern sociology of childhood absorbs the existing methodological approaches and methodological developments in effort to understand new phenomena of the world of childhood. The authors mark two possible ways towards the Thesaurus creation: universality or metadisciplinarity. It is also shown how an idea of the universal knowledge of the childhood

is implemented in Wikipedia. The progress towards metadisciplinarity is recognized as productive.

Keywords: scientific-applied thesaurus, avant-garde character of childhood sociology, interdisciplinary, intersectionality.

D. Mylnikov

The conditionality of cinema image in the documentary.
History of forming prerequisites for the artistry

This article examines the nature of artificiality in documentary image from positions of an interdisciplinary approach. On the example of the film *Arrival of a train at La Ciotat* some mental mechanisms responsible for the perception of projected screen as “illusion of reality” are described. On that basis the author comprehends preconditions of formation of methods for artistic transformation of reality in the historical perspective.

Keywords: artificiality, documentary image, visual perception, transformation of reality.

I. Perfilieva

Jewelry in the semiotic field of the Soviet cinema
of the first half of the 1930s

The fate of the jewelry in the first decade after the revolution evolved dramatically: from its fundamental disregard as a sign, marking the bourgeois culture of the “old world”, to its use as a marker in the semiotic field of the new Soviet culture. Clearly the evolution of its status values is manifested in the Soviet cinema of the 1930s. In the first half decade its appearance in films was due to the specific structure of the frame during the transition to sound film, the need to hold and concentrate viewer’s attention on the character with details that give film characteristics of the image a particular nuance.

Keywords: social marker, gender marker, didactic value, accessories, auxiliary means, satire, irony, beads, brooches.

T. Savitskaya

“Sir Falstaff”. The form and content of the image (a jug of the era of historicism from the collection of A.N. Radishchev Saratov State Art Museum)

The article is devoted to issues of the evolution of the form and content filling of the image on traditional German ceramic vessels (16–17 centuries) in the second half of the 19th century. Based on the study of one of the iconic products of household ceramics of the era of historicism, the jug “Knight” (Germany, Westerwald, 1870s or early 1880s, modelled by R. Hanke) from the collection of the Saratov Radischev Museum, the author explains the shape of the “jug with a bearded mask”, the sense of this image and decor elements. The article analyzes the extent to which the worldview perception among people of the era of historicism, their aesthetic demands and value orientations manifest themselves in changing the semantic meaning of the image and modernizing the traditional Renaissance form of the vessel.

Keywords: arts and crafts, jug with a bearded mask, historicism, Hanke, A.N. Radischev Saratov State Art Museum, Sir Falstaff.

I. Shevchenko

Family, family values, family financial situation in the views of the intelligentsia

The article is devoted to the attitude to the importance of a family, family values and family financial situation in view of the Intelligentsia (the people of intellectual labor) in comparison with the population in general.

Keywords: family, family values, intellectuals, medical staff, teachers, cultural workers.

S. Schtein

Ontologization as the method of art history

The article is devoted to the description of the method of ontologization as a functional applied tool of art history researches and at the same time as system-forming method in relation to art history as a specific disciplinary subject.

Keywords: methodology of art history, art theory, ontologization, ontology of art, ontology of art history, metaontology of art, methods of art history, the science of art.

D. Tsybikova

Participation of the owners in matters of major overhaul in the apartment buildings

The article is devoted to the analysis of the involvement of Muscovites in resolving issues of housing overhaul. Based on the results of a number of studies, the level of awareness of residents about the principles of overhaul, personal participation is assessed. Opinions of residents on the amounts of mandatory contributions and the ways of accumulating funds for overhaul established by law are analyzed.

Keywords: citizen participation, overhaul in the apartment buildings, collective action.

Сведения об авторах

Андреев Андрей Игоревич – научный сотрудник сектора кино и телевидения Российского института истории искусств, brunnhilde@list.ru

Балданов Сергей Владимирович – аспирант кафедры современных проблем философии философского факультета РГГУ, baldanov.s@live.ru

Белая Ирина Витальевна – кандидат философских наук, независимый исследователь, Курск, belaya-irina@rambler.ru

Галкина Мария Михайловна – аспирант, преподаватель кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, mgalk-inam@yandex.ru

Иванова Наталия Витальевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет, ivanova.chsu@yandex.ru

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ; заведующий кафедрой социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки, the_shmiga@mail.ru

Колотаев Владимир Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, декан факультета истории искусства РГГУ, vakolotaev@gmail.com

Кранзеева Елена Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологических наук, Кемеровский государственный университет, elkranzeeva@mail.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, доцент кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства РГГУ, markovius@gmail.com

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, mit_s@mail.ru

Мыльников Денис Юрьевич – научный сотрудник сектора кино и телевидения Российского института истории искусств, zabmur@yandex.ru

Перфильева Ирина Юрьевна – кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, perfileva-irina@yandex.ru

Савицкая Татьяна Евгеньевна – соискатель кафедры музеологии факультета истории искусства РГГУ, sawizkaja@yandex.ru

Сумарокова Альбина Германовна – педагог-психолог, детский сад № 63, sumarokovv@yandex.ru

Улыбина Елена Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, evulbn@gmail.com

Цыбикова Дарима Гомбожаповна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, t-darima@yandex.ru

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, sheviren@yandex.ru.

Штейн Сергей Юрьевич – кандидат искусствоведения, доцент кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства РГГУ, sergey@schtein.ru

General data about the authors

Andreev Andrey I. – researcher, Cinema and Television Section, Russian Institute of Art History, brunnhilde@list.ru

Baldanov Sergey V. – postgraduate student, Department of Modern Philosophical problems, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, baldanov.s@live.ru

Belaya Irina V. – Ph.D. in Philosophy, independent researcher, Kursk, belaya-irina@rambler.ru

Galkina Marya M. – postgraduate student, lecturer, Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, mgalk-inam@yandex.ru

Ivanova Natalia V. – Dr. in Education, professor, head, Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets State University, ivanova.chsu@yandex.ru

Kolosova Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; head, Section of Sociology, Psychology and Pedagogy of Childhood Reading, Russian State Children's Library, the_shmiga@mail.ru

Kolotaev Vladimir A. – Dr. in Philology, professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, vakolotaev@gmail.com

Kranzeeva Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor, head, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, elkranzeeva@mail.ru

Markov Alexander V. – Dr. in Philology, associate professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, markovius@gmail.com

Mayorova-Shcheglova Svetlana N. – Dr. in Sociology, professor of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru

Mitrofanova Svetlana Yu. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of Sociology and Politics, S.P. Korolev Samara National Research University, mit_s@mail.ru

Mylnikov Denis Yu. – researcher, Cinema and Television Section, Russian Institute of Art History, zabmur@yandex.ru

Perfileva Irina Yu. – Ph.D. in Art History, associate professor, leading researcher, Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, perfileva-irina@yandex.ru

Savitskaya Tatyana E. – applicant, Department of Museology, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, sawizkaja@yandex.ru

Schtein Sergey Yu. – Ph.D. in Art History, associate professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, sergey@schtein.ru

Shevchenko Irina O. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Sumarokova Albina G. – educational psychologist, kindergarten № 63, sumarokovv@yandex.ru

Tsybikova Darima G. – Ph.D. in Sociology, associate professor of the Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, t-darima@yandex.ru

Ulybina Elena V. – Dr. in Psychology, professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, evulbn@gmail.com

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 3.06.2017.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 11,2.

Тираж 1050 экз. Заказ № 95

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71126

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
